

ISSN 0132-1366

СЛАВЯНО · ВЕДЕНИЕ

6
1999

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Содержание

6
1999
НОЯБРЬ •
ДЕКАБРЬ •

СТАТЬИ

Революции 1989 года в странах Центрально-Восточной Европы: взгляд через десятилетие.....	3
Случ С.Э. (Москва). Советско-германские отношения в ходе польской кампании и вопрос о вступлении СССР во вторую мировую войну.....	32
Марьина В.В. (Москва). Словацкое национальное восстание 1944 года в послевоенной историографии.....	44
Круглый стол "Драма: слово и действие".....	60
Из словаря "Славянские древности".....	90

СООБЩЕНИЯ

Вельмезова Е.В. (Москва). "Кузнечные заговоры" и текст кузнеца в чешской фольклорной традиции.....	104
--	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Мечковская Н.Б. Bibliografia językoznawstwa slawistycznego za rok 1992–1994.....	109
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Чвырь Н.В. Международная конференция "Славяне и их соседи".....	113
Досталь М.Ю. Конференция "Славянская идея: историография и источники".....	116
Осипова Н.С. Круглый стол "Славянские поэты – ровесники А.С. Пушкина".....	118
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1999 году.....	121
Новые издания Института славяноведения РАН.....	125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю.С. НОВОПАШИН (главный редактор), **А.В. БОЛДОВ** (отв. секретарь),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, **Г.К. ВЕНЕДИКТОВ**, **В.К. ВОЛКОВ**, **Р.П. ГРИШИНА**,
А.А. ГУГНИН, **В.И. КОСИК**, **Г.Ф. МАТВЕЕВ**, **Г.П. МЕЛЬНИКОВ**,
В.В. МОЧАЛОВА, **С.В. НИКОЛЬСКИЙ**, **В.Я. ПЕТРУХИН**,
М.А. РОБИНСКОН (первый зам. главного редактора),
Л.А. СОФРОНОВА (зам. главного редактора), **Б.Н. ФЛОРЯ**,
В.А. ХОРЕВ, **Т.В. ЦИВЬЯН** (зам. главного редактора)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии), *Валенцова М.М.* (отдел лингвистики),
Васильев М.А. (отдел истории).

Зав. редакцией *И.И. Бизяева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А.*, *Веслова И.Ю.*, *Кошкина Е.А.*

РЕВОЛЮЦИИ 1989 ГОДА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

20–21 апреля 1999 г. в Институте славяноведения РАН состоялась международная научная конференция, посвященная актуальным проблемам изучения антитоталитарных революций 1989 г. в странах Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ)¹, материалы которой публикуются ниже. Она была организована Научным советом "Социальные реформы, движения и революции" Отделения истории РАН и Центром истории революций и реформ в странах Центральной Европы в конце XX века Института славяноведения РАН. В конференции приняли участие сотрудники Института славяноведения РАН, Института сравнительной политологии РАН, Института востоковедения РАН, Института Европы РАН, Института международных экономических и политических исследований РАН, Института научной информации по общественным наукам РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Кемеровского университета, ученые из Польши и Чехии.

Открывший конференцию председатель Научного совета "Социальные реформы, движения и революции" академик *Г.Н. Севостьянов* отметил актуальность сравнительно-исторических исследований проблемы. На конференции впервые открывается возможность посмотреть, что сделано за истекшие десять лет в плане изучения событий, современниками которых мы являлись. Он подчеркнул, что Научный совет ставит перед собой цель интегрировать усилия ученых, координировать работу различных научных учреждений, проводить анализ и исторический синтез проделанной учеными работы и намечать новые, перспективные задачи.

Директор Института славяноведения д-р ист. наук *В.К. Волков* акцентировал внимание на сложности и неоднозначности произошедших в странах ЦВЕ событий и призвал к максимальной объективности в их оценке. Десять лет назад мы еще не представляли себе масштабов происходивших на наших глазах событий. Их следствием было крушение того миропорядка, который сложился в Европе после второй мировой войны. Мир из двухполюсного превратился в монополюсный, но это также таит в себе немалую опасность. Необходимо глубже исследовать предпосылки событий, приведших к краху коммунистических режимов в странах ЦВЕ: случившееся в 1989 г. не было предопределенным и неизбежным. Советские "архитекторы" перестройки ставили вопрос лишь об изменении сталинской модели административно-бюрократического социализма, и внешние импульсы, которые шли от них в страны ЦВЕ, имели огромное значение. Непонимание Москвой сути событий, развертывавшихся в ЦВЕ, привело к их обвальному характеру и к неудаче перестройки в СССР.

¹На конференции не анализировались события первой половины 1990-х годов на землях бывшей СФРЮ. Определение их характера – особая тема, поскольку там превалировали этнополитические причины этих событий, по отношению к которым вопросы антитоталитарных революционных преобразований занимали подчиненное место.

Феномен революции. Новые аспекты интерпретации

Заведующий Отделом современной истории Института славяноведения д-р философ. наук Ю.С. Новопашин, выступивший с докладом "Восточноевропейские революции 1989 г.: проблемы изучения"², также указал, что проблема предпосылок и конкретно-исторических причин крушения в восточноевропейских странах тоталитарной системы нуждается в дальнейшем осмыслении. Ясно, что события осени 1989 г. стали результатом достаточно продолжительного кризиса, и разобраться в том, как этот кризис назрел, значит во многом ответить на вопрос об их предпосылках и причинах. В принципиальном плане можно выделить несколько "уровней" (компонентов) кризиса: этический, идеологический, политический, организационный, социальный, охлократический, рекреационный. Реальный набор этих компонентов, на конкретном национально-государственном уровне обнаруживает немалое своеобразие. Точно так же страны различаются соотношением внутренних и внешних причин революционных событий (многообразные импульсы политики СССР, западноевропейское, американское влияние и пр.).

В международном плане значение революций 1989 г. будет разным для России и для остальной Европы. Что касается последней, то различные представители ее научной и политической элиты хорошо понимают свою выгоду от случившегося. Россия же лишилась в итоге каких-либо геополитических "защиток" в современной Европе, мало что сохранила положительного из прежней системы двустороннего и многостороннего сотрудничества с бывшими режимами в центрально-европейском регионе.

Проф. Р. Парадовский (Университет им. Коперника, Торунь, Польша) в докладе "Революция 1989 г. Опыт философского осмысления" отметил, что польская революция, в определенной мере подготовленная движением "снизу", имела все же характер проведенной "сверху" реформы. Движение "снизу" время от времени потрясало все страны, входившие в сферу советского политического и военного влияния. Однако проявления общественного недовольства существующим порядком подавлялись более или менее жесткими методами. Не обошлось без жертв и в Польше, они имели место при вооруженном подавлении восстания рабочих в Познани (июнь 1956 г.), широко-масштабного забастовочного движения в декабре 1970 г.

В 1970-х годах реакция властей на проявления бунта стала принципиально иной. При подавлении рабочих волнений власти старались избегать кровопролития. Если физическая расправа с негодными им людьми и происходила (например, убийство ксендза Попелушко), то она не носила прежнего открытого характера. Здесь надо иметь в виду относительное смягчение репрессивной сути системы и первые попытки ее трансформации сверху в это время. Правда, значительные послабления режима наблюдались уже с осени 1956 г. Но нельзя забывать, что пресловутая "оттепель" была действительно только послаблением, а не существенной перестройкой системы. "Оттепель" не означала переориентации правящих элит на капиталистический способ хозяйствования, не говоря уже о признании равенства политических прав всех граждан. Этот процесс начался после 1970 г. Революция 1989 г. была лишь его кульминацией.

В то время, когда общественное движение "Солидарность" требовало осуществления на деле социальной справедливости (августовские забастовки 1980 г. проходили под лозунгом "Социализму – да, извращениям – нет!"), коммунистические элиты готовились к перераспределению государственного имущества. Введение военного положения также послужило реализации этой цели. К началу 1989 г. поворот в этом направлении был полностью подготовлен, в том числе и в законодательном плане. Не хватало только политической власти и политической легитимации для его реализации. Нужен был политический союз с альтернативными элитами. Так появился

²Доклад Ю.С. Новопашина опубликован в журнале "Славяноведение", 1999, № 4.

проект "круглого стола" с участием ПОРП, части оппозиции во главе с Л. Валенсой, других политических сил.

Только исходя из этой временной перспективы можно пытаться сегодня оценивать произошедшие в результате революции 1989 г. изменения польской политической системы и общекультурной ситуации. Но была ли это действительно революция? Можно, конечно, сказать, что все зависит от принятых критериев определения. Обычно революцией называют достаточно бурные события в общественно-политической сфере, сопровождаемые массовым насилием. Образцом такого рода событий являются английская, французская, а также большевистская революции. Чтобы ответить на вопрос, почему польская революция 1989 г. и вообще события 1989 г. в ЦВЕ имели действительно революционный характер, надо обратиться прежде всего к вопросу о культуре и к поискам ее философского обоснования.

Испокон веков культура, в том числе и политическая, создавалась по принципу силы и послушания. Однако с самого начала здесь присутствовал другой, противоположный принцип, а именно принцип взаимного признания свободы и суверенитета. Об этом свидетельствует, в частности, и библейский миф об изгнании из рая как сферы всепослушания, в котором даже сам Бог, после некоторых колебаний, признает, что нарушение запрета, приведшее человека к божественной свободе выбора между добром и злом, так же как и послушание, может быть равноправным источником ценностей, а значит и культуры. И в этом смысле можно утверждать, что события 1989 г. были все-таки революцией, переходом от традиционной культуры с ее принципом всепослушания и законного насилия к культуре взаимного признания индивидами их обоюдной субъектности и суверенитета, а также закона как овестьственной формы этого отношения.

Принципы диалектической метафизики выбора позволяют видеть всего лишь две разновидности культуры. Однако типов культуры силы и послушания три. При этом довольно легко можно себе представить какие-то другие, кроме магии, религии и рекламы, культурные доминанты, основанные на принципе послушания. Сложнее дело обстоит с культурой свободы. Нельзя, конечно, исключить появления в будущем какой-то иной, отличной от права, доминанты культуры основанной на свободе. Одно не подлежит сомнению: переход от культуры силы и послушания к культуре свободы (с ее основополагающим принципом прав человека) – это самая настоящая революция в истории человеческой культуры, сравнимая лишь с самим ее возникновением. Поэтому надо считать, что каждое человеческое мероприятие, которое не сводится лишь к единичному поступку (хотя в конечном счете именно из этих поступков построена материя культуры), мероприятие, которое существенно приближает превращение высшего бытия (т.е. субъект-субъектного метафизического выбора) в культуру свободы, имеет все признаки революции. Все признаки именно такой революции имеет также и польский "круглый стол". Конечно, одно событие, даже такое масштабное, как этот "круглый стол", само по себе не может изменить всю культуру. Смена культурной доминанты подготавливается на протяжении веков, а ее появление не означает исчезновения предыдущих типов культуры, особенно культуры традиционной. Культуры продолжают сосуществовать, а культурные доминанты – магия, религия, реклама, право, – борются за первенство. В рамках традиционного типа культуры борются за превосходство, как в мире вообще, так и в Европе, в частности, разные воплощения религиозной эксклюзивности. Таким образом, вот уже десять лет после революции "круглого стола" в Польше традиционная культура стремится отвоевывать утрачиваемые позиции. Это, например, находит свое выражение в попытках маргинализации оппозиции и всякого рода меньшинств, восстановления принципа "руководящей роли авангарда" путем гарантирования привилегированного положения католической церкви, в попытках создания идеократического католического государства, в игнорировании, а порой и явном попрании Конституции.

К сожалению, подобные попытки проведения по сути консервативной контр-революции – не единственная угроза либерально-демократической культуре свободы

и прав человека. Не меньшую, а в дальнейшей перспективе даже большую угрозу несет в себе превращение экономического принципа эффективности и всеобщей эквивалентности в общий принцип культуры – культуры потребительской. Институты либерально-демократической культуры очень уязвимы. Они нуждаются в постоянном воссоздании своей структуры, а тем самым требуют от индивида как постоянного самоограничения, так и преодоления соблазна пассивности. Традиционная культура хочет от него только того, чтобы он позволил себя опекать. Потребительская культура уговаривает человека, чтобы он только следовал своим желаниям. Первая обещает ему "приручение" смерти, вторая – страну бесконечного детства, в которой смерти вообще нет. В свою очередь, если либеральная демократия что-либо и обещает, так это только свободу, окупаемую постоянным трудом преодоления своих и чужих стремлений к доминированию и подчинению. Поэтому надо только надеяться, что либерально- демократическая революция будет непрерывной, что люди не откажутся от труда и свободы. В противном случае культура свободы и права может оказаться лишь кратким эпизодом в истории человечества.

Д-р ист. наук В.И. Максименко (Институт востоковедения РАН) в докладе "Феноменология революции. Опыт теоретического анализа" стремился выявить методологические основания теории революции, которые удовлетворяли бы требованиям понимания эпохи рубежа XXI в.

Исключительное сближение в пространстве и времени *шести* революций в *шести* восточноевропейских странах в 1989 г. – явление, которое не может не притягивать исследователя. Каждая из этих революций обладает неповторимыми чертами, и что-либо усреднять здесь, конечно, не следует, но сам факт синхронизации этих революций в одном геополитическом районе предполагает *общую историческую рамку*. Теоретически корректной здесь может быть *глобальная* рамка рассмотрения данного феномена.

Немецкий философ В. Хёсле назвал год, когда пала Берлинская стена и в Восточной Европе произошло то, что произошло, "всемирно-историческим 1989 годом". Именно тогда была озвучена идея установления "нового мирового порядка". В том же 1989 г. в недрах Римского клуба (пионера разработки "глобальных проблем") началась подготовка доклада, который был выпущен вскоре под названием "Первая глобальная революция". Датой начала "глобальной революции" назван в докладе 1968 г., когда родился план создания самого Римского клуба и появилась статья американского политолога З. Бжезинского, в которой он писал: "Наша эпоха является не просто революционной эпохой: мы вошли в фазу метаморфозы всей человеческой истории. Мир стоит на пороге трансформации, которая по своим историческим и человеческим последствиям будет более драматичной, чем та, что была вызвана французской или большевистской революциями... В 2000 году признают, что Робеспьер и Ленин были мягкими реформаторами" [1].

Обратившись к классическому сочинению французского историка и социолога А. де Токвиля "Старый порядок и революция" (1856) докладчик обрисовал шесть важнейших, с его точки зрения, черт революции (ее "феноменологическую гексаграмму").

1) Революция есть *раскол* социального пространства и исторического времени. В 1789 г., писал Токвиль, французы совершили деяние, которым "они разделили надвое свою судьбу, создав пропасть между тем, чем они были до сих пор, и тем, чем они желают быть отныне" [2] (далее ссылки на работу Токвиля даны в тексте в скобках после цитаты).

2) Чем революция радикальнее, чем решительнее стремление навсегда отрезать от себя "проклятое прошлое", тем неотвратимее возврат теней и фигур этого прошлого, или "*реинкарнация*" принципов *Старого порядка* в *послереволюционную эпоху*. Французы, писал Токвиль, всячески стремясь и понуждая себя начать "жить иначе, чем жили их отцы", на самом деле "гораздо менее преуспели в этом своеобразном предприятии, чем это казалось со стороны и чем это считали они сами" (С. 3). Токвиль утверждал, что за 60 лет продолжающейся Революции "в области

общественного управления восторжествовали не принципы 1789 г., как это часто говорят, но, напротив, были восстановлены принципы Старого порядка" (С. 53)

3) Третьей важнейшей чертой того, что Токвиль называл "демократической революцией" (С. 54), стал "*демократический деспотизм*" (С. 131). Его смысл – в громадной централизации, которая уничтожив "все промежуточные формы власти", создала в обществе "огромное пустое пространство" (С. 59). Революционеры, разрушив монархию, сохранили фундамент (централизацию), над которым при старом режиме "трудились десять поколений" (С. 24) и который "остался целым даже в душах самих разрушителей" (С. 62)

4) *Революция – это не событие, а мировая эпоха*. Отсчет данной эпохи Токвиль начинает с "великой революции XVI века", или "религиозной революции XVI века" (С. 149), имея в виду реформацию западной христианской церкви. О мировом характере революции-эпохи Токвиль писал скупно, но определенно. Революция, отмечал он, продолжает оказывать "воздействие... на судьбу мира" (С. 11), это "универсальный... факт" (С. 12).

5) Революция создает впечатление, что она *совершается сама собой*, "что отнюдь не люди ведут революцию, а что сама революция использует людей в своих целях" [3]. Первым эту мысль сформулировал французский публицист и философ конца XVIII – начала XIX в. Жозеф де Местр, у Токвиля она повторяется и дается резче: он признает, что Революция – это "невиданная сила., которую никто не способен остановить и которая сама не в состоянии остановиться" (С. 12).

6) *Революция, отвергая Бога, сама становится религией*. Безбожие, как подчеркивал Токвиль, стало во французской революции страстью "пылкой, нетерпимой, деспотической" (С. 121). Соответственно этому, люди революции "верили в себя" (С. 125), и эта новая вера Нового времени произвела на свет "новый род революционеров., у которых ничто не вызывало угрызений совести" (С. 126).

Д-р ист. наук *Н.В. Коровицына* (ИС РАН) выступила с докладом «"Бархатные" революции как феномен массового сознания восточноевропейцев: общее и национально-особенное". Революции 1989–1991 гг. в странах Восточной Европы и СССР нельзя рассматривать в отрыве от их эволюции в условиях "догоняющей" Запад модернизации, продолжавшейся на протяжении всего XX в. Со времени утверждения коммунистического режима этот процесс приобретает форсированный характер. Обратной стороной социалистической модернизации выступает советизация восточноевропейского общества как проявление послевоенной геополитической реальности. Период форсированной индустриализации имеет формообразующее значение для общественно-политической системы, пережившей свой крах на рубеже 1980–1990-х годов. Понимание причин этого краха невозможно без обращения к анализу обеих его сторон – как собственно политико-событийного ряда – от социалистической до капиталистической революции, так и объективной реальности экономической и особенно социокультурной модернизации.

К началу 60-х годов завершается строительство основ социализма, что означает создание фундамента индустриального общества в регионе. К этому времени процессы социально-экономического развития в различных странах Восточной Европы и СССР, стартовый уровень которых был далеко не одинаков, уже относительно синхронизируются. Коммунистический режим встает перед необходимостью определения дальнейшего пути развития – развития постиндустриального. О необходимости пересмотра в новых условиях базисных принципов действующей общественной модели, настоятельно свидетельствовали события "Пражской весны". Они по существу и явились рубежом, разделяющим два этапа истории коммунистического режима – времени его "чистых", "классических" форм и времени его форм конвергентных. Если первый этап провозглашался как соревнование двух систем, их соперничество, второй был скорее более или менее явной капитуляцией соцсистемы перед так и не превзойденным Западом. Апофеозом этой капитуляции стали события 1989 г. в странах ЦВЕ.

Обращение компартий к западной модели развития в постсталинский и постиндустриальный период становится все более очевидным. "Демонстрационный эффект" западных стандартов потребления явился главной причиной отказа от системы социализма как неспособной обеспечить адекватный западному уровень жизни. Путь к этому лежал через два десятилетия "потребительского" ("домашнего", гуляшного") социализма, в последовательном отступлении от принципов советской морали, тяготеющей к российской культурной традиции с ее приоритетом духовно-нравственного начала человеческой жизни над ее началом материальным.

Социокультурные предпосылки революции 1989 г. складывались на протяжении всего второго этапа истории восточноевропейского социализма, т.е. два десятилетия. Речь в данном случае идет не просто о смене базисных доктринальных установок, а о возникновении массовой основы этой смены. Она возникла в результате появления в послевоенный период в Восточной Европе нового типа социальности. Этот тип начал складываться в условиях индустриализации и продолжился при переходе к постиндустриальному обществу. Начало этого перехода отмечено серией "бескровных" революций: научно-технической, урбанистической, образовательной.

В 70-е годы в Восточной Европе появляется такая социальная категория, как массовая интеллигенция, или многочисленный образованный класс. Он становится "лицом" и "авангардом" молодого поколения, в котором складывается огромный потенциал умственного труда. Одновременно нарастает массовое разочарование в способности "реального социализма" обеспечить желанный рост уровня жизни, сопоставимый с западным. "Новая" интеллигенция второго поколения теряет социальную перспективу, ярко характеризовавшую настрой первого поколения образованного класса 50-х годов. Возникает потенциальная массовая основа смены режима.

С начала 80-х годов начинается разрушение сложившейся в 50-е годы относительно стабильной и гомогенной системы ценностей. Девальвируются ценности труда и образования. В обстановке гласности критicism по отношению к существующему режиму со стороны второго поколения образованного класса нарастает лавинообразно. Тридцатилетняя городская интеллигенция выступает в роли прямой наследницы "шестидесятников". Их объединяет высокий уровень образования и политизированности, порождающий амбициозность планов, тягу к антиэгалитаризму, к модернизму, открытости миру. Стремление "в Европу" и связанные с ним иллюзии о скором национальном и индивидуальном процветании выполнили роль мобилизующей интегрирующей идеологии. Эта идеология давала ее сторонникам новую перспективу, альтернативную социалистической.

Победу революций конца 80-х годов предрешил "фактор надежды", т.е. сверхоптимистические ожидания относительно повышения уровня благосостояния, который стал восприниматься как главный символ общественного прогресса. Именно эти ожидания и сформировали массовую основу рассматриваемых революций. Революции произошли практически одновременно во всех странах региона. Повсеместно демократизация экономической и политической жизни воспринималась как вестернизация, создавая основу перехода к новой геополитической реальности. Революция сознания, вылившаяся в революционную смену режимов в странах ЦВЕ, стала первым крупнейшим политическим актом эпохи информационного общества.

Канд. ист. наук *П.Е. Кандель* (Институт Европы РАН), в докладе о сущности анти-тоталитарных революций отметил, что в самом этом определении есть известное противоречие. К моменту своего крушения тоталитаризм в большинстве европейских социалистических стран в результате внутренней эрозии утратил "тотальность" как системообразующее качество. Революциям сознательно был задан эволюционный характер. Оппозиция и не желала насильственных перемен, и не имела для этого сил; более того, степень податливости власти сильно превышала силу давления на нее.

Тип общественного строя задает качественное своеобразие ниспровергающей его революции. В этом контексте события 1989–1990 гг. в ЦВЕ являются процессами, принципиально разнопорядковыми сравнительно с буржуазными и социалистичес-

кими революциями. Строй, основанный на идейно-властной монополии, мог быть свергнут в результате "революции идей", а не "революции интересов", что и произошло. При всей массовости движений протеста взаимодействие элитных и контрэлитных групп, сознательный выбор ими в процессе политического торга стратегии и тактики перехода к новому общественному устройству, его организационных форм и институтов предопределили исход и результат процесса трансформации. При всем антикоммунистическом пафосе массовые действия протеста вдохновлялись общественным идеалом по сути социалистическим. Наибольшее неприятие вызывали проявления социального неравенства и социальной несправедливости (привилегии, коррупция, бюрократизм, самоволие власти и бесправие граждан). Вместе с тем проект нового общественного устройства был заимствован и, более того, сущностно предопределен европейским образцом и оформлялся организационно в строгом соответствии с европейским прототипом.

Показательны и не случайны данные ежегодных социологических опросов, проводимых "Центральным и Восточным Евробарометром". Графики, отражающие отношение населения к рыночной экономике, управлению страной, уважению прав человека и удовлетворенность уровнем развития демократии, рисуют очень выразительную картину. Если отношение к рыночной экономике при всей специфике отдельных стран повсеместно удерживается в области позитивных значений на протяжении всего постсоциалистического развития, то удовлетворенность уровнем развития демократии не менее стабильно дислоцируется в области негативных оценок. (Исключение составляют Румыния и Албания, где резкий всплеск позитивных оценок был связан с не менее резкими политическими переменами в этих странах.) Таким образом, легитимизировавшие себя как демократические, революции именно в области демократии оказались наименее результативны.

Внешние факторы сыграли в крахе "реального социализма" роль не меньшую, чем внутренние, а может быть, и решающую. Во-первых, экономическое и идейное поражение "реального социализма" в "холодной войне" явилось едва ли не главной предпосылкой его последнего и окончательного кризиса. Во-вторых, сознательный отказ СССР от силового вмешательства в ход событий, более того, поддержка, а местами и стимулирование реформистского курса в странах ЦВЕ принципиально изменили внутреннее соотношение сил. Вместе с тем мощным фактором расширения потенциала протеста была мобилизация оскорбленного национального чувства (Польша, Венгрия, Чехословакия, ГДР). Трудно переоценить силу примера и взаимовлияния в стимулировании революционных преобразований в странах региона. Наконец, само видение нового строя было прямой проекцией европейского образца. Внешние факторы сохраняют силу решающих и в постсоциалистическом развитии. Достаточно очевидно, что, если бы не экономическая и интеллектуально-организационная помощь стран ЕС, западные кредиты, долговые послабления и капиталовложения, результаты постсоциалистического развития и сам его характер были бы иными.

Проф. *И.С. Яжборовская* (Институт сравнительной политологии РАН) акцентировала внимание на политологических подходах к проблематике трансформации общественного устройства в странах региона. Тема рассматривалась ею в контексте глобальных постиндустриальных изменений в регионе и связи с новыми явлениями в обществоведении. Складывается новый тип развития общества с циклической динамикой кризисов и нелинейным направлением прогресса. Чтобы разобраться в этом, следует отказаться от прежней чрезмерной идеологизации и политизации общественных наук, не брать за основу идеологические стереотипы одной страны и не базироваться на устаревших концепциях и понятийном аппарате [4]. Так, например, много десятилетий идеализировалось понятие "революция". Она отождествлялась с прогрессом, именовалась "локомотивом истории". Между тем далеко не всегда за ней следовало созидание, а иной раз рельсы оказывались разрушены, и "локомотив" мчался совсем в другую сторону. Необходимо отказаться от кодификации ряда

понятий, предложить новую парадигму общественного развития [5]. Многие догмы и стереотипы обнаружили свою несостоятельность, непригодность для решения новых задач, между тем они все еще функционируют в постидеологическом сознании, в электрической смеси разных парадигм – господствовавших и утверждающихся. Попытки подлатать старые представления, несколько модернизировав их, контрпродуктивны.

Важное место в обществоведении начинает занимать теория трансформации переходных процессов, позволяющая определять причины и признаки кризисных потрясений и катастроф. Большие методологические резервы содержит и синергетика, теория организации и самоорганизации общества, позволяющая выявлять господствующие тенденции и, опираясь на них, использовать новые альтернативные парадигмы социальной трансформации, искать законы эволюции.

Ядром политических наук является политология, которая уделяет серьезное внимание проблематике трансформаций переходного периода на материалах Южной Европы, Латинской Америки, а с конца 80-х годов – и ЦВЕ. В зависимости от объекта исследования применяются системный, структурно-функциональный, политико-культурный, а также сравнительно-исторический подходы. Компаративистика стала крупным самостоятельным разделом, позволяющим решать масштабные проблемы в рамках регионов и субрегионов. Трансформации в странах ЦВЕ продемонстрировали большое количество вариантов. В одних странах смена общественного устройства осуществлялась путем постепенной замены старых элементов новыми. В других происходила внезапная смена всех существенных элементов общественного строя. Имела место и другая динамика процесса – ключевые элементы старого порядка быстро и энергично заменялись новыми.

Революционные преобразования по-разному сочетались с реформами: развитие происходило отнюдь не по единой модели. В результате масштабные изменения при детальном рассмотрении оказываются многоэтапными, содержащими характеристики как революционных преобразований, так и реформ (что вызвало появление термина "революция"), а также реставраций, контрреволюций и т.д. Кроме вступительного этапа "транзита" от модели "партии-государства" к демократии обнаружилось и другие этапы, разноуровневые и разноскоростные процессы продвинутой фазы преобразований, упорядочения демократической политической системы, всей совокупности политических институтов, прогрессирующей динамической стабилизации и т.д., что стало основой выделения новой теоретической субдисциплины – "консолидологии". Сравнительная политология оказывается весьма плодотворной отраслью знания, способствующей углублению анализа радикальных перемен конца XX в. в регионе ЦВЕ.

Доц. Ю.М. Трибицов (Кемеровский университет) сообщил об изучении рассматриваемой проблемы в Кемеровском университете. Уже зимой 1989/90 учебного года докладчик начал читать спецкурс и вести спецсеминар по теме "Историческая обусловленность коренных политических перемен в Восточной Европе". Спецкурс почти не затрагивает саму смену строя, события 1989 г., которым целиком посвящен спецсеминар. Спецкурс начинается с конца первой мировой войны и первых попыток местных и советских коммунистов взять власть в Польше, Венгрии, Германии. Объясняются причины способности буржуазных демократий устоять в межвоенный период, затем – решительное изменение обстановки в пользу коммунистов в связи с результатами второй мировой войны. Подробно раскрывается механизм подчинения стран ЦВЕ влиянию Кремля и местных просоветских сил. Дальнейшее развитие региона руководитель спецкурса четко делит на период жесткого сталинизма и его постепенного "размывания". Студенты подводятся к анализу причин склонения чаши весов на сторону антикоммунизма в конце 80-х годов.

Соотношение внешних и внутренних факторов в революционных событиях 1989 г.

Ю.С. Новопашин. В науке существует два понимания соотношения внутренних и внешних факторов в революциях 1989 г. в странах ЦВЕ. Сторонники одного придерживаются традиционной точки зрения, т.е. считают определяющими внутренние факторы. Приверженцы другого указывают на своеобразие бывшего социалистического содружества, которое определялось исключительной ролью КПСС и Советского государства. Из этого делается вывод о примате в указанном соотношении внешнего, советского фактора. Являясь сторонником второго понимания, хочу остановиться на политике СССР в то переломное время и попытаться определить объективный вектор ее воздействия на страны восточноевропейского региона. До самого начала революционных событий в ноябре 1989 г. отношение Москвы к своим социалистическим союзникам не претерпело особых "перестроечных" новаций, продолжало оставаться несколько пренебрежительным. Однако революции все изменили: партнерами Кремля в ЦВЕ оказались антикоммунисты, для которых КПСС и вся государственная машина СССР – никакие и ни в чем не лидеры, а экспансионисты и оккупанты. И здесь феноменальная бюрократическая медлительность советских инстанций обернулась для СССР очевидным ущербом – массовым ростом анти-советских настроений. Отказ партнеров по Варшавскому пакту от военно-политического сотрудничества с СССР ударил по самолюбию советского партийного и государственного руководства, и это подтолкнуло команду Горбачева к тому, чтобы уклониться от разработки и проведения в жизнь по-настоящему новой политики в отношении восточноевропейского региона. С дистанции истекшего постреволюционного десятилетия очевидно, что это была во многом ошибочная политика, сыгравшая роковую роль в том, что наша страна от восточноевропейских революций больше потеряла, чем приобрела. Потеряла многих сторонников и умножила число недоброжелателей.

Проф. *Д.М. Фельдман* (МГУ им. М.В. Ломоносова) посвятил свое выступление развитию отношений России и Восточной Европы от "холодной войны" к новому мировому порядку. Он констатировал, что крушение советской империи явилось итогом ее собственной жизнедеятельности, т.е. ее саморазрушением. Оно в значительно меньшей мере было результатом усилий ее внутренних и внешних врагов, многие из которых даже не ставили перед собой цель разрушить СССР, чем следствием логики ее внутреннего развития, истощения возможностей и ресурсов для проведения имперской политики.

Чего же можно ожидать от будущего? Не только в России, но и на Востоке, и на Западе стремятся выработать стратегию своего поведения, ведущую к достижению внешнеполитических целей в соответствии с изменившейся обстановкой. Отсюда – и предупреждения о преждевременности партнерства с новой Россией, могущего привести к восстановлению ее мощи и политического влияния [6], и популярная в США концепция "униполярности" освящающая их "мировое лидерство".

Но какие бы сценарии будущего мирового политического порядка ни строили государственные деятели разных стран, ни в одном из этих сценариев будущее мировой политики не рисуется как царство бесконфликтной гармонии, а Россия не исключается ни из сотрудничества, ни из противоборства цивилизаций, полюсов силы или государств. Более того, не только в Европе, но и в Америке нет сомнений в том, что Россия будет иметь глубокое влияние на безопасность США, стран Евразии и различных регионов ЦВЕ.

Россия, даже будучи "больной" страной в международном сообществе, переживая глубокий и всесторонний кризис, благоприятный исход которого отнюдь не гарантирован, все же и сегодня, и в обозримой исторической перспективе будет сохранять свою роль одного из центров военной силы и (увы!) социально-политической

напряженности. Значение влияния того и другого на восточноевропейских соседей ни в коем случае не следует недооценивать. Перспективы установления сколько-нибудь длительного существования и неизбежного крушения Рах Americana это влияние не уменьшают, а скорее увеличивают. Россия даже в самых неблагоприятных для себя условиях уже просто самим своим существованием будет во многом формировать политический климат в ЦВЕ.

Но благоприятное влияние этого климата на взаимоотношения России со "старыми" и "новыми" государствами ЦВЕ возможно лишь при окончательном отказе от репрессивно-силовых методов в проведении внешней политики, в частности в обеспечении безопасности своих рубежей. Широкое применение этих методов в советский период российской истории, а также отнюдь не безоговорочно благоприятная для нас история дооктябрьских отношений России с большинством соседних стран и народов породили там вполне понятные комплексы настороженного отношения к ней. "Разогрев" этих комплексов в результате даже самых искренних, но далеко не всегда хорошо просчитанных шагов российских политиков, предпринимавшихся в частности, в ходе противостояния действиям НАТО на Балканах весной 1999 г., может вызвать весьма тяжелые последствия для России.

Будущее России и стран ЦВЕ в формирующемся сегодня мире связано с появлением и реализацией все новых возможностей международного сотрудничества. Но это отнюдь не беспроблемный мир, исключая конкуренцию, столкновение интересов и межгосударственное противоборство. Нужно учиться осознавать и отстаивать свои реальные интересы, порождаемые жизнью в этом мире.

В. Бартушка (Чехия) в своем выступлении говорил о советском влиянии на смену режима в Чехословакии в 1989 г.

Будучи непосредственным участником событий, докладчик обратил внимание на то, что главная черта смены режима в ЧССР – его быстрота и относительная легкость. Студенты, которые 20 ноября начинали забастовку, не могли даже представить, что они одержат победу, а тем более, что она будет столь молниеносной. Но уже тогда многим казалось странным столь быстрое падение режима, которого все мы боялись и прочность которого считалась само собой разумеющейся. Если же учесть, что почти одновременно пали коммунистические режимы в других странах ЦВЕ, то неудивительно появление ряда спекуляций и измышлений о том, что же на самом деле произошло в социалистическом лагере в рассматриваемый период.

Одной из наиболее распространенных явилась гипотеза о "новой Ялте", в соответствии с которой Дж. Буш и М. Горбачев просто-напросто пошли на компромисс: СССР отказался от своего влияния в ЦВЕ в обмен на экономическую помощь, в которой отчаянно нуждался.

Второй, такой же весьма распространенной версией, была "неудачная горбачевизация Варшавского договора". По этой версии, новое советское руководство стремилось заменить в государствах-вассалах старые кадры новыми лидерами, которые могли бы поддержать перестройку и тем самым облегчить Горбачеву его борьбу с внутренней оппозицией. Однако Кремль якобы не готов был поддержать жестких сторонников данного пути в странах ЦВЕ, боровшихся не за демократизацию, не за реформирование социализма, а за его конец.

Две указанные версии, которые со временем получили многочисленных и убежденных сторонников, объединяет главное: они основаны на предположении, что в 1989 г. СССР располагал в этих странах достаточной властью, чтобы добиться "новой Ялты" или устранить старых вождей и заменить их новыми. Насколько обоснованно это предположение? Советское влияние в Чехословакии в 1989 г. осуществлялось по нескольким направлениям: официальные связи между партийными руководствами, органами государственного управления или военными представителями; личные контакты и связи между сотрудниками и ведущими представителями партии, государственного управления и силовых структур; наконец, секретные контакты между советскими разведывательными службами и их агентами в ЧССР.

Официальные контакты между партийным руководством в Москве и Праге в ходе перестройки значительно ослабли. Кульминационным признаком этого отчуждения явился отказ Горбачева от телефонной беседы с М. Якешем летом 1989 г., когда чехословацкий представитель отдыхал в Ялте.

С другой стороны, в системе советского контроля силовых структур на территории ЧССР во второй половине 80-х годов не произошло существенных изменений. В Министерстве внутренних дел по-прежнему продолжали работу советские "офицеры связи", а армия подчинялась единому командованию Варшавского договора. Было бы поэтому неправомерно делать из охлаждения отношений между партийными верхушками какие-либо далеко идущие выводы.

О секретных контактах между советскими разведорганами и их агентами внутри властных структур социалистической Чехословакии время от времени говорят некоторые журналисты и политики в Чешской Республике. Подобного рода утверждения можно опровергнуть, поскольку в ходе проведенного расследования ни о каких советских шпионах во властных структурах в Чехословакии сведений не обнаружилось. Но вместе с тем следует признать, что ни КГБ, ни ГРУ уже не нуждались в чем-либо подобном. В руководстве партии, армии и органов безопасности всегда было достаточно людей, готовых рассказать советским друзьям обо всем, происходившем в Чехословакии.

Официальное советское влияние в ноябре 1989 г. проявилось совершенно очевидно в одном: в пассивности. Еще до прихода к власти Горбачева Советский Союз уже, как правило, не мог предложить своим вассалам что-либо другое, кроме силы. Когда Горбачев порвал с "доктриной Брежнева", он тем самым де-факто лишился большей части своего влияния.

Для руководства КПЧ, стремившегося удержаться у власти, как и для Гражданского форума, под руководством которого осуществлялись преобразования в ЧССР, жизненно важным был вопрос: останутся ли советские войска нейтральными и в своих казармах. Как только стало ясно, что Советская армия не станет вмешиваться, к советскому посольству в Праге интерес был утрачен. Стал очевиден тот факт, что Кремль не хочет допустить какого-либо кровопролития на улицах Праги, и горбачевское руководство не делало абсолютно никакой тайны из этого.

Личные контакты между советскими и чехословацкими представителями имели место как непосредственно в ноябре 1989 г., так и вскоре после произошедших событий. Горбачев и Якеш не испытывали симпатий друг к другу. С десятилетней дистанции мне кажется, что фактор личной неприязни между Кремлем и пражским руководством играл значительно меньшую роль, чем нам представлялось. Существенным было то, что Кремль не выражал желания защищать Якеша, прибегая к силе. Но причины такой позиции носили не личный, а экономический характер.

Канд. ист. наук *Ю.И. Изрицкий* (ИНИОН РАН) затронул некоторые дискуссионные вопросы, касающиеся роли внешних и внутренних факторов в революциях 1989 г.

Вечный для всех революций вопрос о соотношении элементов преобразований и преемственности в случае с регионом ЦВЕ осложняется тем, что в ряде случаев имел место возврат к институтам и ценностям, предшествовавшим установлению системы советского типа (ССТ). Правомерно ли тогда употребление понятия "революция", если в ключевой, экономической сфере жизнедеятельности постсоциалистических социумов "выход из социализма" осуществлен скорее формально, ибо практика ССТ еще сильно укоренена?

С вопросом содержания революций теснейшим образом связан вопрос об их причинах. Что касается причин краха ССТ и СССР, то, согласно одной точке зрения, сработал исключительно субъективный фактор, выразившийся в политической воле и действиях сначала Горбачева с группой единомышленников, а затем Ельцина с его "группой поддержки" при гласном или негласном поощрении неких внешних сил. Согласно другой, Россия лишь с опозданием включилась в общемировые процессы,

подчиняясь логике истории и требованиям развития (модернизации). Применимы ли эти подходы к изучению "бархатных" революций в ЦВЕ?

Конечно, не будь апреля 1985 г. в СССР, не было бы и событий конца 1980-х в ЦВЕ. Но степень зрелости этих стран для радикальных реформ была на тот момент значительно выше, чем в перестроечном СССР, главным образом в силу иных социально-исторических и культурных традиций, а также более короткого срока существования в парадигме ССТ. Были ли "бархатные" революции автохтонными или заимствованными, догоняющими? Вероятно, в большинстве случаев налицо совпадение внутренних и внешних импульсов к революционным переменам. Представляется, что в отношении событий второй половины 80-х – начала 90-х годов во всем огромном центрально-восточноевропейском и евразийском пространстве правомерно говорить об общей цепной антисистемной реакции, приведшей к радикальной общественной трансформации.

Конечно, невозможно представить, что все страны региона в состоянии примкнуть к Западной Европе и войти в ЕС "всем миром". Именно сейчас перед этими странами открывается возможность в полной мере проявить свою гетерогенность, понимаемую как яркое проявление своеобразия в процессе общего движения к общеевропейским институтам и нормам.

В событиях конца 80-х – начала 90-х годов просматривается не только революционность, но и эволюционность. В сфере материального производства и научно-технического развития происходят изменения индустриального и постиндустриального характера. Многовековые этнокультурные традиции скорее возрождаются, чем обновляются. Может быть, то, что мы называем революциями, представляет собой всего лишь стадию в общемировом процессе модернизации и развития, стадию, в которой факторы и тенденции революционного характера переплетаются с факторами и тенденциями эволюционного характера.

Национальные формы и особенности революций

Д-р ист. наук *Б.Й. Желицки* (ИС РАН) рассмотрел предпосылки и причины революционных сдвигов в Венгрии в региональном плане в конце 1980-х годов. В это время произошел стремительный слом старого общественно-политического устройства в регионе ЦВЕ, состоялся переход от диктаторских и авторитарных режимов к парламентской демократии. Сегодня еще нет исчерпывающего и однозначного ответа на вопрос о глубинных причинах развала "реального социализма", который произошел неожиданно и протекал по принципу "эффекта домино", в исторически короткий срок превратил в руины всю социалистическую систему советского типа. Каковы причины столь стремительного и крутого перелома? Что именно вызвало коренную ломку казалось бы незыблемой системы, произошедшую синхронно и мирным путем?

Представляется, что причины кризиса и последующего развала системы весьма глубоки, и их следует искать в самом общественно-экономическом строе, в самой системе и факторах, характеризующих политическую надстройку. Кстати, в институтском сборнике "Восточная Европа на историческом переломе" (1991) была уже сделана попытка по свежим следам событий охарактеризовать их ход. Существующая на сегодняшний день литература, прежде всего политологического плана, объясняет эти события весьма поверхностно, с точки зрения формального политического переустройства и с позиций абстрактной рыночной экономики. При этом правые делают акцент на стремлении народов региона к свободе, подчеркивая революционный характер перемен. Левые же избегают квалифицировать события как революции, предпочитая говорить о сломе, антикоммунистическом перевороте и т.п. Так или иначе, революции решают вопрос о власти, о ее захвате или свержении, о смене политического строя или системы в целом. Такая смена фактически состоялась. Этот

процесс развивался весьма стремительно и имел, в зависимости от силы сопротивления политической элиты данной страны, формы проявления от "тихого" или "бархатного" до кровавого. В этом процессе присутствовали не столько антисоциалистические в собственном понимании этого слова, сколько антитоталитарные и антиавторитарные черты, присущие демократическим революциям.

В отдельных странах "могильщиком" старой системы выступила партийная элита. Стремясь к реформам, она сама раскачивала систему. Монополярная власть компартий и их лидеров оставалась последним обручем, сдерживавшим режимы от развала. В 80-е годы в ряде стран региона произошла смена поколения партийных лидеров, что имело исключительно важное значение для начавшейся либерализации строя. Характеристика личностей партийных лидеров этого периода как фактора продвижения к демократии заслуживает подробного анализа.

События рубежа 80–90-х годов в странах ЦВЕ имели как общие характерные черты системного и регионального порядка, так и свою специфику. К примеру, если движущей силой революции в Польше активно выступила "Солидарность", которая стимулировала перемены снизу, то в Венгрии разделительная черта между сторонниками старого и нового проходила в высшем партийном органе посткадаровской эпохи, а венгерские коммунисты очень активно работали над проблемой смены общественно-политического строя. В Чехословакии же в высшем партийном руководстве не было сил, способных изнутри реформировать власть, так как после 1968 г. они были из него напрочь вытеснены и стали диссидентами. В Венгрии же диссидентов почти не было, и сами коммунисты-реформаторы спровоцировали процесс распада режима. Внепартийная оппозиция лишь начиная с 1986 г., но особенно в 1987–1988 гг. превратилась в важный политический фактор, стремящийся к демократии. В Венгрии летом 1988 г. в рамках Национального круглого стола прошла так называемая "переговорная революция", и передача власти состоялась мирно, цивилизованно, без общественных потрясений.

Канд. ист. наук *М.Д. Ерещенко* (ИС РАН) посвятила свое выступление краху режима "национального коммунизма" Н. Чаушеску.

Особое место в событиях 1989 г. занимает декабрьская революция в Румынии – насильственный, кровавый пролог перехода от режима абсолютной диктатуры клана Чаушеску к либеральному и демократическому режиму. Первые оценки в стране и за рубежом румынского феномена сводились к определению его как народного восстания, когда за одну неделю жестокая революция продвинула Румынию в ликвидации коммунистической модели правления гораздо дальше, чем в любой другой восточноевропейской стране.

Действительно, спонтанно начавшиеся выступления населения в Тимишоаре 15–16 декабря 1989 г. в защиту свободы церковных служб и проповеди священника Л. Тёкёша и проходившие под лозунгами "С нами Бог!" и "Мы – народ!" быстро революционизировались к призывам "Долой коммунизм!", "Долой диктатуру!". 22 декабря первый документ румынской революции – "Тимишоарская прокламация" объявляет в своей первой статье направленность революции не только против Чаушеску, но "прежде всего как антикоммунистическую" и ставит целью (в статье 8) "скорейшую декоммунизацию страны". Несмотря на информационную блокаду и использование армейских частей для "наведения порядка" в Тимишоаре, народные выступления в течение недели охватили крупные центры страны, и 22 декабря противостояние народа и власти выплеснулось на улицы Бухареста. Чета Чаушеску бежала из города. Здание ЦК РКП было захвачено восставшими. Страна на несколько дней погрузилась в хаос безвластия, а в столице служба безопасности и армейские подразделения вели огонь по баррикадам горожан, друг против друга, против мифических "террористов" и "иностранных агентов".

Вечером 26 декабря состоялось первое заседание Совета Фронта национального спасения (ФНС), во главе которого оказались неизвестно кем делегированные "бывшие" партocrats второго эшелона властной номенклатуры, представители

высшего командования армии и небольшая группа легальных диссидентов из среды творческой интеллигенции (например, А. Бландиана, Д. Корня и др.). Как впоследствии вспоминала А. Бландиана об этом первом собрании людей, объявивших себя новой властью, И. Илиеску как глава ФНС был явно озабочен тем, чтобы включить в состав Совета "кого-то очень любимого" улицей, поскольку лишь "улица" – народ – сыграла главную роль в свержении тоталитаризма и поскольку в ситуации возникшего политического вакуума новые руководители и новые органы власти оказались без легитимной поддержки народа.

Достаточно быстро, когда утихла эйфория победных дней революции, когда впервые подсчитали потери восставших (до настоящего времени официальные данные о жертвах неоднозначны, принято придерживаться военных источников: убиты 1104 человека, из них около 260 – военнослужащие, ранены 3352 человека, среди которых – 545 военнослужащие), в Румынии иссякли иллюзии о наступлении долгожданного рая свободы и благополучия. Более того, страна наполнилась слухами и легендами о природе революции 1989 г., разоблачались заговоры военных и органов безопасности против Чаушеску, делались попытки проследить связи новых лидеров с иностранными государствами, т.е. переложить вину за начало событий на "подстрекательство извне". В обществе стало складываться впечатление, будто революция, во имя которой были принесены такие жертвы и которую народ с энтузиазмом приветствовал, просто украдена верхами.

В 1991–1993 гг. работала парламентская комиссия, целью которой было выяснение всех противоречивых данных о декабрьских событиях 1989 г. в Румынии, роли армии и службы безопасности в ходе революции, выявление внешних факторов, повлиявших на развитие ситуации тех дней. Официально отчет этой комиссии не был обнародован, дискуссия по нему в парламенте не проводилась, но отдельные фрагменты рассматривавшихся тогда документов и версии доклада комиссии наводнили средства массовой информации Румынии и используются в мемуарной и исторической литературе.

Если попытаться свести многообразие версий о румынском феномене "рождественской" революции к нескольким достаточно обоснованным положениям, то необходимо признать:

1. В стране фактически не было да и не могло быть реальной оппозиции режиму Чаушеску в условиях жесточайших репрессий, широкой практики всеобщей слежки, доносительства и контроля органов безопасности. Поэтому возможность изменения режима путем его внутренней "перестройки" или демократизации партии, проведения по аналогии с некоторыми другими восточноевропейскими странами каких-либо "круглых столов" с оппозицией исключалась полностью.

С учетом роста внутреннего социального напряжения и экономического кризиса к концу 1989 г. реальным оппонентом режима мог быть только массовый "бунт улиц", который и охватил прежде всего молодежь, студенчество в городах, начавших отчаянно создавать на улицах "территории, свободные от коммунизма" (что было характерно для Бухареста, Клужа, Тимишоары);

2. Влияние внешнего фактора было вполне определенным – пал "железный занавес" между Западной и Восточной Европой, разрушена Берлинская стена, в СССР наблюдался апогей перестроечных иллюзий относительно "совершенствования социализма". Это не могло не отразиться на настроениях среди разных слоев общества Румынии. Здравомыслящие партократы использовали эти настроения, расправившись с угрожающе ослабшим кланом Чаушеску (о чем свидетельствует сама ликвидация правящей четы, проведенная на скорую руку военными вдали от столицы);

3. Особую роль в событиях декабря 1989 г. сыграло противостояние армии и службы безопасности, как правило, соперничавших за право быть опорой режима. Чаушеску поддерживал это соперничество, поставив армию под контроль органов безопасности. В декабрьские дни армия взяла реванш, выступив против ненавистной народу "секуритате", и поддержала восставших.

Д-р ист. наук *В.В. Марьина* (ИС РАН) выступила с докладом на тему «Чехословацкая историография на пути к "бархатной" революции. 1945–1989 гг.».

В Чехословакии, и прежде всего в Чехии, где историки всегда были почитаемы и активно участвовали в общественно-политической жизни, они оказывали большое влияние на состояние умов, и поэтому их поддержкой постоянно стремились заручиться власть предержащие. Речь далее пойдет лишь о новейшей историографии, касающейся проблематики второй мировой войны и послевоенного времени. Внимание будет сосредоточено на раскрытии тем "историк и власть", "историк и общество", "историк и политика". Главное здесь – выделить этапы развития историографии и показать их основные характерные черты. Хронологически эти этапы выглядят примерно следующим образом: первый – от освобождения страны до конца 40-х годов; второй охватывает 50-е годы; третий – 60-е годы; четвертый (самый продолжительный) – начало 70-х – конец 80-х годов.

Обратимся к характеристике каждого из обозначенных этапов, акцентируя внимание на двух последних. После войны большая часть чешской и словацкой интеллигенции поддержала идею народной демократии и одну из ведущих политических сил общества – Коммунистическую партию Чехословакии (КПЧ). Лояльность к новой власти, но без особых реверансов в сторону Компартии, проявил и II Съезд чехословацких историков (октябрь 1947 г.). Второй из обозначенных выше этапов начался после установления фактической монополии власти коммунистов в феврале 1948 г. и был связан со становлением и развитием так называемой марксистской чехословацкой исторической школы в это время. Тогда Чехословакия, политически и экономически примкнувшая к Советскому Союзу, испытывала его все возрастающее влияние на всю внутреннюю жизнь, включая развитие гуманитарных наук, в частности историографии. Воздействие советской исторической науки на чешскую и словацкую в конце 40-х – начале 50-х годов следует оценить как негативное. В это время наступил конец плюрализма в области науки и культуры. Проведение курса на "единомыслие" в исторической среде встретило поддержку представителей "новой школы". Как правило, это были молодые люди, пришедшие в науку либо из партпарата; либо из вузовских аудиторий, имевшие весьма ограниченный жизненный опыт и недостаточную профессиональную подготовку, но воодушевленные идеей борьбы за "светлое социалистическое будущее" под руководством КПЧ и во главе с Советским Союзом. Смерть Сталина в марте 1953 г., а еще более решения XX съезда КПСС (февраль 1956 г.) дали импульс к некоторому оживлению общественно-политической жизни в Чехословакии. Однако, как представляется, в исторической науке второй половины 50-х годов не наступило явственно осязаемого подъема и перелома. Историография находилась как бы в состоянии внутреннего накапливания сил.

Переход количества в качество обозначился в начале 60-х годов. В центре внимания историков, занимавшихся современной тематикой, оказались две проблемы: во-первых, вторая мировая война и национально-освободительная борьба чешского и словацкого народов; во-вторых, особенности "чехословацкого пути к социализму" в 1944–1948 гг., что стало особенно актуально в связи с критикой допущенных ранее деформаций социализма и поисков путей его реформирования в направлении "очеловечивания". Налицо была политическая ангажированность историков новейшего времени. Они несомненно внесли свой вклад в подъем национального самосознания и общественной активности в конце 60-х годов и сыграли немалую роль в подготовке "пражской весны" 1967–1968 гг. 1968–1969 гг. были апогеем третьего из упомянутых этапов развития чехословацкой историографии, вершиной политической ангажированности историков и одновременно переходом к последнему, двадцатилетнему периоду, времени кажущегося укрепления, но фактически все большего ослабления тоталитарного режима. Подавляющая часть историков решительно осудила оккупацию Чехословакии войсками пяти стран Варшавского договора 21 августа 1968 г. В ноябре 1968 г. вышла в свет публикация под названием "Семь

пражских дней 21–27 августа 1968 г." Черная обложка книги и документированные в ней события способствовали тому, что вскоре она получила и неофициальное название "Черная книга". 27 декабря 1968 г. чехословацкое правительство получило советскую ноту протеста в связи с изданием книги, искажающей "политику Советского Союза в отношении братской Чехословакии". Начались гонения на руководителей коллектива, подготовившего книгу. Когда в апреле 1969 г. пост первого секретаря ЦК КПЧ вместо А. Дубчека занял Г. Гусак, ускорился процесс "нормализации", в том числе в исторической науке. После относительной свободы 60-х годов она оказалась под сильным идеологическим прессом. Методы, которыми осуществлялась "нормализация" исторической науки, сводились к следующему: назначение нового руководства на соответствующие факультеты, кафедры, в институты, архивы, музеи; увольнение нескольких сотен историков после проведения партийных чисток с запретом заниматься научной деятельностью; ликвидация ряда исторических журналов или назначение в них новых редакционных советов; пересмотр издательских планов и запрещение публиковать труды тех, кто стал жертвами чисток; прекращение работы над рядом крупных научных проектов; изъятие из библиотек, переводение в спецхран, запрещение цитировать работы историков, подвергшихся остракизму. Труды "оставшихся на плаву" историков проходили через такую сеть партийно-идеологического контроля, что какое-либо отклонение от официально одобренной линии было невозможно.

Первые признаки выхода чешского общества из шока обозначились во второй половине 70-х годов и были связаны с рождением гражданской инициативы Хартия-77, просуществовавшей до "бархатной" революции 1989 г. В ее создании и деятельности участвовали и историки, как эмигрировавшие, так и находившиеся в так называемой внутренней эмиграции. Представляется, что в 70–80-е годы чехословацкое, и прежде всего чешское, историческое сообщество было как бы четырехслойным. Первый, самый верхний слой – "нормализаторы" от истории, тесно связанные с партаппаратом и проводившие в жизнь его указания. Чуть ниже находилась основная масса "оставшихся на плаву", т.е. не потерявших работу, историков, часть которых, думается, немалая, хотя и не могла не учитывать требования "нормализаторов", но стремилась в конкретно-исторических исследованиях по мере возможности сохранить наработки 60-х годов. Третий слой – это те, кто был выброшен из институтов и лишен права официально заниматься научной деятельностью. Однако многие из этих историков продолжали свои исследования, публикуя их методом "самиздата". Часть таких работ была издана и на Западе, куда эмигрировали некоторые чешские историки (четвертый слой), поддерживавшие постоянные связи с родиной и содействовавшие появлению там целого пласта так называемой независимой (свободной, подпольной, диссидентской и т.д.) литературы. Она оказала определенное влияние на оживление общественно-политической жизни в Чехословакии в конце 80-х годов, подкрепленная в этом импульсами, шедшими из соседних стран – Советского Союза, Польши, Венгрии. Но официальная историческая наука не сыграла в пробуждении общества заметной роли – и в этом было ее отличие от историографии 60-х годов – и не содействовала победе "бархатной" революции в Чехословакии в ноябре 1989 г.

Доц. В. Пречан (Чехия, Карлов университет, Прага) в выступлении "На пути к демократической революции в Чехословакии" охарактеризовал основные этапы развития предреволюционной ситуации в стране.

Демократическая революция в коммунистической части мира была подготовлена процессом вызревания элементов гражданского общества, существовавшего в самой тоталитарной системе, но вне ее властных структур. Она была ответом на кризис коммунизма, его прогрессирующий упадок и вместе с тем указывала радикальный путь выхода из этого кризиса. Демократическая революция второй половины 80-х годов в советском блоке имела аутентичные корни. Она не была связана с какой-либо социалистической идеологией, не была плодом "горбачевизма", хотя ее ход косвенно

и был им обусловлен, причем в каждой стране по-разному. Целью демократической революции была не модернизация коммунистической системы, а ее полное преодоление. Речь шла не о "демократизации", а о демократии без прилагательных "народная" и "социалистическая", о свободе слова, а не о "гласности", о плюрализме, эмансипации гражданина и гражданского общества по отношению к государству.

С лета 1988 г. и в течение всего 1989 г. нарастали свидетельства того, что чехословацкое общество пробудилось и вышло на путь демократической революции. Еще весной 1987 г. существовали только две постоянно действующие гражданские инициативы – Хартия-77 и Комитет по защите несправедливо преследуемых. Но до конца 1988 г. была создана целая система независимых инициатив со своей собственной информационной сетью, печатными самиздатовскими органами (например, газета "Lidové Noviny") и вещанием через зарубежные радиостанции. Количество участников этих гражданских инициатив не росло, но происходила явная политизация их программ, в ряде которых отрицался принцип руководящей роли Компартии. Зримым свидетельством пробуждения общества были уличные демонстрации в августе и октябре 1988 г., неделя Палаха в январе 1989 г., другие акции протеста, проходившие вплоть до 28 октября 1989 г. Важным проявлением роста гражданской активности стали крупные подписные акции. Первая из них прошла в среде деятелей культуры в январе–феврале 1989 г. Другая, известная под названием "Несколько фраз", началась в конце июня и продолжалась все лето. Началось оживление писательских организаций. Литературные журналы начали обращаться к закрытым прежде темам. Значительное движение общества на пути к обновлению духовного и политического плюрализма проявилось и в росте авторитета и влияния католической церкви в жизни словаков и чехов. Петиции с требованием религиозных свобод подписали в 1988 г. 600 тыс. человек. Проявлялась активность молодежи, которая преобладала среди участников демонстраций. Большую роль сыграли молодые журналисты, пришедшие в СМИ в начале 80-х годов.

Общественное движение до октября 1989 г. еще не охватило в широкой мере рабочих, в стороне оставались также и другие слои общества. Причины этого были типично чехословацкие: прежде всего речь идет о результатах развития после неудавшейся попытки изменения системы в 1968 г. Еще в середине ноября 1989 г. мало кто в Чехословакии осмеливался высказывать предположение о том, когда широкие слои общества активизируются в такой мере, чтобы в стране создалась переломная ситуация, аналогичная сложившейся в Польше, Венгрии и ГДР. Гораздо больше было скептиков – пожилых и молодых, диссидентов и законопослушных, которые твердили: "Чехи и словаки не двинутся никогда". Когда же это движение все же началось 17 ноября 1989 г. (у нас до сих пор нет серьезных аналитических исследований, как это произошло) диссидентство откликнулось с готовностью. Его представители участвовали в формировании новых властных и общественных структур, определяли направление трансформации, вошли в правительство и парламент, а один из них, В. Гавел, стал Президентом республики и символом преемственности нового режима с демократическими традициями довоенной Чехословакии.

Доц. *Е.Ф. Фирсов* (МГУ им. М.В. Ломоносова) проанализировал оценку ведущими чешскими либералами результатов преобразований 90-х годов, а также их идейные корни. В чешской общественно-политической мысли XX в. можно выделить как минимум два течения в трактовке сути либерализма. Сторонники первого из них считают, что современный либерализм неразрывно связан с ценностями социализма. Подобная трактовка укоренилась в трудах чешского интеллектуала В. Черного, который обоснованно считает современную демократию следствием либерализма. Он подчеркивает, что демократы, в том числе и социалисты, являются, без сомнения, либералами. Ведь на современном этапе исторического развития "чистый" капитализм существует в столь же малой степени, как и "чистый" социализм.

Сторонники другого течения выступают с позиций нынешнего, я бы сказал, "правоверного" либерализма. Они не допускают даже мысли о каком-либо возмож-

ном симбиозе либерализма и социализма. Из современных видных чешских государственных деятелей к ним относится ведущий идеолог и практик постреволюционных преобразований Вацлав Клаус. Он решительно отвергает возможность какого-либо "третьего" пути развития, ибо это, по его мнению, лишь иллюзия левых интеллектуалов, питаемая во многом, как ни странно, Западом. Свои взгляды на современный либерализм и общую оценку результатов преобразований (или "трансформации") в переходный (после "бархатной" революции) период В. Клаус изложил в своих избранных трудах под заглавием "Чешский путь". На его концепцию преобразований большое влияние оказали шаги известного немецкого деятеля послевоенного периода Л. Эрхарда, принципиального проводника либеральной (рыночной) экономической политики. В. Клаус считает возможным в условиях функционирования рынка уменьшать имущественные различия путем продуманной социальной политики государства. К оценке и анализу достигнутых результатов преобразований 90-х годов В. Клаус возвращался неоднократно. При этом он подчеркивал правильность выбора общей стратегии трансформации, что позволило добиться в республике макроэкономической стабильности в ходе осуществления главной цели – формирования либеральной системы рыночной экономики.

Если говорить об идейных источниках формирования либеральной концепции В. Клауса, то наибольшее влияние тут оказал известный немецкий ученый-социолог и политик (бывший министр ФРГ) Ральф Дарендорф, автор известной работы "Раздумья о революции 1989 г. в Европе" (в 1991 г. она вышла в переводе на чешский язык).

Канд. ист. наук *Ю.А. Щербакова* (ИНИОН РАН) показала расстановку политических сил в революционных событиях в Чехословакии. Прежняя партийная номенклатура как политическая элита была скомпрометирована не только неудачами в процессе строительства социализма, но и предательством ею национальных интересов страны в 1968 г., сотрудничеством с советским режимом, последующей политикой репрессий в отношении собственных граждан – сторонников реформирования социализма.

"Кончина" социалистического государства повлекла за собой стремительное вхождение в состав политической элиты действительно новых сил, людей, которые ранее не занимали каких-либо административных постов. Одним из основных источников формирования новой политической элиты была "революционная улица", точнее – массы, проявившие в конце 1989 г. недоверие к коммунистическому режиму. Социальная база новой элиты была весьма широка – интеллигенция, студенты, ученые, рабочие, служащие, которых объединяли отрицание прежнего режима и неприятие его лидеров. Новая элита формировалась на принципах политической терпимости. Ее ядром стала диссидентская оппозиция 1970–1980 гг., представленная неполитической организацией правозащитников "Хартия-77". Начальный этап формирования новой политической элиты в Чехословакии совпал со временем возникновения и деятельности общедемократического сообщества Гражданский форум, не имеющего организационных структур, но тесно спаянного принципом: этика выше политики. На выборы 1990 г. Гражданский форум шел и победил с абсолютно неполитическим лозунгом "Правда и любовь победят ложь и насилие".

Символом формирующейся в посленоябрьской Чехословакии новой политической элиты стал драматург В. Гавел, избранный в 1989 г. президентом Чехословакии. Он выступал за пестрое, слоистое, подвижно структурированное гражданское общество, в котором партии играют только "надлежащую" роль. В. Гавел исповедовал принцип не политического, а морального противостояния тоталитаризму. Однако в тоталитарной системе моральный протест превращался в фактор политики, и сторонники философии морального протеста были обречены на политические шаги. Именно это В. Гавел и назвал "антиполитической" (или "неполитической") политикой. Приверженность "неполитической политике" определила позиции большой группы интеллектуалов, составивших значительную и наиболее заметную часть новой политической элиты. Четыре с половиной сотни активистов митинговой стихии Вац-

лавской и Староместской площадей стали ближайшими помощниками нового президента и сотрудниками его канцелярии.

Было бы преувеличением считать, что новая политическая элита целиком состояла из людей, выдвинутых революционной улицей. На чехословацкой политической сцене вплоть до выборов в июне 1990 г. практически в неизменном составе и с прежними лидерами во главе действовали политические партии, существовавшие как "союзнические" и при социализме. До этого времени работало и Федеральное собрание Чехословакии, которое примерно на 50% состояло из депутатов, избранных в него еще в 1986 г. Из 200 депутатов Народной палаты к февралю 1990 г. из состава, избранного в 1986 г., осталось 105 человек, а из 150 депутатов Палаты национальностей – 83. Дважды реформировавшееся с ноября 1989 г. правительство насчитывало в своем составе также больше половины прежних членов. Таким образом, институты политической власти в Чехословакии в период с ноября 1989 г. до июня 1990 г. сохраняли определенные черты предшествующего периода. Очевидно, именно это способствовало снижению значимости государственных институтов и возрастанию роли отдельных личностей, что привело к персонификации политики в рассматриваемый период.

В становлении новой политической элиты в процессе общественной трансформации в странах ЦВЕ можно обнаружить две тенденции. Ее оформление происходило, во-первых, внутри уже существовавших при прежнем политическом режиме элитных групп, стремившихся провести реформы "сверху" и легитимизировать себя в новом качестве, а, во-вторых, на базе контрэлиты социалистического общества, в процессе его революционных преобразований. Новая чехословацкая элита в 1989–1992 гг. формировалась по второму варианту, под влиянием результатов выборов в органы власти и под воздействием некоторых регулирующих кадровую политику законов.

Канд. ист. наук *Е.Л. Валева* (ИС РАН) остановилась на специфике демократических перемен в Болгарии. Если рассматривать переход от тоталитаризма к гражданскому обществу как смену политической элиты, то ситуация в отдельных странах ЦВЕ выглядит по-разному. В ГДР и Чехии в ходе развития революций 1989 г. коммунистическая верхушка была не только отстранена от власти, но и вытеснена с приоритетных позиций в экономической и социальной сферах. В Польше и Венгрии, где процесс демонтажа тоталитарного режима начался задолго до 1989 г., части коммунистической номенклатуры удалось сохранить свои позиции. В таких же странах, как Болгария, Румыния и Албания, позиции бывшей коммунистической элиты остались важным фактором не только в невидимых, "теневых", но и во многих видимых общественных процессах и структурах.

В качестве специфики антитоталитарной революции в Болгарии, как правило, отмечается отсутствие там традиций массовой оппозиции коммунистическому режиму. Причины этого видятся в следующем. В Болгарии дольше, чем в других социалистических странах, функционировал интеграционный механизм так называемого общественного договора (пришедшего в 60-х годах на смену сталинскому тоталитаризму), в соответствии с которым за относительно благополучное развитие общество платило отказом от политических требований. По сравнению с отсталой Болгарией довоенного периода социалистическая эра казалась весьма динамичной. Акцептация обществом социалистической системы продолжалась в Болгарии дольше, чем в других восточноевропейских странах, не потому, что она была там более эффективной, а потому, что иными были исходные условия и социальные ожидания. Добавим к этому отсутствие в стране антисоветизма, имевшего место в Польше, Венгрии, Чехословакии. Не пользовалась в Болгарии влиянием и церковь, чтобы выступить в роли кристаллизующего ядра альтернативной политической субкультуры, как в Польше.

Вся эта специфика сказалась на ходе антитоталитарной революции в Болгарии и на последующих преобразованиях. Свержение коммунистической верхушки не произошло там в результате длительного процесса демократизации, как в Польше или

Венгрии, или под влиянием спонтанного оппозиционного массового движения, как в Чехословакии или ГДР. Смена системы в Болгарии началась как раз со смены политической элиты, проведенной наиболее дальновидными деятелями БКП, которые надеялись сохранить свои позиции у власти в условиях ставшей неизбежной (в свете событий в других восточноевропейских странах) демократизации. И здесь нельзя не сказать о роли внешнего фактора. Роль Москвы в подготовке ряда членов высшего партийного руководства Болгарии к операции по отстранению Т. Живкова от власти сегодня хорошо известна. После отставки Живкова 10 ноября 1989 г. развитие политической ситуации в стране можно охарактеризовать следующим образом: от смены элиты к смене политической системы. Суть этого процесса заключается в ожесточенной борьбе за власть между объявившей себя "реформировавшейся" Компартией, принявшей название Болгарская социалистическая партия (БСП), и только теперь сформировавшейся оппозицией, объединившейся в Союз демократических сил (СДС). Если в других восточно-европейских странах конфликт между коммунистами и оппозицией, тоталитаризмом и демократией был фактически исчерпан в результате первых свободных выборов, то в Болгарии, где коммунисты одержали на выборах победу, этот конфликт трансформировался в конфликт между двумя стратегиями преобразований. В болгарском обществе оформилась двухполюсная, или биполярная, модель перехода к гражданскому обществу, в которой заключен источник постоянной политической нестабильности. Политический конфликт, развившийся сразу после ноябрьского пленума 1989 г. Компартии по линии БСП – СДС, превратился в своеобразный генератор, создающий новые политические отношения, объединения, формирующий лидеров и элиты. Процесс смены политической элиты оказался в результате как бы "размытым", в нее входили и деятели БСП, и лидеры СДС на протяжении почти всего десятилетнего периода. Поэтому о полной смене политического строя в Болгарии, с моей точки зрения, говорить было нельзя, по крайней мере, до начала 1997 г., когда произошла отставка социалистического правительства Ж. Виденова (незадолго до этого, в конце 1996 г. убедительную победу на президентских выборах одержал П. Стоянов, кандидат от СДС с ярко выраженной прозападной ориентацией).

Канд. ист. наук Ю.Ф. Зудинов (ИС РАН) в своем выступлении продолжил анализ болгарского варианта "нежной революции". В не столь давние времена, говоря о "нерушимом единстве", "братстве стран социалистического содружества", следовало также отмечать наличие специфики, национальных особенностей строительства социализма. Сегодня от "братства", да и от самого "содружества" ничего не осталось. Специфика, однако, сохранилась, но проявляется она на сей раз не в движении к общему "светлому будущему", а напротив, в процессе "ухода" от социализма, в темпах реформирования общества, включения в евроатлантические структуры и т.п. В Болгарии эта специфика проявилась весьма отчетливо.

По мнению одного высокопоставленного болгарского дипломата, "нежная" революция в стране завершилась в начале 1997 г., и этот факт был "узаконен" победой правого блока "Союза демократических сил" (СДС) на парламентских выборах (апрель 1997 г.). Таким образом, "нежная" революция победила в Болгарии значительно позже, чем в некоторых других странах ЦВЕ.

Действительно, устранение от власти Т. Живкова в ноябре 1989 г. если и можно назвать революцией, то с большой натяжкой. Это событие скорее походило на верхушечный переворот, осуществленный частью руководства БКП, причем не принадлежащей к новому, молодому поколению номенклатурной партийно-государственной элиты (такого поколения практически не было). Сам уход Живкова внешне был обставлен вполне пристойно и не стал чем-то особо неожиданным на фоне глубоких общественно-политических процессов в других странах ЦВЕ. Важно заметить, что к концу 80-х годов Т. Живков лишился поддержки советского руководства, точнее, той его части, на которую опирался М.С. Горбачев.

Оценивая темпы и глубину посттоталитарных преобразований в Болгарии, необхо-

димо иметь в виду специфику социально-психологического состояния болгарского общества конца 80-х – начала 90-х годов, сильно укоренившийся в нем левый, "социалистический" менталитет, популярность лозунгов горбачевской перестройки ("больше демократии – больше социализма"). Пришедшие на смену Живкову лидеры использовали эти настроения. Они говорили не о какой-то радикальной смене общественного строя, а о совершенствовании, обновлении социализма, освобождении его от прошлых тоталитарных извращений. Более того, Болгария была единственной из стран ЦВЕ, где партия, сохранившая верность социалистическому выбору (в форме "демократического социализма"), сумела победить на первых парламентских выборах, проведенных на многопартийной основе.

В Болгарии, как известно, не было опыта массовых антитоталитарных выступлений, экономическая, политическая и идеологическая эрозия "реального социализма" протекала не в столь очевидных формах, чтобы появились и соответствующие авторитетные лидеры. Как заметил нынешний президент страны П. Стоянов, болгарское общество не выдвинуло из своих рядов таких деятелей, как А. Сахаров, А. Солженицын, Л. Валенса, В. Гавел. Известно также, что за последнее десятилетие массовые настроения в болгарском обществе довольно резко колебались между "правыми" и "левыми" полюсами. Это иллюстрируется частыми (как правило, досрочными) выборами, сменой правительств различной идейно-политической окраски. Главная причина тому – разрыв между провозглашаемыми лозунгами, декларациями, с одной стороны, и реальной (очень нелегкой) социально-экономической ситуацией – с другой.

Конечно, 10 ноября 1989 г. – отнюдь не ординарная, а скорее судьбоносная дата в современной истории Болгарии. Но чрезмерная праздничная эйфория вряд ли будет уместной. Думается, можно вспомнить в принципе не столь уж неверное высказывание немодного нынче "классика": юбилей – это прежде всего повод, чтобы усилить внимание к актуальным проблемам, нерешенным задачам.

Канд. ист. наук *Н.И. Бухарин* (ИМЭПИ РАН), коснулся внутренних факторов революции 1989 г. в Польше. По своим предпосылкам, движущим силам и ходу она весьма отличалась от большинства революций того времени в восточноевропейских странах. Она не была непосредственным следствием массового общественного движения в 1989 г.: в Польше такое движение имело место раньше – в 1980–1981 гг. Она явилась результатом договора между реформаторским крылом Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) и умеренной частью политической оппозиции. Именно этот договор обеспечил более или менее оптимальные общественно-политические условия для перехода страны к демократии и рыночной экономике.

События 1980–1981 гг., введение 13 декабря 1981 г. военного положения привели к изменению расстановки политических сил в польском обществе, прежде всего к возникновению в стране массовой политической оппозиции "реальному социализму". Социологические опросы свидетельствовали о том, что она составляла 10–15% взрослого населения польского общества. По своей общественно-политической сущности это была антирежимная, антисоветская, прозападная оппозиция. Ее активная часть действовала в подполье и в эмиграции. Основные подпольные структуры контролировались спецслужбами. К середине 80-х годов подпольная деятельность оппозиции ослабела, ее лидеры были деморализованы и не пользовались особой поддержкой в обществе. Основная часть занимала позицию "молчаливого большинства".

В ситуации невключения оппозиции в политическую систему резко возросла общественно-политическая роль католической церкви, которая исполняла функцию посредника между властью и обществом. Симпатии церкви были на стороне оппозиции. Однако часть ее руководства, проявляя реализм, была противницей дестабилизации ситуации в стране, поддерживала постоянные отношения с властями и участвовала в разрешении различных конфликтов.

Как следует из социологических опросов, сторонники "реального социализма" составляли 15–20% польского общества. Внутри ПОРП, ее руководящих структур шла

борьба между реформаторами, которых возглавлял В. Ярузельский, и консерваторами, которых до середины 80-х годов поддерживал Советский Союз. Первые пытались осуществить экономические и политические реформы, направленные на расширение самостоятельности предприятий и либерализацию политического режима. Вторые всячески противодействовали этому. В результате реформы того времени носили половинчатый и непоследовательный характер. Усилилась инфляция, стал падать жизненный уровень. Весной – летом 1988 г. по стране прокатилась забастовочная волна. Возможности реформирования экономической и политической системы в рамках "реального социализма" были исчерпаны. Реформаторское крыло ПОРП оказалось перед дилеммой: или пустить все на самотек, или начать под своим контролем более основательную трансформацию политической и экономической системы. Второй путь означал открытие шлюзов для политической оппозиции, ее включение в политическую систему. Однако он означал и отказ от руководящей роли ПОРП. Консерваторы в партии по-прежнему считали, "что есть палки и газ, в конце концов танки, которые уже решали любую проблему и решать будут дальше". На X пленуме ЦК ПОРП (январь-февраль 1988 г.) реформаторы взяли верх.

Для достижения компромисса между реформаторским крылом ПОРП и умеренной частью оппозиции во главе с Л. Валенсой относительно направлений политической и экономической трансформации, для конституирования включения оппозиции в политическую систему был организован и проведен в феврале–апреле 1989 г. "круглый стол". Активную роль в этом играла католическая церковь.

"Круглый стол" состоялся в тот момент, когда прежняя система была еще достаточно сильна. Заключенное в ходе его работы соглашение по своей сути предусматривало политические и экономические преобразования в рамках демократического социализма, проводимые эволюционным, мирным путем. Предполагалось сохранение политического контроля за этими преобразованиями со стороны партийных реформаторов. Однако история выбрала другой вариант. Свою роль в том сыграли, наряду с внутренними, многочисленными внешние факторы.

Канд. ист. наук *О.Н. Майорова* (ИС РАН) рассмотрела проблемы эрозии политической системы в Польше в 1980-е годы. Общественная жизнь характеризовалась непрекращающимся конфликтом между стремлением к переменам и защитой status quo. С 1980 г. стороны конфликта оставались прежними: коммунистическая власть и значительная часть общества, разделяющая идеалы "Солидарности".

После введения военного положения руководство ПОРП во главе с Ярузельским взяло курс на экономические и политические реформы, но они не привели к радикальным переменам. Вместе с тем именно в 80-е годы существовавшая политическая система достигла максимально возможного для нее уровня демократизации и либерализации. И все же это не привело к расширению социальной базы власти, поскольку вне рамок официальной политической системы продолжала существовать относительно массовая политическая оппозиция. Наиболее существенное значение для хода политических процессов в период после 1982 г. имела проводимая подпольной "Солидарностью" стратегия "отказа", т.е. бойкота всех организаций и институтов, поддерживавших существовавший строй. Основой каких-либо переговоров с властями, по представлениям "Солидарности", могла быть только легализация "Солидарности".

С конца 1986 г. начинается процесс активизации реформаторов внутри ПОРП. Состоявшийся в июле 1986 г. X съезд ПОРП, по замыслу властей, должен был стать заметным шагом на пути к "нормализации" обстановки в стране. Очередным поворотом в отношении властей к оппозиции стала амнистия 1986 г., а также создание при председателе Госсовета Консультативного совета, в состав которого вошли деятели различных политических направлений. Потерпев поражение на референдуме в ноябре 1987 г., когда проводившиеся реформы не получили поддержки, а падение престижа властей стало очевидным, команда Ярузельского вынуждена была пойти на дальнейшие уступки. 1988 г. можно назвать периодом определения контуров содержания и

границ возможного соглашения. В феврале 1988 г. Б. Геремек выступил с предложением о "разделении" сферы общественной жизни на две части. Одна из них должна была охватывать свободную профсоюзную деятельность, а другая – сохранять гегемонию ПОРП в ключевых для государства вопросах. Летом 1988 г. ПОРП заявила о желательности проведения встречи за "круглым столом" с "представителями различных общественных и рабочих кругов", что фактически открывало путь к предвзвешенным переговорам. Тогда же "Солидарность" предложила идею участия оппозиции в выборах в Сейм как выражение готовности к компромиссу и как элемент торга в будущих переговорах о своей легализации. Это был существенный поворот в политике оппозиции, поскольку ранее она последовательно бойкотировала выборы в представительские институты ПНР.

Встреча министра внутренних дел генерала С. Кищака с Л. Валенсой в конце августа открыла серию переговоров, имевших официальный характер и проходивших в более широком составе – при участии представителей "Солидарности", правительства, ПОРП, союзнических партий, Всепольского соглашения профсоюзов (ВСПС) и епископата. Следует особо отметить изменение политической стратегии обеих сторон: элементы торга стали преобладать над элементами негативизма. В декабре 1988 г. при председателе "Солидарности" возник Гражданский комитет – коллективный партнер правительственной стороны в переговорах "круглого стола".

Политический перелом, которого с нетерпением ожидали в обществе, принес состоявшийся в декабре 1988 – январе 1989 г. X пленум ЦК ПОРП. Партийные реформаторы с трудом, но сумели провести резолюцию о профсоюзном и политическом плюрализме. Это давало шанс на мирный, лишенный элементов насилия, переход к принципиально новой фазе политического развития. Для всех ведущих переговоры за "круглым столом" политических сил принятые решения означали далеко идущие уступки. Вместе с тем они содержали и определенные выгоды. Для ПОРП соглашения явились политической капитуляцией, хотя и давали шанс на существование на политической арене. Для "Солидарности" уступкой стал перенос выборов на конкурентной основе на четыре года и согласие на роль парламентского меньшинства. Однако при этом создавалась возможность структурировать движение. Лишь третий участник переговоров – костел – не делал никаких уступок в чью-либо пользу, для него "круглый стол" объективно стал победой и подтверждением собственной политической силы.

Т. Мазовецкий, первый некоммунистический премьер, так впоследствии оценивал значение "круглого стола": он "был камнем, который привел в движение лавину событий".

Политическая система, запрограммированная в результате "круглого стола", представляла собой во многом отрицание существовавшей в ПНР системы. Результатом выборов в Сейм и Сенат в июне 1989 г. был окончательный распад модели, которую олицетворяла коалиция ПОРП–ОКП–ДП. В свою очередь изменение конфигурации сил в парламенте сделало возможным создание правительства во главе с представителем "Солидарности". Впечатляли как масштаб успехов оппозиции, так и степень поражения ПОРП. В результате июньских выборов к руководству страной на четыре года раньше предусмотренного решениями "круглого стола" срока пришли новые политические силы. Конец установленной "круглым столом" политической модели принесли президентские выборы конца 1990 г.

В целом можно утверждать: польский опыт 80-х годов показал, что появление политической альтернативы, а также организация ее сторонников означают начало конца недемократической политической системы. До тех пор, пока последняя способна успешно блокировать подобного рода политические притязания, она в состоянии получать минимум необходимой поддержки. Однако с момента появления альтернативы и получения ею общественного одобрения правящие круги должны сделать выбор: либо отбросить предъявленные им политические требования как

безосновательные и тем самым подвергнуть себя возможности обращения к силовому решению; либо стать одним из участников процесса демократизации и тем самым утратить свое привилегированное положение, но остаться при этом действующей политической силой. В 1981 г. руководство ПОРП решилось на первый вариант. Восемь лет спустя оно было склонно одобрить вторую возможность. Польский опыт подтвердил и тезис о том, что решения, основанные на силе, могут заблокировать притязания на демократизацию власти только на короткий срок. Он также явился доказательством того, что демонтаж авторитарного режима возможен на пути соглашения между его представителями и оппозицией.

Д-р ист. наук *Л.С. Лыкошина* (ИНИОН РАН) показала специфику состояния общественного сознания в революции 1989 г. в Польше. Десятилетие, предшествовавшее событиям 1989 г., значительно изменило облик польского общества, которое именно в эти годы переосмыслило и подвергло переоценке многие прежде казавшиеся незыблемыми ценности и устои и более того – совершило практические шаги по приведению всей общественной жизни в соответствие с иными, отличными от прежних, идеями и представлениями. Почему же эти прежние идеи и представления, казалось бы, столь возвышенные и благородные, так относительно легко были отвергнуты польским обществом, почему всеобъемлющий и глубокий кризис 80-х годов стал во многом, а может быть и прежде всего, кризисом сознания, развитие которого в значительной степени предопределило итог событий 1989 г.?

Произошло это во многом, представляется, потому, что между декларируемыми идеалами и реальностью связь была весьма иллюзорной. В сознании поляков 80-х годов достаточно четко прослеживается недовольство значительной части общества своим материальным положением, условиями жизни, несоответствие реального положения вещей представлениям о "нормальной" жизни. Недовольство материальным положением "перетекало" в плоскость политического недовольства. Причем парадокс ситуации состоял в том, что "реальный социализм", отвергаемый как политическая система, в экономическом плане воспринимался двояко: все более решительно критиковался как система производства и в значительной мере принимался как система распределения.

Польское общество 80-х годов – это общество переходного периода, и его сознание соответствовало данному положению вещей. Сама практика социализма в известной степени "приучила" общество надеяться на то, что новые лидеры, новая экономическая политика, стоит ее "вести", быстро все поправят. В 80-е годы в качестве такой волшебной палочки все более воспринимался рынок.

Применительно к последним десятилетиям существования системы "реального социализма" в Польше можно констатировать значительные перемены в облике польского общества. Это было общество, ищущее пути проявления собственной субъектности, не желающее мириться с огосударствлением практически всех сфер общественной жизни. Причем если в 70-е годы оппозиционное движение не носило массового характера, то в следующее десятилетие оно несомненно обрело таковой в лице "Солидарности". Ее идеология была основана на протесте против диктатуры, на последовательной защите прав человека и гражданина, на признании либеральной демократии оптимальным типом общественного устройства. Вместе с тем в идеологических установках движения просматриваются и мотивы, позволяющие говорить и о его социалистическом характере. При всей спорности подобного рода утверждения, нельзя не признать коллективистского характера идеологических принципов "Солидарности", что весьма существенно отличает их от идеологии демократической оппозиции предшествовавшего периода.

В своем неприятии существующей системы поляки отличались одной характерной особенностью: бунт против государства всегда был проявлением солидарности с какой-то, пусть даже воображаемой, негосударственной общностью. Этот пафос общественной солидарности, стремления к справедливости явно перевешивал в представлении оппозиции идеи самоценности и независимости личности. Отрицание всего

официального, государственного не означало принятие ценностей индивидуалистических, но скорее признание ценностей истинно общественных.

Таким образом, состояние сознания польского общества в период, предшествовавший событиям 1989 г., достаточно сложно определить однозначно. Несомненное отрицание реалий социализма сочеталось с принятием неких ценностей, социализму отнюдь не чуждых. События конца 80-х годов явились в представлении определенной части общества своеобразной моральной революцией, отказом от фальши и лжи предшествующего периода, открытием ворот в мир справедливости истинной, а не декларируемой. На деле все оказалось несколько по-иному. Проблемы не исчезли, а приобрели иные очертания, общество не начало жить заново, а продолжило свою жизнь, отнюдь не избавившись в одночасье от прежних представлений и взглядов.

Канд. ист. наук *Л.Б. Милякова* (ИС РАН) рассмотрела внешнеполитические концепции польской оппозиции в 1980-е годы, разработавшей основные направления современной политики Польши. Выдвижение оппозицией таких концепций было подчинено целям борьбы за изменение общественного строя в стране. Среди основных направлений ее внешней политики выделялись в качестве приоритетных отношения с СССР и странами ЦВЕ. СССР рассматривался оппозицией как враждебная сила, благодаря которой в Польше сохраняется отвергаемый обществом режим.

Сначала оппозиция предусматривала возможность налаживания непосредственных контактов ее лидеров с советским руководством через голову руководства ПОРП. Целью такого рода контактов должно было стать информирование советских властей о намерениях оппозиции и убеждение СССР в целесообразности передачи власти в ее руки. Оппозиция стремилась довести до сведения Москвы, что не собирается посягать на интересы СССР на международной арене и обязуется сохранять в неприкосновенности систему союзов, в которые входила Польша. Сторонники этих концепций, таким образом, исходили из признания неприкосновенности разделения Европы на сферы влияния. Критики данных идей называли их "фантастическим реализмом" и полагали, что изменения в Польше неизбежно затронут советские интересы, так как демократические механизмы могут привести к власти в стране крайне антисоветские силы.

Часть оппозиции обосновывала необходимость союза с восточным соседом геополитической ситуацией в регионе. Согласно ее логике, представленной во взглядах "Солидарности рабочей", независимо от перспективы сохранения Советского Союза соседями поляков продолжали оставаться русский, украинский и белорусский народы, на союзы с которыми и должна ориентироваться в будущем суверенная Польша. Сторонники этой точки зрения предусматривали в случае прихода оппозиции к власти осуществление демократической программы реформ внутри страны и союз с Россией на международной арене.

Однако все приведенные концепции были отвергнуты в таких документах оппозиции, как "Карта-84", "Ялтинское воззвание" и т.д., где подвергался критике принцип сохранения послевоенного разделения Европы на сферы влияния. Исходя из этого, Советскому Союзу отказывалось в праве голоса в польских делах.

Вторым по значимости аспектом внешнеполитических разработок являлось восточноевропейское направление. При этом речь шла как о народах, имевших в тот период собственное государство, так и о народах, входивших в состав СССР, – украинцах, белорусах, литовцах и т.д. По мнению оппозиции, обозначение столь широких рамок восточноевропейского сотрудничества должно было, во-первых, увеличить шансы на получение суверенитета и изменение общественного строя в этих странах, а, во-вторых, стать прообразом будущей региональной политики Польши. Кроме того, сотрудничество должно было способствовать изживанию существовавших у восточных соседей Польши антипольских стереотипов, в особенности в территориальном вопросе. В основе стремления к сотрудничеству польской оппозиции с народами ЦВЕ лежало убеждение, что только скоординированные действия против Москвы ослабят

советское господство в регионе и откроют возможности для внутренних преобразований.

Концепция регионального сотрудничества между восточноевропейскими странами получила дальнейшее развитие в конце 80-х годов, когда оно стало рассматриваться как предварительный этап для облегчения вхождения этих стран в западноевропейской структуры. Кроме того, учитывавшийся с самого начала фактор "создания противовеса Германии" в виде союза государств Восточной Европы усилился в свете прогнозирувавшегося объединения Германии. В зависимости от предлагавшихся форм восточноевропейская интеграция должна была охватывать различные страны: Украина, Белоруссия и Литва во всех предложениях оппозиции значились в качестве потенциальных союзников Польши. Но чтобы "не раздражать СССР", от этой концепции решено было отказаться и сосредоточить основные усилия на поиске путей мирного изменения существовавшего строя на наименее болезненном для Советского Союза варианте деятельности польской оппозиции.

Революции 1989 г. и процессы становления новой региональной идентичности Центральной Европы

Д-р ист. наук *Э.Г. Задорожнюк* (ИС РАН) рассмотрела в своем докладе два круга проблем: альтернативные концепции развития центральноевропейского региона; соотношение некоторых дат революций конца 80-х годов и процесса становления новой региональной идентичности Центральной Европы, или в более широком контексте – соотношение демократии и геополитики.

В конце 80-х – начале 90-х годов неизбежность смены идентичности в поясе государств от Балтики до Адриатики была очевидной, пожалуй, лишь в одном аспекте: и каждая из стран региона, и регион в целом переставали быть "оплотом социализма" в Европе. Анализ неопубликованных документов Архива Фонда Горбачева позволяет сделать следующий вывод: отказ от советской модели общественного развития не предполагал автоматического отказа от старой, сформировавшейся в конце 40-х годов, восточноевропейской региональной идентичности или, по меньшей мере, от ее организационных форм. Что же могло послужить началом, отправной точкой процесса формирования новой региональной идентичности? Ответ на этот вопрос можно получить, если обратиться к количественным параметрам региона (на конец 80-х годов – это восемь стран, в том числе ГДР). На проводившихся на рубеже 1989–1990 гг. переговорах на высшем уровне его участниками неоднократно подтверждалась неизменность количественного состава региона. Анализ архивных документов позволил прийти к следующему заключению: в целом в рассматриваемый период лидерами западных государств декларировалась принадлежность ГДР к старому региону. Началом его "конца" могло стать выпадение из сообщества ГДР, поскольку именно здесь проходила западная граница региона. 9–10 ноября 1989 г. была разрушена Берлинская стена, а 3 октября 1990 г. Германия воссоединилась. Именно выход из региона ГДР знаменовал собой начало разрушения старой восточноевропейской региональной идентичности и начало становления новой. Объединение ГДР с ФРГ привело не только к изменению количественного состава региона, но определило также и вектор его развития в целом; его прозападную ориентацию.

Между тем анализ архивных документов показывает, что на рубеже 1989–1990 гг. и в странах Западной Европы, и в СССР разрабатывались самые различные концепции будущего Европы. В этой связи возникают вопросы: какое место в этих концепциях занимал регион, имелись ли на рубеже 1989–1990 гг. альтернативные прозападной концепции его развития? Окончательный ответ на эти вопросы можно, видимо, получить тогда, когда станут доступными все архивы.

В ходе эйфории демократических преобразований и лидеры СССР, а затем России, и ряд политиков в странах центральноевропейского региона переоценили потенциал

демократии в плане определения новых геополитических векторов развития Европы. В этом отношении идея общеевропейского дома, сама по себе благородная, с элементами конструктивной политики, оказалась иллюзорной, а "железный занавес" между двумя частями Европы весьма быстро лишь сменился "каучуковым", столь же малопроницаемым.

Сегодня события конца 80-х годов, определение которых в качестве революционных обогащается новыми оттенками, нуждаются в более глубоких интерпретациях с учетом фактора региональной идентичности. Политические процессы следующего века в рамках как Европы, так и всего мира будут определяться в первую очередь политикой регионов. Европа состоит из трех регионов – Западного, Центрального и Восточного. Анализ данного фактора может многое прояснить в динамике самых сложных политических процессов последнего времени. К 10-летию юбилею революций 1989 г. стал очевидным вакуум идей относительно возможностей установления единой Европы перед наступлением третьего тысячелетия истории христианской цивилизации, а потребность в этих идеях велика. По мнению докладчика, концепция "примыкания" самодостаточного и самостоятельного региона Центральной Европы к самодостаточному и самостоятельному региону Западной Европы (а не слияния с ним и не вхождения в него) с перспективой – по принципу "восстающего домино" – подключения к данному союзу самодостаточной и самостоятельной Европы Восточной более четко определяет общеевропейскую перспективу, не отрицая моментов фундаментальной сложности соответствующих процессов. Указанная концепция исходит из того отмеченного выше факта, что ключевые политические процессы в рамках и Европы, и мира в целом определяются – и во все большей степени будут определяться – региональным началом в политике, а не доминированием той или иной страны.

В заключение были представлены следующие выводы историко-сопоставительного анализа некоторых дат революций конца 80-х годов и процесса становления региональной идентичности Центральной Европы. Революционные преобразования в регионе охватываются следующими временными рамками: *5 апреля 1989 г.*, когда в Польше было подписано соглашение между представителями правительства и оппозиции о мерах относительно свободных выборов и регистрации "Солидарности" – *декабрь 1990 г.*, когда в Тиране состоялась студенческая демонстрация, в результате которой ЦК АПТ разрешил образование новых политических партий, а Неджме Ходжа была смещена со всех постов. Что касается временных рамок смены региональной идентичности, то она началась *9–10 ноября 1989 г.*, когда была разрушена Берлинская стена (реальный факт изменения *de facto* границы Центральной Европы), а граждане ГДР начали в массовом порядке исход в ФРГ через территории Чехии и Венгрии, и закончились фактом слияния двух Германий *3 октября 1990 г.*

Временной зазор между этими двумя рядами событий таков: примерно полгода от начала революционных событий до фактического становления новых геополитических границ региона и чуть больше двух месяцев с момента объединения Германии до фактического полного вступления всего региона в полосу революционных преобразований. Тем самым смена геополитических ориентиров произошла как бы внутри волны революционного процесса. Именно этот факт, что убеждению докладчика, не может не наталкивать на глубокие размышления относительно приоритетов демократии и геополитики.

А.А. Субботин (ИС РАН) выступил с сообщением "Строительство единой Европы: импульсы к падению политических режимов в центральноевропейском регионе". В 1989 г. всё пространство, примыкающее к странам Варшавского договора, оказалось в движении. Это движение можно назвать тенденцией к строительству единой Европы, имея в виду конечно же не горбачёвскую риторику, а разнообразные процессы, ускорившиеся на рубеже 80–90-х годов и не завершённые до сих пор.

После долгих лет кризиса процесса европейской интеграции новый ее этап должен был начаться с момента реализации положений Единого европейского акта (ЕЕА),

вступившего в силу 1 июля 1987 г. Подтверждалось, что конечной целью Европейского Экономического Сообщества является создание Европейского союза (ЕС), надгосударственного объединения, соединяющего в себе экономическую интеграцию и европейское политическое сотрудничество. ЕЕА определял пути достижения этой цели. Наиболее существенным здесь являлась четкая фиксация этапов и сроков. ЕЕА декларировал создание к 1 января 1993 г. единого (внутреннего) рынка, т.е. пространства, включающего территорию всех стран ЕС, где свободно смогут перемещаться товары, капиталы, услуги и рабочая сила. За этим должны были последовать создание валютного союза и единого резервного банка, а также введение к 2000 г. единой валюты. ЕЕА предусматривал одновременно с образованием единого рынка создание военно-политического союза 12 стран ЕС с высоким уровнем координации внешней и оборонной политики. Ради достижения однородности единого экономического пространства резко увеличивался бюджет региональных и структурных фондов, поддерживающих в ЕС наиболее бедные страны и особо неблагополучные отрасли. Предусмотрена была унификация законодательства. В конце 80-х процесс углубления интеграции был отмечен общей эйфорией. По своему влиянию на судьбы европейских народов этот проект в случае его реализации стал бы бесспорно самым значительным в истории Европы: закладывались основы нового политического и экономического порядка Европы в XXI в.

Осень 1989 г. процесс интеграции лишь набирал силу. Видимой была его радужная, эйфорическая часть, проблемы встали гораздо позже. При этом большинство лидеров "бархатных" революций полагали, что вышедшие из советского блока государства не останутся со своими проблемами один на один. Для граждан стран ЦВЕ происходило как бы слияние двух процессов: эфемерного и реального. Причем если для того, чтобы представить себя гражданином "Европы от Атлантики до Урала" требовалось большое воображение, то для реализации идеи интеграции, к примеру, ЧСФР в ЕС, казалось, требовалась лишь смена режима. Европейская интеграция становилась как бы реальным примером возможности глобальных изменений.

Процесс создания к 1993 г. пространства, где свободно будут перемещаться товары, капиталы и услуги, физические лица, где в будущем будет введена единая валюта и будет проводиться общая внешняя политика, являлся одним из основных факторов, определивших не только политический ландшафт Европы конца 80-х, но и одним из факторов, влиявших на массовое сознание как на Западе, так и на Востоке Европы. Молниеносность и относительно ненасильственный характер революций 1989 г. явились результатом трансформации прежде всего общественного сознания. И "евро-стандарт" сыграл здесь свою роль.

Менталитет, подсознание – очень хрупкие величины. Но влияние "еврофактора" можно проверить, пожалуй, по двум основным последствиям: во-первых, уже через несколько месяцев после "бархатных" революций новые лидеры, прежде всего лидер ЧСФР В. Гавел, стали инициаторами консолидации группы стран Центральной Европы, стремившихся присоединиться к Западной Европе в рамках выдвинутой чехословацким министром иностранных дел И. Динстбиром концепции "возвращения в Европу". Во-вторых, всего лишь несколько лет спустя трудности в вопросах интеграции в ЕС и НАТО вызвали волну разочарования среди политических лидеров стран ЦВЕ, равно как и в широких слоях населения.

Революционные процессы 1989 г. и последующих двух лет явились результатом сочетания внешних и внутренних факторов. В течение осени 1989 г. общества ЧСФР, ГДР, Болгарии и Румынии смогли пойти на коренное изменение системы координат, в которой существовали их государства. Ясно, что подобная безболезненная реакция была возможна лишь при надежде быстро найти новую опору в области не только политики, но и экономики. Другой вопрос, насколько обоснованными были эти надежды, однако влияние этого фактора безусловно. Объединяющаяся Западная Европа была осязаемым символом благосостояния и свобод, интеграция – возможностью доступа к ним.

События именно осени 1989 г. явились скорее полной неожиданностью для лидеров стран ЕС, и вряд ли можно говорить об официальном участии правительств этих стран в падении восточноевропейских режимов. Лидеры стран Запада старались не ставить под сомнение отношения с СССР. Система сфер интересов действовала вплоть до встречи на Мальте в 1989 г.

В дискуссии, завершившей конференцию, *В.И. Максименко* подчеркнул известную связь революций и войн. Он высказал мысль о том, что нападение на Югославию, начавшееся 24 марта 1999 г., и цепочка восточноевропейских революций 1989 г. – фазы одного исторического процесса или части одного глобалистского проекта ("глобальной революции"). 24 марта 1999 г., полагает В.И. Максименко, ознаменовало конец 10-летнего периода неопределенности, именованного *post-cold war period*. Того мира, который звали *post-cold war world*, больше нет. В более широком смысле, окончательно ушел в прошлое мир, родившийся из войны 1939–1945 гг. – ведь если в плане международной безопасности его устойчивость обеспечивалась стратегиями ядерного сдерживания и "гарантированного взаимного уничтожения", то не в меньшей степени его символом была Организация Объединенных Наций. "Глобальная революция", разрушив сначала национальный суверенитет как принцип, вступила (с войной 1991 г. в Персидском заливе и войной 1999 г. на Балканах) в стадию разрушения *nation-state* уже не как принципа, а как практики политической организации территории со времен возникшей в XVII в. Вестфальской системы международных отношений. Это еще один знак конца "Нового времени" как эпохи.

© 1999 г. Материалы конференции подготовила *Е.Л. Валева*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Brzezinski Z.* America in the Technotronic Age // *Encounter*. 1968. Vol. XXX. № 1. P. 16.
2. *Токвиль де А.* Старый порядок и революция. М., 1997. С. 3.
3. *Местр де Ж.* Рассуждения о Франции. М., 1997. С. 18.
4. *Кудрявцев В.Н.* Актуальные проблемы российского обществоведения // *Формирование новой парадигмы обществоведения*. М., 1996. С. 10.
5. *Давыдов Ю.Н.* Парадигма и революция // *Формирование новой парадигмы обществоведения*. М., 1996. С. 81–82.
6. *Бжезинский Зб.* Преждевременное партнерство // *Полис*. 1994. № 1.

© 1999 г. С.З. СЛУЧ

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ХОДЕ ПОЛЬСКОЙ КАМПАНИИ И ВОПРОС О ВСТУПЛЕНИИ СССР ВО ВТОРУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

Не только отношения между Москвой и Берлином, но и вся внешняя политика СССР находилась под огромным влиянием заключенных 23 августа и 28 сентября 1939 г. советско-германских соглашений. Опираясь на закрепленный в них раздел Европы на сферы интересов, Кремль смог осуществить внешнеполитическую экспансию в отношении целого ряда пограничных ему государств. Используя вовлеченность Англии и Франции во вторую мировую войну и опираясь на поддержку Германии, Сталин решил раздвинуть границы советской империи на западном, юго-западном и северо-западном направлениях. По замыслу советского руководства, собственно и приведшему его к соглашению с третьим рейхом, а не с западными державами, одной из первоочередных задач Кремля было аннексировать, "прибрать к рукам" (по выражению одного из близких к Сталину лиц – Л.М. Кагановича [1. Ф. 81. Оп. 3. Д. 333. Л. 136]) государства, отнесенные по взаимной договоренности в "сферу интересов" (читай: экспансии) СССР, и при этом остаться вне большой войны. Характерным симптомом этой позиции было явно затянувшееся отсутствие официального отношения Москвы к начавшейся 1 сентября 1939 г. войне.

Первое и весьма туманное заявление советского правительства на этот счет последовало только спустя две с половиной недели, 17 сентября. Выступая в этот день по радио в связи с вторжением Красной армии на территорию Польши, председатель Совнаркома В.М. Молотов сначала констатировал, что в ходе польско-германской войны Польское государство фактически перестало существовать, а затем перешел к оценке позиции СССР. По утверждению Молотова, советское правительство до последнего момента было нейтральным, но отныне не может больше безучастно относиться к "создавшемуся положению". Одновременно Молотов указал, что направил копию ноты на имя польского посла в Москве правительствам всех стран, с которыми СССР поддерживает дипломатические отношения. Обращаясь к ним, советское правительство заявляло: "Советский Союз будет проводить политику *нейтралитета в отношении всех этих стран*" [2. 18 IX] (курсив мой. – С.С.). Таким образом, из этого заявления вовсе не следовало, что СССР занял нейтральную позицию по отношению к начавшейся второй мировой войне; речь шла о нейтралитете лишь в отношении перечисленных 23 государств. По сути дела, эта позиция ничем не отличалась от заявления Гитлера 1 сентября, в котором говорилось об оборонительных действиях, своего рода "полицейской акции" в отношении Польши и о стремлении "педантичным образом" уважать статус нейтральных государств до тех пор, пока они останутся нейтральными [3. С. 1314].

В исследованиях, посвященных советско-германским отношениям в период между 23 августа 1939 г. и 22 июня 1941 г., вопрос о вступлении СССР во вторую мировую войну практически не рассматривался, считаясь как бы совершенно ясным и очевидным¹. Как правило, речь шла о партнерстве и кооперации между СССР и третьим рейхом [6], о поддержке Советским Союзом Германии и даже об их союзнических отношениях [7] после начала второй мировой войны. В отдельных работах события 17 сентября 1939 г. квалифицируются как наступательная война против Польши со стороны СССР (см., например, [8]), постоянно упоминается экспансионизм советской внешней политики, но при этом нейтралитет СССР во второй мировой войне вплоть до 22 июня 1941 г., как бы признается априорно и почти не подвергается сомнению², за редким исключением (см.: [11]). Вместе с тем, даже сами советские руководители, правда, на закрытых совещаниях, позволяли себе иронизировать по поводу советского "нейтралитета". Например, один из самых приближенных Сталину членов Политбюро А.А. Жданов, выступая на Объединенном пленуме Ленинградского обкома и горкома ВКП (б) в конце осени 1940 г., заявил под смех присутствующих: "У нас нейтралитет своеобразный – мы не воюя получаем кое-какие территории" [1. Ф. 77. Оп. 913. Л. 119]³. В предлагаемой статье рассматриваются советско-германские отношения в период польской кампании и дается оценка внешней политики СССР, целиком опирающейся на упомянутые выше соглашения между Москвой и Берлином, с точки зрения действовавших в то время норм международного права.

Хотя именно на первые месяцы сотрудничества пришелся пик отношений между Москвой и Берлином, уже в это время выявились несовпадения в характере, степени и времени заинтересованности руководства двух стран друг в друге. На протяжении конца августа и всего сентября готовность высшего руководства третьего рейха к уступкам в отношениях с Кремлем была наибольшей. Это объяснялось прежде всего военно-стратегическими и политическими соображениями, обусловленными задачами, стоявшими перед руководством рейха в ходе польской кампании. Об особой важности роли СССР именно в этот период свидетельствует и большое количество самых разнообразных публикаций о Советском Союзе в немецкой печати. Их число резко сокращается начиная с 10 октября 1939 г., хотя они по-прежнему сохраняют "корректный и дружественный тон" [12. Ф. 082. Оп. 22. П. 93. Д. 7. Л. 308]. По мере решения стоявших перед политикой и стратегией Германии задач происходило изменение и роли, которая отводилась в ней Советскому Союзу.

Напротив, роль Германии во внешней политике СССР имела неуклонную тенденцию к возрастанию. Причем, если на протяжении первого месяца после подписания пакта о ненападении у Сталина еще сохранялась определенная неуверенность относительно "верности" своего берлинского партнера положениям прежде всего Секретного протокола, то ко времени второго визита Риббентропа в Москву она полностью исчезла. После этого на протяжении нескольких месяцев сотрудничество между двумя режимами находилось на сопоставимо высоком уровне, хотя уже и включало в себя разнонаправленную динамику развития. Вот как выглядели его основные составляющие.

Конец августа и сентябрь прошли под знаком интенсивного военно-политического и политического сотрудничества. За несколько дней до нападения Германии на Польшу советское руководство, идя навстречу настойчивому желанию Берлина [13. Bd. VII. Dok. 360, 382, 387–388] (германский посол граф. Шуленбург дважды – 27 и

¹ В мае 1991 г. на международной конференции в Вене в докладе автора был поднят вопрос о датировке вступления СССР во вторую мировую войну (см. [4], а также [5]).

² Первым среди отечественных историков подверг сомнению, казалось бы, до того времени аксиоматичное положение о нейтралитете СССР вплоть до 22 июня 1941 г. М.И. Семиряга [9]. Однако даже он, спустя почти десять лет пишет лишь о том, что "тезис о "полном нейтралитете" СССР весьма уязвим" (см. [10]).

³ Автор выражает благодарность канд. ист. наук В.А. Невежину, обратившему его внимание на этот документ.

29 августа – встречался по этому поводу с В.М. Молотовым) [13. Bd. VII. Dok. 353. Anm. 2. S. 297; Dok. 383, 424–425, 447; 14], распорядилось опубликовать Заявление ТАСС [2. 30 VIII], в котором говорилось о недостоверности сведений, распространяемых некоторыми западными газетами, будто бы после заключения советско-германского договора о ненападении от западных советских границ была отведена группировка Красной армии численностью 200–300 тыс. человек. Напротив, утверждало ТАСС, советское командование решило усилить состав гарнизонов на западных границах. В Берлине были вполне удовлетворены этим заявлением, которое, во-первых, фактически содержало угрозу в адрес Польши, не давая ее верховному командованию возможности сосредоточить все силы для отражения предстоящего нападения вермахта; во-вторых, представляло дипломатии третьего рейха дополнительные козыри для нажима на западные державы в целях изоляции Польши; в-третьих, сообщение об усилении гарнизонов на западной границе позволяло Москве открыто начать сосредоточение там крупных сил, камуфлируя подготовку агрессии, которая после ее начала получит официальное наименование "освободительного похода".

Крупной политико-пропагандистской акцией, имевшей серьезный международный резонанс, явилось выступление Молотова на сессии Верховного Совета СССР 31 августа. Недвусмысленно поддержав внешнюю политику Германии, Молотов заявил на весь мир: "Сегодня... мы перестали быть врагами" [2.1 IX]. Характеризуя только что заключенное между двумя государствами соглашение, глава советского правительства неизбежно должен был отметить его отличие от того, к чему, якобы, стремился ранее Кремль. И сделал он это в весьма примечательной форме, а именно, подчеркнув, что советское руководство давно считало желательным улучшить политические отношения с Германией, но это стало возможным только теперь. "Дело, правда, идет в данном случае не о пакте о взаимопомощи, как это было в англо-франко-советских переговорах, а только о договоре ненападения". Поскольку перед тем председатель Совнаркома клеймил происки западных держав, рассчитанные "на дискредитацию дела переговоров", то проскользнувший в его словах оттенок сожаления, что, мол, с Германией заключили "только" соглашение о ненападении, придавал им некоторую двусмысленность. Поэтому Молотов тут же заверил присутствовавших депутатов, а еще в большей степени тех, кто с напряженным вниманием ждал его речи за рубежом и прежде всего в Берлине: "Тем не менее... договор о ненападении между СССР и Германией является поворотным пунктом в истории Европы, да и не только Европы" [2.1 IX]. И в этом глава советского правительства несомненно, был прав. Не случайно, уже на следующий день, произнося речь в рейхстаге в связи с нападением на Польшу, Гитлер не преминул коснуться высказываний Молотова по поводу заключенного договора и германо-советских отношений, заявив, что он "может присоединиться к каждому слову, прозвучавшему в речи русского народного комиссара иностранных дел Молотова" [3. S. 1315].

Неудивительно, что уже с 3 сентября германское руководство стало оказывать все возрастающее давление на Кремль, чтобы побудить советское руководство ускорить согласованное с Риббентропом вторжение Красной армии на территорию Польши с востока. В Берлине считали крайне важным и необходимым, чтобы СССР начал военные операции против Польши как можно раньше. Это, отмечал Риббентроп в послании Ф. Шуленбургу 15 сентября 1939 г., "освободит нас от необходимости уничтожить остатки польской армии, преследуя их вплоть до русской границы" [13. Bd. VII. Dok. 70. S. 54], что, в свою очередь, "было бы не только облегчением для нас, но также соответствовало бы духу Московских соглашений и советским интересам" [13. Bd. VII. Dok. 567. S. 450–451]. В этих целях Верховное командование вермахта пошло даже на то, чтобы удовлетворить просьбу советского Главного командования и предоставить подробную информацию о составе и дислокации польских войск в районах предполагаемого наступления Красной армии [15].

Отвечая на настойчивый призыв Риббентропа в этой связи, переданный ему

Шуленбургом 4 сентября [13. Bd. VIII. Dok. 2. S. 2], Молотов на следующий день вручил германскому послу памятную записку, явно согласованную накануне вечером со Сталиным, в которой, несмотря на несколько уклончивый ответ относительно конкретной даты советского вторжения в Польшу, он сделал несколько чрезвычайно важных признаний: во-первых, о необходимости "в подходящий момент обязательно... начать конкретные действия"; во-вторых, о наличии общих противников, сплочение которых может быть облегчено торопливостью с советской стороны; в-третьих, о существовании обсуждавшегося в ходе переговоров с Риббентропом в Кремле и "принятого плана" действий на территории Польши, точному выполнению которого не должно помешать даже то, что "в ходе операций одна из сторон или обе стороны могут оказаться вынужденными временно" нарушить "линию соприкосновения интересов обеих сторон" [13. Bd. VIII. Dok. 5. S. 4; 16. Т. XXII. Кн. 2. Док. 540. С. 25].

Темпы наступления вермахта в Польше стали явной неожиданностью для советского руководства, исключительно по политическим соображениям стремившегося оттянуть наступление Красной армии, к которому последняя уже активно готовилась с начала сентября [17. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 5. Л. 1]. Советский режим не мог, разумеется, пренебрегать и необходимостью пропагандистско-идеологической подготовки населения собственной страны к акциям, связанным с использованием крупных вооруженных сил против суверенного государства. Тем более, когда это государство уже ведет ожесточенную борьбу с превосходящим его противником. Только с 11 сентября в советских газетах начала разворачиваться антипольская кампания [18], параллельно с которой шли интенсивные консультации между Москвой и Берлином по согласованию мотиваций действий советского руководства, чтобы "так или иначе оправдать перед внешним миром свое теперешнее вмешательство" [13. Bd. VIII. Dok. 78. S. 60]. Еще раньше Сталин дал прямые указания руководству Коминтерна, воплотившиеся в директиву Секретариата ИККИ, в которой, в частности, указывалось: "Международный пролетариат не может ни в коем случае защищать фашистскую Польшу..." [19].

Оттягивая выступление против Польши, советское руководство стремилось "компенсировать" это негласным сотрудничеством в военной области и резким изменением тональности всей пропаганды, что с большим удовлетворением было отмечено в Берлине. По оценкам экспертов Верховного командования вермахта (ОКВ), "советская пропаганда стремилась сохранять благожелательный нейтралитет по отношению к Германии, освещая "по-видимому" ее политику [20. RW 19/1499. S. 2–3]. По всей видимости, именно этим обстоятельством объяснялось пожелание советника германского посольства в Москве В. Типпельскирха, высказанное в беседе с заместителем наркома иностранных дел В.П. Потемкиным 15 сентября, чтобы "московское радио передавало информацию о внутреннем и военном положении в Польше на сербском и хорватском языках", поскольку "информация из Москвы имела бы в Югославии иной резонанс, нежели радиопередачи из Берлина" [12. Ф. 06. Оп. 1. П. 7. Д. 72. Л. 40–41]. Более того, некоторые публикации в советской прессе активно использовались пропагандистской машиной третьего рейха как, например, статья в "Правде" "О внутренних причинах поражения Польши", переведенная на 27 иностранных языков и опубликованная во многих странах мира [21]. Отмечая позитивное воздействие дружественного активного нейтралитета СССР еще до вступления его в войну с Польшей на развитие как международной, так и оперативной обстановки, генштабисты германских ВМС (кригсмарине) приходили к заключению, что из трех дружественных третьему рейху держав – Италия, Япония и СССР, – поддержка только со стороны последнего приобретает конкретные формы [22].

Когда Шуленбург 14 сентября известил германский МИД об ожидаемом в ближайшие дни выступлении Красной Армии, Риббентроп предложил "публикацию совместного коммюнике" "с целью политической поддержки выступления советской армии" [13. Bd. VIII. Dok. 70. S. 54]. Публикация предложенного германской стороной совместного коммюнике с использованием формулировок типа – оба правительства

"сочли необходимым положить конец нетерпимому далее политическому и экономическому положению, существующему на польских территориях" [13. Bd. VIII. Dok. 70. S. 54], сопровождаемая одновременным извещением о вступлении советских войск на территорию Польши, неизбежно не только фактически, но и юридически поставила бы знак равенства между действиями Германии и СССР по отношению к Польше. Сталин же не желал этого, и потому Молотов 16 сентября отклонил предложение Риббентропа. Однако спустя два дня рейхсминистр вновь возвращается к своему предложению, после чего согласовывается компромиссный вариант уже в сталинской редакции [13. Bd. VIII. Dok. 94. S. 74–75].

В опубликованном 19 сентября в советской и германской печати совместном коммюнике говорилось не о решениях правительств двух государств в отношении Польши, а о задачах и целях "советских и германских войск, действующих в Польше". При этом, что принципиально важно, указывались и конкретные носители "мира и спокойствия" на оккупированной территории – вермахт и Красная Армия, в задачу которых входило "восстановить в Польше порядок и спокойствие" и "помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования" [23].

В действительности политические и военные цели национал-социалистического и советского руководства в отношении Польши полностью совпадали. Гитлер, выступая 22 августа 1939 г. перед верхушкой командования вермахта, обозначил цель: "уничтожение Польши". "Речь идет не о достижении какого-то определенного рубежа или новой границы, а об уничтожении врага" [24. S. 25]. В свою очередь Сталин в беседе с Генеральным секретарем Исполкома Коминтерна Г. Димитровым 7 сентября 1939 г. также сформулировал свое отношение к польской проблеме: "Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население" [25].

Значение согласованного с Берлином вторжения советских войск в Польшу трудно переоценить. Для осуществления этой акции были сосредоточены крупные силы, превосходившие по мощи все Войско Польское. Входившая в состав Украинского и Белорусского фронтов группировка состояла из 28 стрелковых и семи кавалерийских дивизий, десяти танковых бригад и семи артиллерийских полков резерва Главного командования. В ней в общей сложности насчитывалось более 600 тыс. человек, около 4 тыс. танков, свыше 5,5 тыс. орудий и 2 тыс. самолетов [26]. Вся эта армада была приведена в действие на рассвете 17 сентября приказами Главного Командования Красной армии, сочетавшими в себе заведомую ложь при мотивации предстоящих действий с четким формулированием конкретной задачи войскам, поставленной политическим руководством. Так, например, в приказе № 1 штаба Белорусского фронта от 15 сентября 1939 г., с одной стороны, говорилось о необходимости "содействовать оставшим рабочим и крестьянам Белоруссии и Польши в свержении ига помещиков и капиталистов и не допустить захвата территории Западной Белоруссии Германией", а с другой, – "уничтожить и пленить вооруженные силы Польши, действующие восточнее Литовской границы и линии Гродно, Кобрин" [17. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 21. Л. 1]. Аналогичный приказ был издан штабом Украинского фронта.

Принимал участие в польской кампании и советский военно-морской флот, задачи которого имели как военный, так и политический характер (см.: [27]). Последнее диктовалось замыслом Кремля использовать якобы активизацию польского флота в Балтийском море с целью оказания давления на государства Балтии, прежде всего на Эстонию.

Как бы то ни было, но в Берлине были весьма довольны подобным развитием событий, причем не только в политических сферах, но и среди части высших штабных офицеров, хорошо осознававших реальные выгоды этого вмешательства. Так, например, начальник штаба обер-квартирмейстера в Главном командовании сухопутных войск (ОКХ) Э. Вагнер записал в этот день в дневнике: "Сегодня в 6 часов утра выступили русские. ... Наконец-то! Для нас большое облегчение: во-первых, за нас

будет преодолено большое пространство, затем мы сэкономим массу оккупационных сил, и, наконец, Россия очутится в состоянии войны с Англией, если этого захотят англичане. Союз будет полным..." [28]. И это было только начало. На следующий день уже начальник генштаба сухопутных войск генерал Ф. Гальдер отметил в дневнике влияние продвижения советских войск на оперативную обстановку на германо-польском фронте [24. S. 79].

Начиная с 19 сентября на уровне отдельных армий и дивизий вермахта были установлены контакты с наступающими частями Красной армии, что приводило к согласованным действиям обеих армий в районах соприкосновения [20. RH 4/V. 31–32]. Однако фактически совместно осуществлявшийся разгром польских вооруженных сил потребовал большей координации действий вермахта и Красной армии, чем это имело место в первые дни, при занятии согласованных ими ранее, но не оставшихся неизменными сфер интересов на территории Польши. Этому и были посвящены состоявшиеся в Москве 20–21 сентября военные переговоры. В них приняли участие: с советской стороны, нарком обороны маршал К.Е. Ворошилов и начальник генерального штаба командарм I ранга Б.М. Шапошников, с германской – военный атташе генерал-майор Э. Кёстринг, его заместитель подполковник Х. Кребс и военно-воздушный атташе полковник Х. Ашенбреннер. В совместном протоколе, принятом по итогам переговоров, в частности, было зафиксировано следующее "разделение труда": вермахт брал на себя обязательство принять "необходимые меры" для воспрепятствования "возможным провокациям и акциям саботажа со стороны польских банд и тому подобных" в передаваемых Красной армии городах и деревнях, советское командование, со своей стороны, обязывалось в случае необходимости выделить "силы для уничтожения частей польских войск или банд" на направлениях отвода германских войск в оккупируемую ими зону [29]. Получив информацию о первом дне этих переговоров, генерал Гальдер отметил в дневнике: "Русские предложили военную помощь при местном польском сопротивлении" [24. S. 81]. Неудивительно, что один из оберквартирмейстеров генштаба сухопутных войск поручил 20 сентября офицеру для особых поручений "срочно внести ясность, рассматривать ли Россию в качестве нейтральной или союзной военной силы..." [30].

Спустя два дня наступающим в Польше советским войскам была передана соответствующая директива Ворошилова. В ней указывалось: "При обращении германских представителей к Командованию Красной Армии об оказании помощи в деле уничтожения польских частей или банд, стоящих на пути движения мелких частей германских войск, Командование Красной Армии, начальники колонн, в случае, необходимости, выделяют необходимые силы, обеспечивающие уничтожение препятствий, лежащих на пути движения" [17. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 7. Л. 26]. Обращение не заставило себя ждать. 23 сентября прибывшие во Львов представители германского командования проинформировали военного коменданта города комдива Иванова, что западнее г. Грубешова концентрируются значительные силы польской армии (до трех пехотных и четырех кавалерийских дивизий, а также артиллерия). Планируя нанести удар по грубешовской группировке поляков, германское командование выразило пожелание, чтобы "мы участвовали в совместном уничтожении данной группировки" [17. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 12. Л. 34; 31]. Командующий Украинским фронтом С.К. Тимошенко не мог взять на себя ответственность за решение этого вопроса, о чем свидетельствует его резолюция на этом донесении, переданная ему более высокой инстанцией [31]. В Москве, по всей видимости, не имели ничего против такого "товарищества по оружию". Во всяком случае уже ночью 24 сентября штаб Украинского фронта направил приказ командующему Восточной группой комкору Ф.И. Голикову о необходимости перенацелить с утра 24 сентября части 2-го кавалерийского корпуса и 24-й танковой бригады и "в случае обнаружения значительных сил противника перед фронтом 8 ск атаковать и пленить их", не допуская при этом его попыток прорваться в направлении Львова, Каменки [17. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 8. Л. 43]. Таким образом, разгром и пленение грубешовской группировки польской армии было результатом

непосредственного взаимодействия вермахта и Красной армии, санкционированного в Кремле. Это решение рассматривалось там как весьма своевременное, поскольку как раз в это время произошли инциденты между двумя армиями в районе западнее Львова, повлекшие за собой жертвы с советской и германской сторон. Не случайно, на место событий прибыли германский военный атташе генерал Кёстринг и начальник штаба Украинского фронта комдив Н.Ф. Ватутин. В ходе урегулирования инцидентов, как сообщал Кёстринг, "была установлена связь между частями, командиры которых сговорились о всех подробностях в товарищеском духе" [17. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 11. Л. 132; 32].

25 сентября линия, разграничивавшая советскую и германскую сферы интересов, проходила еще через пригород Варшавы, как это было согласовано в ходе первого визита Риббентропа в Москву. Поэтому боевые задачи Красной армии простирались вплоть до польской столицы, о чем свидетельствовал изданный в этот день приказ командующего Белорусским фронтом М.П. Ковалева. В нем указывалось: "При движении армии с достигнутого рубежа... на запад – на территории, оставляемой германской армией, возможно, что поляки будут рассыпавшиеся части собирать в отряды и банды, которые совместно с польскими войсками, *действующими под Варшавой* (курсив мой. – С.С.), могут оказывать нам упорное сопротивление и местами наносить контрудары" [17. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 21. Л. 48].

Весьма важное значение имела директива Ворошилова советским войскам, отводимым на новую государственную границу СССР и Германии после "обмена" территориями (северная часть Варшавского и Люблинского воеводство "обменивались" на суверенное государство – Литву), совершенного в ходе второго визита Риббентропа в Москву и подписания договора "о дружбе и границе". В одном из пунктов директивы говорилось: "5. Принять необходимые меры в городах и местах, которые переходят к частям германской армии, к их сохранности и обратить особое внимание на то, чтобы города, местечки и важные военные, оборонительные и хозяйственные сооружения ..., как в них, так и по дороге к ним были бы сохранены от порчи и уничтожения до передачи их представителям частей германской армии" [17. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 7. Л. 35].

Вопрос о переброске войск из Польши на Запад тревожил германское командование уже в начале Польской кампании [24. S. 64]. Тем более актуальным он стал после ее завершения. Для ускорения переброски высвободившихся дивизий вермахта германское командование обратилось к командованию РККА с просьбой о пропуске его частей через советскую территорию в Германию. Такое разрешение было дано, начиная с утра 6 октября 1939 г. [17. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 7. Л. 31]. В течение двух недель, вплоть до 20 октября, подразделения вермахта кратчайшим путем направлялись в Германию, чтобы как можно скорее отправиться на Запад, где продолжалась "странная война".

При подобном уровне взаимодействия и взаимопонимания считались как бы совершенно естественными такие мелкие "любезности" с советской стороны, как забота о немецких военнослужащих, оказавшихся в польском плену. Согласно распоряжению Ворошилова, их следовало немедленно освобождать и брать на учет вплоть до указания об их передаче представителям вермахта [17. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 7. Л. 50]. Имеющиеся документы свидетельствуют, что этот приказ неукоснительно и без всяких проволочек выполнялся войсками [17. Ф. 35084. Оп. 1. Д. 3. Л. 69].

Советская сторона также предоставляла помощь раненым или заболевшим солдатам и офицерам вермахта, оказавшимся в зоне действий Красной армии. Все они были помещены на излечение в госпитале Киева, Львова и ряда других городов СССР. Германское посольство, как свидетельствуют документы, постоянно отслеживало этот вопрос, уточняя местонахождение своих выздоравливающих военнослужащих и сроки их возвращения на родину [12. Ф. 082. Оп. 22. Д. 4]. Немалое внимание уделялось и розыску пропавших без вести в ходе Польской кампании военнослужащих германской армии согласно спискам, переданным германским военно-воздушным

атташе в Москве, и в соответствии с приказом Ворошилова (см., например, письмо заместителя начальника генерального штаба РККА комкора И.В. Смородинова начальнику штаба Белорусского фронта комбригу В.Е. Климовских от 5 ноября 1939 г. [17. Ф. 35086. Оп. 1. Д. 21. Л. 410–413]).

Интенсивные контакты осуществлялись и в ходе работы Центральной смешанной пограничной комиссии двух стран. 27 октября советская делегация, находившаяся в оккупированной немцами Варшаве, в полном составе была приглашена на обед к генерал-губернатору рейхсминистру Х. Франку, который он давал в честь смешанной германо-советской пограничной комиссии. В ходе оживленной получасовой беседы между Франком и главой советской делегации А.М. Александровым, предшествовавшей обеду, генерал-губернатор заметил: "Мы с вами курим польские папиросы как символ того, что мы пустили Польшу по ветру" [12. Ф. 011. Оп. 4. П. 27. Д. 66. Л. 22]. Во время обеда Франк и Александров обменялись речами. При этом в речи главы советской делегации подчеркивалось, что атмосфера, в которой проходили переговоры, "отражает дух сотрудничества на благо немецкой и советской наций, двух величайших народов Европы" [33].

В итоге этого сотрудничества сроки военной кампании сократились, так же как и потери вермахта, расход боеприпасов и горючего. Главное же, оккупированная вермахтом территория Польши отныне граничила с дружественным третьему рейху государством и потому не требовала в преддверии войны на Западе массивного прикрытия, т.е. впервые после объединения Германии для нее не существовало проблемы войны на два фронта, о чем столь выразительно говорил Гитлер, выступая перед верхушкой вермахта 23 ноября 1939 г. (см. [34]).

Политические и территориальные итоги Польской кампании двух держав были подведены в ходе второго визита рейхсминистра Риббентропа в Москву в конце сентября 1939 г. Раздел территории Польского государства, зафиксированный в советско-германском договоре от 28 сентября 1939 г., юридически уравнивал двух агрессоров, совершивших насилие над суверенным государством и закрепивших его в двустороннем договоре "о дружбе и границе". Сталину явно импонировала точка зрения фюрера, выраженная в его речи в Данциге 19 сентября: "Польша в том виде, какой ей придал Версальский договор, никогда уже больше не возродится! Это в конечном счете непременно гарантирует не только Германия, но и Россия" [3. S. 1362]. Не случайно эта же мысль почти дословно была озвучена в речи Молотова на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. [2. 1 XI]. Но в известном смысле Сталин пошел дальше Гитлера, первоначально не исключавшего сохранения "остаточной Польши"⁴, и настоял на своем.

Теперь представим в сжатой форме действия Советского Союза с точки зрения существовавших в то время норм международного права. Советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г., положил начало в рассматриваемый период целой серии противоправных актов со стороны СССР. Одна из норм международного права предполагает "обязанность не заключать договоры, несовместимые с обязательствами прежних договоров" [36. Vol. I. § 503. P. 805]. Пойдя на соглашение с третьим рейхом, советское правительство сразу же нарушило статью 3-ю договора о ненападении между СССР и Польшей, заключенного 25 июля 1932 г. на 3 года, а затем продленного 5 мая 1934 г. до конца 1945 г., что еще раз было подтверждено в совместной декларации обоих правительств 27 ноября 1938 г. Согласно этой статье, СССР и Польша обязывались "не принимать участия ни в каких соглашениях, с агрессивной точки зрения явно враждебных другой стороне" [37]. Что дает основание для подобной интерпретации основного текста советско-германского договора о

⁴ В начале сентября Гитлер, стремясь к нейтрализации западных держав, не исключал сохранения в своей зоне оккупации некоего марионеточного Польского государства (Restpolen). (см. [24. Bd. 1. S. 66 (запись от 7.09.1939)]. 12 сентября Риббентроп сообщил об этом шефу Абвера адмиралу В. Канарису как о "наиболее симпатичном для фюрера решении" (цит. по: [35]). См. также обсуждение этого вопроса в германском МИД [13. Bd. VIII. Dok. 124. S. 96; Dok. 137. S. 107–108].

ненападении? Прежде всего, отсутствие в нем традиционной для подписанных СССР в 30-е годы договоров о ненападении с европейскими государствами (Финляндией, Латвией, Эстонией, Польшей, Францией, Италией) статьи, считавшейся в Наркоминделе "неизменной частью всякого пакта о ненападении" [38], согласно которой соглашение о ненападении утрачивало силу или предоставляло право одной из сторон отказаться от него, если другая сторона нападет на какое-нибудь третье государство. Отсутствие подобного рода статьи в договоре о ненападении между двумя государствами не ограничивало возможную агрессию, а напротив, фактически поощряло ее, расширяя договор о ненападении до соглашения о неограниченном нейтралитете каждой из сторон в отношении действий другой стороны, т.е. предоставляла агрессору полную свободу действий. На это указывает и формулировка статьи II советско-германского договора: "В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу" [16. Т. XXII. Кн. 1. Док. 484. С. 631]. Все это свидетельствует о том, что с международно-правовой точки зрения открытая часть советско-германского договора о ненападении, оцениваемая в рамках конкретной военно-политической обстановки конца лета 1939 г., несомненно, входила в явное противоречие с взятыми советским руководством ранее обязательствами в отношении Польши, являясь соглашением явно враждебным последней. Как провидчески отмечал нарком иностранных дел М.М. Литвинов еще в 1934 г.: "... двусторонние пакты о ненападении не всегда служат делу мира. Самое заведомо агрессивное государство может заключать пакты о ненападении с одними государствами, чтобы развязать себе руки и обеспечить тыл или фланги для нападения на другие государства" [39].

Что же касается секретного протокола, представлявшего, по выражению советского руководства, "органическую часть пакта" [16. Т. XXII. Кн. 1. Докл. 470. Приложение. С. 612], то он зафиксировал договоренность двух агрессивных государств о территориально-политическом переустройстве и разделе сфер интересов в Восточной Европе, первой жертвой которой и должна была стать Польша [40].

Последующие действия советского руководства (официальное заявление в конце августа о концентрации советских войск на западных границах, т.е. на границе с Польшей; проведение частичной мобилизации запасных возрастов; приведение в состояние повышенной боеготовности войск Украинского и Белорусского особых военных округов и передислокация их ударных группировок в непосредственную близость от советско-польской границы; использование с 1 сентября радиостанции г. Минска в качестве радиомаяка для ориентации немецких самолетов, выполняющих боевые задачи над территорией Польши; разрешение на использование Мурманского порта в качестве перевалочного пункта для немецких товаров и стоянки для различного типа пассажирских и грузовых судов; антипольская пропаганда на страницах газет и одновременно перепечатки из нацистской прессы, включая подробное изложение речи Гитлера и сводок Верховного командования вермахта и т.д.) – все это свидетельствовало de jure о серьезных нарушениях СССР нейтралитета уже в первые дни второй мировой войны в пользу Германии, поскольку "нейтралитет, как позиция беспристрастия, влечет за собой обязанность воздерживаться от оказания помощи тому или другому из воюющих как в активной, так и в пассивной форме..." [36. Vol. II. §. 297. P. 520–521].

Качественные изменения во внешней политике СССР произошли на рассвете 17 сентября 1939 г. В официальном заявлении Молотова по радио содержалось обстоятельное изложение мотивов решения советского руководства "дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии". Наиболее существенные из них: во-первых, "события, вызванные польско-германской войной, показали внутреннюю несостоятельность и недееспособность польского государства. ...Польское государство и его правительство фактически перестали существовать"; во-вторых, "в силу такого

положения заключенные между Советским Союзом и Польшей договора прекратили свое действие"; в-третьих, "Советское правительство до последнего времени оставалось нейтральным. Но оно в силу указанных обстоятельств не может больше нейтрально относиться к создававшемуся положению" [2. 18 IX].

Как выглядят приведенные выше аргументы с точки зрения тогдашнего международного права?

1) "Государство продолжает существовать в смысле международного права даже тогда, когда оно временно не обладает центральной властью, поскольку оно представляется не только своим центральным правительством, но и всеми его органами. ... Даже захват противником всей его территории ("debellation") сам по себе не прекращает существования побежденного государства [41].

2) Политические договоры, заключенные между государствами, становятся недействительными или утрачивают свое действие в следующих случаях: "вследствие прекращения существования одной из договаривающихся сторон", либо "возникновение войны аннулирует все политические договоры между воюющими государствами..." [32. Vol. I. § 541. P. 851; Vol. II. § 99. P. 245].

3) Прекращение состояния нейтралитета происходит, в частности, в случае, "если нейтральное до того государство вступает в войну против одного из воюющих" по той причине, "что не в интересах нейтрального государства сохранять далее нейтралитет". В подобных случаях имеет место грубое нарушение международного права, потому что "раз нейтралитет фактически и по праву вступил уже в силу, нейтральное государство, на которое как на члена Лиги наций возложены определенные обязательства, не должно отказываться от них за исключением тех случаев, когда этот отказ не связан с причиной, вызвавшей войну" [36. Vol. II. § 312. P. 533].

4) Международное право подразделяет участников войн на главных и второстепенных, определяя при этом, что "второстепенные участники войны становятся воюющими в силу факта оказания ими помощи главной воюющей стороне..." [36. Vol. II. § 77. P. 201]. Вступление в германо-польскую войну превратило СССР в совоюющую (co-belligerent) Германии державу, не только оказывавшую помощь ей как одному из главных воюющих участников мирового конфликта, но и обретшую статус собственно воюющей стороны уже в силу характера предпринятых ею военных действий. Своюющие державы вовсе не обязательно должны быть союзниками, т.е. их отношения могут и не основываться на союзном договоре, совпав по характеру действий в рамках данной конкретной войны или кампании.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что: а) Польское государство к 17 сентября 1939 г. не прекратило своего существования и тем самым оставалось субъектом международного права; б) между тем существовавшие политические соглашения между СССР и Польшей действительно утратили силу, поскольку СССР, вторгнувшись своими войсками на территорию суверенного государства, начал военные действия против одной из воюющих сторон – Польши; в) отсутствие формального объявления войны как со стороны СССР, так и со стороны Польши не меняет существа дела, так как "военные действия нейтрального государства – это действия, совершаемые в целях нападения на воюющего. Они являются актами войны и создают состояние войны между таким нейтральным государством и соответствующим воюющим" [36. Vol. II. § 320. P. 546] (курсив мой. – С.С.). Таким образом, официальное прекращение Советским Союзом состояния нейтралитета в отношении германо-польской войны и вторжение крупными силами на территорию суверенного государства представляет собой несомненный акт войны, агрессии [16. Т. XVI. Док. 213. С. 390], акт вступления в германо-польскую и, тем самым, во вторую мировую войну.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ).
2. Известия, 1939.
3. *Domarus M.* Hitler. Reden und Proklamationen 1932 bis 1945. München, 1965. Bd. 2, 1.
4. *Slutsch S.* Der 22. Juni 1941 und die Frage nach dem Eintritt der Sowjetunion in den Zweiten Weltkrieg // 22. Juni 1941: der Überfall auf die Sowjetunion; Dokumentation eines Symposiums der Volkshochschule Brigittenau. Wien, 1991. S. 53–61.
5. *Nekrich A.M.* Pariahs, Partners, Predators: German-Soviet Relation, 1922–1941 / Ed. by G.Z. Freeze. N.Y. 1997. P. 128.
6. *Pietrow B.* Stalinismus – Sicherheit – Offensive: Das Dritte Reich in der Konzeption der sowjetischen Aussenpolitik 1933 bis 1941. Melsungen, 1983. S. 141 ff.
7. *Stegemann B.* Politik und Kriegführung in der ersten Phase der deutschen Initiative // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1979. Bd. 2. S. 17 ff.
8. *Stökl G.* Russische Geschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1962. S. 748.
9. *Семиряга М.И.* Советско-германские договоренности в 1939–июне 1941 г.: взгляд историка // Советское государство и право, 1989, № 9. С. 98. *Семиряга М.И.* Советско-германские отношения (сентябрь 1939 – июнь 1941 г.) // Советская внешняя политика, 1917–1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992. С. 245.
10. *Семиряга М.И.* Советско-германские отношения (1939–1941 гг.) // Россия и Германия. М., 1998. Вып. 1. С. 326.
11. *Дурачинский Э.* Польша в политике Москвы 1939–1941 годов: факты, гипотезы, вопросы // Война и политика, 1939–1941. М., 1999. С. 52.
12. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).
13. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. Aus dem Archiv des Deutschen Auswärtigen Amtes (ADAP). Serie D: 1937–1941, Baden-Baden, Göttingen, 1950–1970.
14. Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. М., 1990. Т. 2. Док. 616. С. 337.
15. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Bonn (PA AA), Unterstaatssekretär. R 29911. S. 23350.
16. Документы внешней политики СССР. М., 1957–1998. Т. I–XXIII.
17. Российский Государственный военный архив (РГВА).
18. *Случ С.З.* Внешнеполитическое обеспечение польской кампании и Советский Союз // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале второй мировой войны (сентябрь 1939 – август 1940). М. 1990. С. 25.
19. Директива Секретариата ИККИ компартиям об отношении к начавшейся войне от 8.09. 1939 г. // Коминтерн и вторая мировая война. М., 1994. Ч. 1. Док. 9. С. 89.
20. Bundesarchiv – Militärarchiv (BA – MA).
21. Information des fremdsprachlichen Artikeldienstes des Aufklärungs-Ausschusses Hamburg-Bremen // Центр историко-документальных коллекций (ЦХИДК). Ф. 1257. Оп. 1. Д. 1. Л. 42.
22. Kriegstagebuch der Seekriegsleitung 1939–1945. Teil A. Bd. 1. August / September 1939. Herford; Bonn, 1988. S. 64 (запись от 13.9.39).
23. Правда, 1939: 19 IX.
24. *Halder [Franz]*, generaloberst. Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes der Heeres 1939–1942. Stuttgart, 1962. Bd. 1. S. 25.
25. Из "Дневника" на Георги Димитров от годините на Втората световна война // Летописи. София, 1992. Брой 7/8. С. 49.
26. *Семиряга М.И.* 17 сентября 1939 года // Советское славноведение. 1990. № 5. С. 7.
27. *Стрельбицкий К.* В сентябре 39-го // Родина. 1996. № 7/8. С. 91–95.
28. *Wagner E.* Briefe und Tagebuchaufzeichnungen des Generalquartiermeisters des Heeres. München; Wien, 1963, S. 132f.
29. *Köstring E.* Der militärische Mittler zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion 1921–1941. Frankfurt a.M., 1965. S. 177.
30. *Groscurth H.* Tagebücher eines Abwehroffiziers 1938–1940. Stuttgart, 1970. S. 273.
31. *Лебедева Н.С.* Катынь: Преступление против человечества. М., 1994. С. 32–33.
32. *Лебедева Н.С.* Четвертый раздел Польши и катынская трагедия // Другая война? 1939–1945. М., 1996. С. 260–261.

33. Das Diensttagebuch des deutschen Generalgouverneurs in Polen 1939–1945. Stuttgart 1975. S. 46.
34. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Nuremberg, 1947–1949. Doc. 789–PS. Vol. XXVI. P. 330.
35. *Broszat M.* Nationalsozialistische Polenpolitik 1939–1945. Stuttgart, 1961. S. 15.
36. *Oppenheim L.* International law. London, 1947. Vol. I. 1940. Vol. II.
37. Внешняя политика СССР. Сборник документов. М., 1945. Т. III. Док. 176. С. 557.
38. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1969. Т. VI. Док. 107. С. 168–169.
39. История внешней политики СССР, 1917–1980: в 2-х т. М., 1980. Т. 1. С. 308.
40. *Gornig G.-H.* Der Hitler–Stalin–Pakt: eine völkerrechtliche Studie. Frankfurt a.M. u.a., 1990.
41. *Федрощ А.* Международное право. М., 1959. С. 232–233.

© 1999 г. В.В. МАРЬИНА

СЛОВАЦКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ 1944 ГОДА В ПОСЛЕВОЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Словацкое национальное восстание (СНВ), пятьдесят пятая годовщина которого отмечается в 1999 г., – крупнейшее событие как в истории словацкого народа, так и в истории европейского движения Сопротивления периода второй мировой войны. В течение двух месяцев – с конца августа по конец октября 1944 г. – восставшие части словацкой армии и партизанские отряды сопротивлялись оккупации Словакии нацистскими войсками, а после падения центра восстания города Баньска Быстрица отступили в горы, где продолжали сражаться.

СНВ, может быть, как никакое другое событие в истории словацкого народа привлекало к себе внимание историков. Ему посвящены десятки публикаций документов, сотни монографий и, вероятно, тысячи статей, как на родине, так и за границей. Самым верным эпиграфом к данной статье могло бы стать прутковское "нельзя объять необъятное", тем более усилиями одного человека. И все же попытаемся сделать это, естественно, ограничив задачу. Конечно, нельзя проанализировать все написанное о СНВ, но можно обозначить этапы развития историографии, выделив наиболее знаковые для каждого из них работы. По существу речь пойдет о том, какие изменения претерпели оценки и освещение восстания на протяжении послевоенной истории Чехословакии и после ее распада. Иначе говоря, это конкретизация чрезвычайно интересной проблемы "интеллигенция (и историки как ее часть) и власть", "интеллигенция и политика". И тут нельзя не согласиться со словами известного чешского историка В. Пречана, большого знатока истории СНВ, о том, что прошлое "является полем битвы современников, которые свои проблемы рядят в исторические костюмы". И еще: "В отношении современников к прошлому в силу всегда вступают их теперешние интересы – идет ли речь об отдельных людях, группах или слоях, политических партиях либо властном истеблишменте. И это – не всегда политические или материальные интересы либо политический конъюнктурализм. Это например, нежелание неприятной саморефлексии, опасения угрозы существования или просто [подрыва] репутации, склонность к идеологизированному видению мира, чрезмерные амбиции, попытки компенсировать подавленную вину, а зачастую и простая человеческая глупость, незнание, злоба" [1. S. 347–349]. Все это, думается, имело место и в освещении истории СНВ на протяжении более полувека.

Попыток подвести итоги изучения СНВ в различные времена предпринималось множество. И связаны они были по большей части с "круглыми" и "некруглыми" юбилеями СНВ и проводимыми по этому случаю конференциями. Разбор, как правило, носил конкретно-исторический характер, а оценки зависели от политической конъюнктуры, но, если говорить о национальной историографии, то восстание всегда

оценивалось как выдающееся событие в истории словацкого народа, вне зависимости от отношения авторов к отдельным участвовавшим в нем деятелям, политическим партиям и течениям, главным повстанческим силам. Что же касается этого отношения, то здесь черное часто превращалось в белое, а минусы менялись на плюсы. Это хорошо показано в книге одного из виднейших словацких историков, Й. Яблоничко, посвятившего себя изучению проблематики восстания. Книга, сначала вышедшая в "самиздате" в 1980 г. под названием "Об историографии Словацкого национального восстания", в 1983 г. была опубликована в Торонто (Канада) под названием "Манипулированная история СНВ", а затем, переработанная автором, издана в расширенном варианте в 1994 г. на родине под названием "Критические заметки об историографии СНВ. Злоупотребление историей СНВ и ее фальсификация" [2]. Общее направление развития историографии восстания было показано автором данной статьи в обзоре, посвященном в целом историографии движения Сопротивления в Чехословакии в годы второй мировой войны [3].

На сегодняшний день можно выделить пять этапов в разработке темы СНВ, каждый из которых имел свою методологию и направленность исследования. Хронологически они выглядят примерно следующим образом: первый – от освобождения страны до конца 1940-х годов; второй охватывает 1950-е годы; третий – 1960-е годы; четвертый (наиболее длительный) – начало 1970-х – конец 1980-х годов; "бархатная" революция ноября 1989 г. положила начало новому, современному этапу изучения СНВ. Конечно, хронологические границы этапов весьма условны, поскольку работы, характерные для одного периода, могли появиться и на завершающей стадии предыдущего, и на начальной стадии последующего. Намеченные временные отрезки совпадают по существу с определенными этапными вехами истории послевоенной Чехословакии: ведь историческая наука была частью культурной жизни страны и развивалась вместе с нею, зачастую не имея возможности, но иногда стремясь абстрагироваться от внутри- да и внешнеполитической обстановки и испытывая на себе ее воздействие.

Обратимся к характеристике (самой общей) каждого из обозначенных этапов. Все написанное в первые послевоенные годы об истории СНВ не может считаться историографией в строгом смысле этого понятия. В своей основе вышедшие тогда статьи и немногочисленные книги могут быть отнесены к жанру мемуарной литературы, в лучшем случае – публицистики. Подавляющее их большинство принадлежало перу участников восстания и находившихся в эмиграции политических деятелей. Эти работы по существу явились вкладом в источниковую базу исследования истории восстания, только начинавшую создаваться. Их ценность для современного исследователя состоит в том, что авторы принадлежали к различным политическим течениям, представленным в восстании, и писали свои воспоминания непосредственно после войны. Прежде всего, это богатые документальным материалом воспоминания президента ЧСР Э. Бенеша и посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера [4]. К достаточно крупным по тому времени работам мемуарного плана следует отнести книги (точнее брошюры) Й. Леттриха, Ю. Шуйяна, Ю. Носко, В. Копецкого [5]. Со своими оценками и воспоминаниями выступили многие участники и современники СНВ разной политической ориентации. В газетах, журналах, сборниках были опубликованы сотни статей, в том числе принадлежавших словацким коммунистам К. Шмидке, Г. Гусаку, Л. Новомескому, возглавлявшим V нелегальный ЦК Компартии Словакии, В. Клементису, Ш. Баштёванскому, В. Широкому, М. Фалтяну и другим; словацким социал-демократам М. Хорвату, Я. Бечко, Й. Шолтесу; деятелям словацкой Демократической партии Й. Леттриху, Я. Лихнеру, Я. Урсини, причастным к руководству восстанием, М. Кветко, Р. Фраштяцкому, К. Фило. Неоднократно по разным вопросам истории СНВ выступал в печати Э. Бенеш (см. [6]). Источниковую базу истории восстания пополнили тогда издания речей и статей видных политических деятелей периода войны, например Э. Бенеша, В. Клементиса, Г. Гусака [7], а также сборников документов и материалов [8]. Сразу же после войны были сделаны и первые попытки написания истории СНВ [9]. В воспоминаниях и статьях первых послевоенных лет

освещалось множество разнообразных вопросов истории восстания, его значение и уроки, роль партий и отдельных их представителей, участие в борьбе различных социальных слоев и групп населения, деятельность партизан и т.д. Думается, что материалы о СНВ, опубликованные в первые послевоенные годы в основном участниками и современниками описываемых событий, еще не стали предметом пристального внимания исследователей, заслоненные более фундаментальным документальным материалом, накопленным в последующее время. Эти первые материалы, имеющие свои, обусловленные их происхождением, плюсы и минусы, свои характерные черты, составляют самостоятельный и специфический раздел источниковой базы истории восстания и заслуживают соответствующего отношения к себе. Для работ этого периода характерны фактографичность, описательность с попытками оценок. Но литература мемуарного плана по истории восстания – весьма ценный и часто незаменимый источник для познания мотивов деятельности и настроения отдельных лиц, социальных групп и всего общества.

Второй из обозначенных этапов начинается после политической победы КПЧ в феврале 1948 г. и связан со становлением и развитием "марксистской" чехословацкой исторической школы в это время. После февраля в стране де-факто была установлена монополия власти КПЧ, хотя формально продолжал существовать "возрожденный", т.е. очищенный от политических оппонентов коммунистов, Национальный фронт. Многие из участников восстания были устранены из общественной жизни (в лучшем случае лишены возможности активной общественной деятельности, в худшем – репрессированы вплоть до расстрела) или эмигрировали. Во время политических процессов по делу "словацких буржуазных националистов" и "шпионско-диверсионного центра" во главе с Р. Сланским был расстрелян В. Клементис, покончил с собой Ш. Баштеванский, к пожизненному заключению был приговорен Г. Гусак, к десяти годам – Л. Новомеский и т.д. [10]. В этот период европейские страны народной демократии, в том числе Чехословакия, все более отгораживались от Запада, его науки и культуры и сближались с Советским Союзом, испытывая возрастающее влияние Москвы на всю свою внутреннюю жизнь, включая развитие гуманитарных наук и, в частности, историографии. Воздействие советской исторической науки на чешскую и словацкую в конце 1940-х – начале 1950-х годов нельзя оценить иначе, как негативное. После некоторого "ослабления" в первые послевоенные годы советские историки начали снова испытывать "жесткий прессинг" со стороны властей, которые решили положить конец идеологической "разболтанности" ученых, посмеявших "свое суждение иметь".

Осенью 1948 г. в СССР и европейских странах народной демократии было торжественно отмечено десятилетие выхода в свет сталинского "Краткого курса" истории ВКП(б), который объявлялся образцом для подражания при написании исторических работ и кладезем марксистской мудрости. «Примером научного исследования может быть "История ВКП(б)", – подчеркивалось на научной конференции, состоявшейся в декабре 1954 г. в Братиславе и посвященной Словацкому национальному восстанию [11. 1954. № 1. С. 118]. В обстановке нараставшей холодной войны, международной конфронтации, усвоения коммунистическими партиями тезиса об "обострении классово-вой борьбы по мере построения социализма" началось становление "марксистской" историографии в Чехословакии, основной задачей которой, как она понималась тогда, было создание истории Коммунистической партии как авангарда рабочего класса, противостоявшего буржуазии на всех этапах своей истории, в том числе и в период войны. К началу 50-х годов историки старшего поколения или "сошли со сцены" (некоторые – по возрасту, некоторые, получив клеймо буржуазных специалистов, непригодных для решения новых задач), или занимались периодами более ранней истории словацкого народа. Ряды историков пополнились молодыми учеными, пришедшими в науку либо из партаппарата, либо из вузовских аудиторий, полными энтузиазма, но имевшими весьма ограниченный жизненный опыт и недостаточную профессиональную подготовку. В основном они были коммунистами или комсомоль-

цами и реализацию линии партии считали своим непосредственным долгом. Некоторые из них обучались в Советском Союзе и, естественно, впитали в себя всю "марксистскую" премудрость, вкладывавшуюся тогда в головы советских студентов. И советская действительность, и состояние советской исторической науки виделись в идеализированном свете и абсолютизировались. Надо учитывать и ограниченность источниковой базы, которой располагали тогда исследователи. Поэтому работы начала 50-х годов следует оценивать в контексте того сложного времени и с учетом обстоятельств их возникновения.

Истории СНВ по-прежнему уделялось в это время много внимания, но уже под приоритетным углом зрения – руководящая роль Коммунистической партии в нем. Был организован Институт Словацкого национального восстания в Баньской Быстрице (в 1951 г. он был объединен с Институтом истории КПС в Братиславе), который в 1949–1950 гг. выпустил восемь небольших по объему сборников статей, воспоминаний и документов о восстании [12]. В 1949 г., когда широко отмечалось пятилетие СНВ, со статьями в газетах и журналах еще выступали Г. Гусак, Л.Новомеский, К. Шмидке, но с 1950 г. эти имена уже исчезли со страниц печати. После 1948 г. в стране не публиковались и работы бывших соратников коммунистов по антифашистской борьбе Й. Леттриха, М. Йоско, Я. Лихнера, Р. Фраштяцкого, М. Кветко, эмигрировавших на Запад. Многие участники восстания – "демократы" (политики, офицеры повстанческой армии, руководители партизанских отрядов) были репрессированы [2. S. 15–28]. В коммунистической печати продолжала усиливаться обозначившаяся в ней еще до февраля 1948 г. "разоблачительная" тенденция по отношению к "демократам" и представителям западной буржуазной эмиграции – "бенешевцам". В 1950 г., когда была развязана кампания против "словацких буржуазных националистов", очередную годовщину восстания пресса обошла молчанием. Политические обвинения против "буржуазных националистов" были развиты и конкретизированы руководителями КПС (К. Бацилеком и В.Широкиком) в статьях и выступлениях в 1951–1953 гг. Высоко оценивая восстание само по себе, эти политические деятели как бы отделяли его от "предательского руководства", действовавшего вопреки интересам народа (немалую роль здесь сыграли и личные амбиции и счеты). Так, в статье К. Бацилека 1951 г. говорилось о том, что буржуазные националисты всегда поступали согласно своим концепциям и не считались с указаниями из Москвы, что они боялись массовой народной борьбы и больше надеялись на союз с представителями буржуазии, чем на действительное руководство Компартии восстанием [13]. Таким образом, политическая установка была дана и в духе времени подхвачена публицистами (М. Гыско), а затем и историками (Б. Граца, М. Госиоровский), искренними в своих заблуждениях и полагавшими, что они, являясь коммунистами, не могут выступать против линии партийного руководства. К тому же вся обстановка того времени свидетельствовала, что это было и весьма опасно. Но возможно, что такая мысль даже и не приходила в голову: партии верили беззаветно. "Огромной помощью и неким ориентиром для нас должны стать выступления и статьи наших руководящих партийных деятелей, в которых выражено мнение партии", – говорилось на научной конференции, организованной Словацкой Академией наук в преддверии десятилетия СНВ [14. 1954. № 1. S. 6]. Выступавшие на конференции обвиняли "буржуазно-националистическое руководство" восстания в том, что оно искривило и фальсифицировало ясную линию освободительной борьбы в Словакии, выраженную в политике московского руководства, что концепция "буржуазных националистов" была аналогична буржуазной, что они недооценивали народные массы и пренебрежительно относились к рабочему классу и его партии, а после занятия немцами Баньской Быстрицы дезертировали вместе с представителями буржуазии и предали борющийся словацкий народ и т.д. [14. 1954. № 1. S. 3–38, 105–112]. (Впоследствии все эти обвинения были признаны надуманными и беспочвенными.) Материалы конференции опубликовали отдельной книгой [15]. В аналогичном духе были написаны и другие работы, вышедшие в 1950-х годах [16]. Однако несомненно то, что в этот период шло дальнейшее, хотя и

одностороннее накопление фактического материала и наметились некоторые более конкретные аспекты изучения истории восстания и освободительной борьбы в Словакии, например, международная солидарность, развитие партизанской войны, деятельность первого нелегального ЦК КПС и коммунистов Братиславской области в подполье [17]. Активно выступали в этот период на страницах научных журналов и различных печатных изданий Й. Долежал, С. Фалтян, М. Госиоровский, Б. Граца, Й. Грозиенчик, А. Гучкова-Штвртецка, О. Крайняк, М. Кропилак, Л. Липтак, Я. Шолц и др. Характеризуя в 1980 г. работы 50-х годов по истории восстания, М. Кропилак справедливо указывал на свойственные им в большей или меньшей степени противоречивость, искажение исторического прошлого, наличие полуправды и неправды, лежащую на них печать догматизма и субъективизма [18], т.е. на все то, чем была особенно отмечена тогда и советская историческая наука.

Под априорно созданную концепцию о руководящей роли рабочего класса и Коммунистической партии в освободительной борьбе подводилась и соответствующая, тоже односторонняя источниковая база: сборники статей и выступлений К. Готвальда, очередные тома его сочинений [19]. Отдельным изданием вышли статьи и выступления К. Готвальда и В. Широкого об освободительной борьбе [20]. Был опубликован сборник документов по истории КПЧ в 1938–1945 гг. [21]. В 1960 г. вышли в свет воспоминания В. Копецкого "ЧСР и КПЧ" [22], подвергшиеся впоследствии весьма суровой критике за содержащиеся в них фальсификации. В этом же году выступил с тенденциозными воспоминаниями о чехословацкой эмиграции в Лондоне, прежде всего коммунистической, В. Лаштовичка [23]. Таким образом, источниковая база истории восстания в 50-е годы хотя и расширялась, но формирование ее было целенаправленно однобоким, что, естественно, не способствовало адекватному отображению недавнего прошлого в работах того времени, которые концептуально не выходили за рамки созданных схем.

Представляется, что в первые годы после XX съезда КПСС (февраль 1956 г.), создавшего благоприятные условия для раскрепощения умов и отказа от догматического мышления, в чехословацкой исторической науке не наступило какого-либо ощутимого подъема, хотя в других сферах духовной жизни, например в литературе, стремление к переосмыслению достигнутого (власти именовали это тогда ревизионистскими тенденциями) было весьма заметно, что очень беспокоило партийное руководство. "История чехословацкой историографии от 1945 до 1959 г., – отмечалось на III съезде чехословацких историков в сентябре 1959 г., – это история борьбы за марксистскую историографию, история развития и победы марксистской историографии" [24]. Однако было бы неправильно считать, что историография находилась в состоянии полного застоя. Говоря современным языком, "шоковая терапия" XX съезда КПСС (этот термин очень подходит для того, чтобы определить значение его решений для развития исторической науки как в СССР, так и в других странах советского блока) требовала времени для осмысления происшедшего, для высвобождения от сковывавших пут догматизма, для внутренней перестройки историка, прежде всего занимавшегося современностью. В этот период обнаружилось стремление к более глубокому изучению источников и фактов и ослабление внимания к дискредитировавшей себя "марксистской" методологии. Но в резолюции, принятой III съездом чехословацких историков отмечалось, что ревизионистские тенденции не нашли серьезного проявления в исторической науке [24. S. 54]. В работах, опубликованных к пятнадцатилетию СНВ, сохранялась принятая в начале 1950-х годов концепция и содержалась критика негативных сторон восстания, связанная с деятельностью "буржуазных националистов" [2. S. 39].

Можно сказать, что вторая половина 1950-х и начало 1960-х годов были для чехословацкой исторической науки временем внутреннего метания и поисков направления дальнейшего развития, временем "бутона", набиравшего силу для цветения. Если и дальше использовать этот образ, то можно сказать, что время цветения пришлось на 60-е годы, когда общество стало постепенно освобождаться от идеоло-

гического гипноза Компартии. Тогда налицо было и стремление советской исторической науки отойти от существовавших догм и схем, что не могло не оказать благотворного влияния на развитие чехословацкой историографии. "Мы все чувствуем и знаем, – отмечал чешский историк О. Янечек в 1963 г., – что не будь XX и XXI съездов КПСС, мы не смогли бы правильно понять и отобразить годы второй мировой войны" [25]. Чехословацкие историки внимательно следили за развитием исторической науки в СССР [3. С. 81–82]. Благотворно влияло на состояние чехословацкой историографии и расширение контактов с коллегами из других социалистических стран, особенно Польши, Венгрии, где историки стали активной компонентой общественно-политической жизни [26]. Расцвету чехословацкой исторической науки способствовал и ее выход на "европейскую арену", установление связей с западными исследователями движения Сопротивления, особенно во Франции и Италии, но также в Бельгии, Голландии и ФРГ. Начиная с 1961 г. (с конгресса в Милане) и до конца 60-х годов чехословацкие историки принимали участие во всех международных симпозиумах, посвященных проблеме Сопротивления в годы второй мировой войны. Общение с зарубежными коллегами позволило чехословацкой историографии преодолеть национальную ограниченность, увидеть чешское и словацкое Сопротивление в контексте европейского, поставить многие ранее не поднимавшиеся проблемы. Например, в 1963 г., в Карловых Варах состоялась международная научная встреча по вопросу о сущности и формах нацистского оккупационного режима в Европе, материалы которой затем были изданы в Чехословакии [27].

Большое значение в деле прогресса чехословацкой исторической науки имело усиление интереса к ней в стране со стороны широких слоев населения и особенно интереса к недавнему прошлому чешского и словацкого народов. Историография, поощренная общественным вниманием к ней, будучи востребованной, не могла не откликнуться на это. Застрельщиками, инициаторами тут были исследователи среднего поколения, те, которые "делали" историю страны в 1950-е годы по указке сверху и не могли не ощутить всей порочности такого метода. Они накопили уже определенный профессиональный опыт, но, к счастью, были еще достаточно молоды, чтобы не заостенеть в догматических взглядах и схемах, и без особого труда стали сбрасывать со своих плеч давивший на них груз стереотипов и построенных на песке концепций.

Начало нового этапа в изучении истории Чехословакии периода второй мировой войны можно, видимо, датировать 1960 г., когда был создан Комитет по истории антифашистской национально-освободительной борьбы (далее – Комитет. – В.М.). Первым его председателем стал Б. Лаштовичка, а с 1963 г. и до ликвидации Комитета в 1970 г. – профессор Я. Кладива. В Комитете активно работали с чешской стороны К. Бартошек, Ф. Беер, А. Бенчик, Й. Долежал, Ф. Яначек, О. Янечек, Я. Кржен, В. Курал, Я. Навратил, Й. Новотны, Б. Пекарек, В. Пречан, Я. Тесарж и другие, со словацкой стороны – Я. Шолц (председатель словацкого Комитета, созданного в 1964 г.), Б. Граца, С. Фалтян, Г. Гусак (в 1959 г. он был освобожден из тюрьмы и работал научным сотрудником в юридическом кабинете Словацкой Академии наук), Й. Хренё, Й. Яблоницкий, А. Штвртеца, Ш. Пажур, Я. Шуфлярский и др. Научные и организационные результаты деятельности Комитета освещались в специальном ротационном издании "Сопротивление и революция. Сообщения" [28. 1966. № 1. S. 74; № 4. S.141–147]. Комитет работал инициативно и быстро. В 1961 г. был подготовлен проект трехтомной Истории национально-освободительной борьбы чешского и словацкого народов в 1938–1945 гг. [3. С. 83–84]. Проблему предполагалось исследовать в широких горизонтальных и вертикальных взаимосвязях и взаимозависимостях, для чего необходима была действительно научная источниковая база. В середине 60-х годов вышел ряд научно подготовленных весьма объемных сборников документов, имевших чрезвычайно важное значение для изучения истории освободительной борьбы чешского и словацкого народов, сборников, к которым обращаются до сего времени все исследователи проблемы. В 1965 г. издается сборник

документов о Словацком национальном восстании, составленный В. Пречаном и с его обширным научным предисловием, где дана характеристика всех архивных фондов, содержащих материалы о СНВ. В сборник включено 593 документа из 17 архивов Праги, Братиславы, Баньской Быстрицы, Москвы, Киева, дающих представление о политическом развитии Словакии в 1943–1945 гг., о вызревании и ходе восстания, о деятельности и позициях отдельных антифашистских групп и политических течений [29]. Важное значение для изучения политической линии коммунистов в период СНВ имело факсимильное переиздание комплекта номеров газеты "Pravda", выходившей в Баньской Быстрице в сентябре–октябре 1944 г. [30]. Чрезвычайно ценным пособием для историка стал и сборник документов "Путь к Маю", содержащий архивные материалы о возникновении и развитии народной демократии в Чехословакии (декабрь 1943 – май 1945 г.) [31]. В него включены и многие документы, касающиеся истории СНВ. Тщательная археографическая обработка, прекрасные, хотя подчас и не свободные от существовавших схем, комментарии наряду с прочими достоинствами сборника содействуют сохранению его научной значимости до сегодняшнего дня. В это же время были изданы документы по истории КПЧ в 1938–1945 гг. [32]. Источниковая база исследований в этот период была расширена за счет накопления мемуарного материала. Инициатором сбора рукописей участников Сопротивления и СНВ выступил Комитет, которому большую помощь оказал Союз антифашистских борцов [3. С. 87]. В то же время Комитет вел работу по написанию трилогии о национально-освободительной борьбе чешского и словацкого народов. В 1965 г. был опубликован макет задуманной работы "Сопротивление и революция. 1938–1945 гг." [33]. Стремясь оценить движение Сопротивления "без суеверия и иллюзий", ее авторы вместе с тем понимали, что их возможности ограничены "существующим уровнем марксистского мышления и уровнем собственной дисциплинированности", т.е. тем, что мы называем сегодня внутренним цензором. Считая свою работу незавершенной, авторский коллектив (преобладающая часть книги написана Я. Кржемом и В. Куралом) видел ее смысл и значение в том, чтобы создать рабочую гипотезу чехословацкого Сопротивления, указать на недостаточно разработанные или просто неисследованные вопросы, а также на деформации, допущенные в прошлом при освещении проблемы [3. С. 88–89].

В 1960-е годы была в корне пересмотрена история Словацкого национального восстания. Политическая реабилитация его руководителей от КПС – Г. Гусака, Л. Новомеского, К. Шмидке – на апрельском и декабрьском пленумах ЦК КПС в 1963 г. создала благоприятные условия для решительной переоценки всего, что было ранее сделано в освещении этого вопроса. Состоявшийся в июне 1963 г. съезд Словацкого исторического общества прошел на высокой самокритичной ноте и принял решение о борьбе с деформациями в исторической науке. Некоторые участники, например М. Госиоровский, публично осудили свои прежние позиции [2. С. 50]. На конференции в Смоленицах, посвященной 20-летию СНВ, было дано много новых принципиально важных оценок, касавшихся самых различных сторон его подготовки и проведения. О том, какое значение придавалось этому форуму, свидетельствует присутствие на нем А. Дубчека, тогда члена президиума ЦК КПЧ и первого секретаря ЦК КПС. В его выступлении говорилось о задачах марксистской историографии в освещении недавнего прошлого словацкого народа. В работе конференции активно участвовали Гусак и Новомеский [34]. Большинство тех, кто готовил ее и содействовал утверждению нового взгляда на СНВ, были в 1970–1980-е годы лишены возможности официально заниматься наукой и репрессированы (Л. Липтак, М. Тихы, Я. Кржен, М. Виетор, А. Штвртецка, С. Фалтян, Б. Граца, Й. Яблоничкий, А. Бенчик, В. Курал, Я. Навратил, Я. Тесарж, Е. Фриш, О. Янечек, Ф. Яначек, Ф. Беер и др.).

Большое влияние на развитие историографии СНВ оказала книга Г. Гусака "Свидетельство о Словацком национальном восстании" [35], вышедшая в 1964 г. сначала небольшим тиражом и защищенная затем автором как диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Книга, являвшая собой своеобразный сплав

воспоминаний активного участника событий и научного труда (Гусак пользовался рукописью подготовленного В. Пречаном к публикации упомянутого сборника документов о СНВ [29]) предлагала отличную от прежних концепцию восстания, по новому оценивая роль и место в нем V нелегального руководства КПС, буржуазного крыла антиправительственных сил, словацкой армии, партизан, деятельность Словацкого национального совета, отдельных лиц и т.д. В общем, это был настоящий переворот во взглядах на восстание. Большинство рецензентов оценили работу положительно, хотя говорилось и о ее слабых сторонах. Й. Яблоницкий полагает, что "хотя книга содержала много новых сведений и оценок, ее автор все же не сумел выйти из рамок [участника] событий с субъективным взглядом" [2. S. 54]. Полтора года спустя после выхода книги с ее публичной критикой по сути с позиций оценок 50-х годов выступил директор Института истории европейских социалистических стран ЧСАН В. Крал. Фронт чехословацких историков Сопротивления, как пишет Й. Яблоницкий, фактически объединился против автора рецензии, и на заседании идеологического отдела ЦК КПЧ, где состоялось обсуждение книги, никто из пригласенных историков не поддержал Краля [2. S. 65–66].

Книга Гусака была беспорно значительным явлением в историографии восстания и сыграла для исследователей, если иметь в виду концептуальный аспект, роль "путеводной звезды". Особенно это относится к 1970–1980-м годам, когда Гусак оказался на самом верху партийно-государственной иерархической лестницы, заняв в апреле 1969 г. пост генерального секретаря ЦК КПЧ, а затем в 1975 г. став президентом Чехословакии. Сразу после того как Гусак возглавил Компартию, второе издание его книги (Братислава, август 1969 г.) в "пожарном порядке" и поэтому в ущерб качеству перевода было опубликовано в СССР [36].

Первым действительно научным обобщением взглядов на историю СНВ стала книга "Исторический перекресток" [37], авторы которой (Ф. Беер, А. Бенчик, Б. Граца, Я. Кржен, В. Курал, Я. Шолц) стремились устранить прежние деформации и ошибки в освещении восстания, дать всестороннюю картину его подготовки, хода и результатов в широком контексте чешской и словацкой проблематики периода второй мировой войны. Эта работа не утратила своей значимости и по сей день, хотя ее авторы не претендовали "на конечную правду и безошибочность", считая, что "преодоление старого не сводится ни к простому отрицанию прежних представлений, ни к их выворачиванию наизнанку, а состоит в упорном стремлении выяснить правду, которая должна впитать в себя из прошлых представлений все, что сохраняет непреходящую ценность" [37. S. 9–10]. Помимо этих основных работ в 1960-е годы вышло много книг и статей, рассматривавших отдельные вопросы истории освободительной борьбы в Словакии и Словацкого национального восстания, в том числе С. Фалтыяна, Е. Фриша, М. Кропилака, Й. Яблоницкого, Л. Липтака и др. [38]. Одновременно за рубежом активизировались и сторонники негативной оценки восстания как подрывавшего основы законной словацкой власти, режим Й. Тисо. В 1964 г. в США увидела свет книга публициста Ф. Внука "Невероятный заговор. Военные и политические акции против Словацкой республики в 1944 г.". Автор считал "подлым предательством" факт "восстания против собственного государства во имя [создания] искусственного государственного образования" [2. S. 57–58]. С тех пор и до сегодняшнего дня Внук выступает в первых рядах яростных критиков СНВ, считающих его черной страницей в истории словацкого народа. Но в 1960-е годы позиция хулителей восстания не находила поддержки в словацком обществе.

Таким образом, можно сказать, что развитие чехословацкой историографии СНВ в 1960-е годы было плодотворным и обещающим. Историки этого профиля, как чешские, так и словацкие, несомненно внесли свой вклад в подъем национального самосознания и общественной активности народа в это время. Волна общественных симпатий тогда вынесла на поверхность политической жизни Словакии Г. Гусака, который в конце августа 1968 г. возглавил КПС. "Гусак, – считает Й. Яблоницкий, – стал символом процесса возрождения, демократических реформ и борьбы за решение

вопроса о взаимоотношениях чехов со словаками на равноправных началах. Это была своеобразная форма оппозиции режиму, который олицетворял тогдашний президент и генеральный секретарь ЦК КПЧ А. Новотный" [2. S. 54]. Гусак благодаря своему имиджу борца за равноправие чехов и словаков получил поддержку словацкой общественности, в том числе и интеллигенции. "Братиславская весна", если можно так выразиться, в отличие от "пражской весны" была менее бурной и нацеленной преимущественно на решение национального вопроса (1 января 1969 г., как известно, ЧССР превратилась в федеративное государство). Процессы "нормализации" и "консолидации", проходившие после августа 1968 г. в пока еще единой стране, имели свою специфику в обеих ее частях.

В стремительно развивающихся событиях "пражской весны" 1967–1968 гг. были zaangażированы практически все члены Комитета по истории антифашистской национально-освободительной борьбы. Можно сказать, что вся деятельность Комитета, особенно с середины 60-х годов, носила не только научный, но и политический характер и несомненно сыграла роль в подготовке чехословацких событий 1968 г. Комитет осудил вступление войск пяти стран Варшавского договора в страну и высказался за продолжение демократических преобразований [28. 1969. № 1. S. 94–96]. Но первые примерно два года после августа 1968 г. чехословацкая историческая наука еще надеялась "сохранить свое лицо". Перемены не были резкими и однократными. "Нормализаторский удар" имел протяженный характер. В 1969 г. состоялся ряд симпозиумов и конференций, посвященных 25-летию Словацкого национального восстания. Политическая ситуация в стране наложила явный отпечаток на их характер: снизился уровень дискуссий, выступления стали более осторожными. "Никто нас директивно не заставлял молчать, – пишет Й. Яблоницкий, – скорее можно говорить о влиянии автоцензуры" [2. S. 75]. В 1969 г. вторым изданием в Праге и Братиславе вышла упомянутая книга Гусака, что диктовалось более политическими, чем научными соображениями. В том же году увидела свет книга Й. Яблоницкого "От нелегальной деятельности к восстанию" с акцентом на некоммунистическое освободительное движение [39], получившая тогда положительную оценку в печати и премию Социалистической академии (1970). Однако уже в 1973 г. она была изъята из библиотек и запрещена к продаже. В конце 1969 г. публикуется и первая часть основанного на изучении немецких архивов исследования В. Пречана о нацистской политике в Словакии накануне восстания [40]. А вот другая его работа – фундаментальная публикация документов "Словацкое национальное восстание. Немцы и Словакия" – с трудом увидела свет и имела очень ограниченный тираж [41], поскольку ее автор значился в числе политически неблагонадежных.

Начавшийся в Чехословакии процесс "нормализации", укрепивший позиции консервативных сил в Компартии и государстве, положил конец деятельности Комитета по истории антифашистской национально-освободительной борьбы: большинство его членов были уволены с работы и исключены из партии, им было запрещено работать в области общественных наук. Многие из высказанных в 1960-е годы мыслей и идей оказались надолго невостребованными, заклеены как ревизионистские, оппортунистические, буржуазные, антисоциалистические и т.д. Последующие два десятилетия и особенно первое из них являлись достаточно сложными для исторической науки и прежде всего для того отряда историков, которые занимались периодом войны и послевоенным временем. Принудительный уход из науки да и из высших школ значительного числа профессионально состоявшихся историков, а это были в основном люди среднего поколения, создал определенный "кадровый вакуум". Нужно было ждать, пока подрастут воспитанные на "марксистской методологии" (как она тогда понималась) новые исследователи. Возможности тех, кто "остался на плаву", были ограничены рамками официально допущенного способа мышления и имеющих право на существование идей, главной из которых являлось утверждение тезиса о руководящей роли Коммунистической партии и непогрешимости ее руководства. Чтобы ограничить влияние "ревизионистских" идей в обществе и особенно на

молодое поколение, был закрыт доступ к литературе 1960-х годов: многие книги попали в спецхраны, были исключены из каталогов, библиографий, рекомендательных списков литературы, на работы "ревизионистов" запрещалось ссылаться в научных трудах. Отрицательно повлияло на состояние и развитие чехословацкой исторической науки и сведение на нет ее связей с западной историографией, которая снова стала восприниматься как единое недифференцированное целое, идеологически враждебное и противостоящее "марксистскому" направлению.

Волна "чисток" и проверок в Словакии была более умеренной, чем в Чехии. Этим можно, видимо, объяснить, например, то, что в Словакии не встретила особой поддержки деятельность гражданской инициативы, известной как Хартия-77. Она была создана в январе 1977 г. в целях защиты прав человека. Правда, наиболее "строптивые" из словацких историков – Е. Фриш, Л. Липтак, А. Штвртецка, Й. Яблоницкий – потеряли работу. Й. Яблоницкий, уволенный из Института истории САН и исключенный из КПС, продолжал неофициально работать над проблематикой восстания и создал несколько рукописей, конфискованных органами безопасности во время проведения у него в 1976–1978 гг. неоднократных обысков [1. S. 399–401]. Но Яблоницкий не был сломлен, и в 1979 г. независимое чехословацкое издательство "Petlice" опубликовало его рукопись о причинах неудач словацкой армии под командованием Малара, дислоцированной в Восточной Словакии в августе 1944 г. [42]. Генеральная прокуратура Словацкой социалистической республики завела против Яблоницкого уголовное дело, обвинив его в антиобщественной деятельности, в том, что он готовит и распространяет рукописи, наносящие вред интересам республики, поскольку в них якобы обесценивается участие V нелегального руководства КПС в подготовке и проведении СНВ [1. S. 402]. В целом же, полагает Яблоницкий, "потери" словацких историков, занимавшихся проблематикой восстания, были гораздо более умеренными, чем их коллег в Чешской социалистической республике [2. S. 89].

Конкретные направления развития исторической науки в 1970-е годы определялись документом "Развитие, современное состояние и задачи общественных наук в ЧССР", подготовленным президиумом ЦК КПЧ в мае 1974 г. Задачей исторической науки полагалась помощь процессу консолидации в области идеологии: именно так ставился вопрос на состоявшихся в 1975 г. съездах Чешского и Словацкого исторических обществ. "В сегодняшнем классово разделенном мире на передний план выступает идеологическая функция науки", – говорилось в резолюции XII съезда словацких историков в 1976 г. [14. 1976. № 1/2. S. 312]. В соответствии с этим центром внимания исследователей опять становилась революционная борьба народных масс, рабочего класса и Коммунистической партии, приведшей народ к "победе социализма".

В официальной историографии послевагустовского периода, как представляется, существовало двухуровневое отношение к научной литературе 1960-х годов. Первый уровень, представленный в основном партаппаратчиками и тесно связанными с ними историками, был отмечен яростным неприятием и негативной ее оценкой как "ревизионистской". Например, орган ЦК КПС газета "Pravda" в статье "Борьба за научный взгляд на Словацкое национальное восстание" в сентябре 1979 г. писала: "Рост кризисных тенденций в нашей партии и обществе в конце 60-х годов в значительной мере коснулся и общественных наук, включая историографию, и негативно сказался на изучении и интерпретации СНВ. Часть словацких и чешских историков перешла в своей работе и политической деятельности даже на классово враждебные позиции" (цит. по: [2. S. 77]). С резкой критикой взглядов "шестидесятников" на проблематику национально-освободительной борьбы в период войны выступил В. Крал. Обнародовав (точнее, подтвердив) свою позицию в 1974 г., он дал ее развернутое обоснование в 1980 г. [43]. Вся чешская историография этой проблемы была заклеена как ревизионистская, буржуазно-объективистская, порвавшая с марксизмом-ленинизмом, выступающая под флагом "пресловутого демократического социализма". Оценки давались только негативные, все сделанное изображалось одной черной краской. При этом, как представляется, оценивались по существу не действительные

взгляды и позиции критикуемых, а достаточно упрощенное, схематичное и, следовательно, неадекватное реальности изображение автором этих позиций. Действительно научной критики, анализа вышедших в 60-е годы трудов не было. Этот разбор заманчиво манипулируем фактами и цитатами, чтобы сконструировать миф об "историографической контрреволюции". Развитие историографии СНВ хотя в целом и оценивалось положительно (Гусак ведь был главным "нормализатором"), но критике подвергалась вышеупомянутая новаторская для своего времени книга "Исторический перекресток" за якобы имевший там место антисоветизм. В то же время словацкие историки (И. Каменец, М. Кропилак), анализируя состояние изучения проблемы, с похвалой отзывались (что было достаточно смелой тогда позицией) об этой работе [14. 1976. № 1/2; 1980. № 1].

Второй уровень официальной историографии – это работы, для которых характерно понимание правильности взятого в 1960-е годы курса (это подсказывал здравый смысл) при сдержанно-критическом отношении к отдельным оценкам той поры, стремление не растерять идейный багаж предшествующего периода, использовать накопленный опыт в дальнейшей разработке истории СНВ. Думается, что сторонников такого подхода было немало как среди тех, кто продолжал работу по этой тематике, так и среди представителей молодого пополнения историков, заявивших о себе в конце 1970-х – 1980-е годы.

Изучение истории Словацкого национального восстания в годы "нормализации" и "консолидации" шло в направлении, тон которому, как уже говорилось, был задан книгой Г. Гусака. Разница состояла в том, что, если в 60-е годы это была одна из возможных версий истории СНВ (Гусак не претендовал в 1964 г. на окончательность своих суждений и завершенность исследования, о чем и говорил в предисловии к книге), то с начала 70-х годов и особенно после того, как в 1975 г. Гусак совместил в своем лице посты генерального секретаря КПЧ и президента ЧССР, сделанные им оценки стали восприниматься как не подлежащие сомнению. Эта своеобразная "зашоренность" исследователей не могла не сказаться на развитии научной мысли и не дала возможность выйти за рамки утвердившихся представлений. Все общие работы по истории СНВ, опубликованные к его тридцатой, тридцать пятой, сороковой годовщинам, были схожи по концепции. Их вершиной явилась пятитомная "История Словацкого национального восстания. 1944" [44], вышедшая в 1984 г. Первые два тома работы посвящены подготовке, ходу и значению восстания, третий том – документы, в значительной части уже известные, четвертый том – воспоминания участников и хроники, пятый – энциклопедия Сопротивления и СНВ.

В 1970–1980-е годы вышло довольно большое количество работ по истории СНВ, несмотря на удар, нанесенный историографии в начале 1970-х годов. Только в избранной библиографии чехословацкой историографии за 1970–1985 гг. их насчитывается около 150 [45]. Их авторами были Ч. Аморт, М. Барновский, С. Цамбел, В. Чада, В. Фиц, Л. Голотик, Й. Грозиенчик, И. Каменец, В. Крал, М. Кропилак, Я. Пиволуска, Я. Пивоварчи, В. Плевза, Я. Шимовчек, З. Шмолдас, В. Штефанский и др. Общее состояние научной разработки проблемы можно было бы определить словом "мозаичность": появилось много конкретных разработок и статей по отдельным аспектам темы, работ регионального плана. Большое внимание снова отводилось освещению роли Коммунистической партии в подготовке и проведении восстания, которое рассматривалось как начало национально-демократической революции в стране, показу места армии и партизан в СНВ, его влиянию на события в протекторате [46]. Была переиздана коммунистическая пресса периода восстания [47]. Положительной стороной ряда новых исследований являлось привлечение их авторами широкого круга опубликованных источников и введение в научный оборот неизвестных ранее архивных материалов. Ограниченное же значение вышедших в те годы работ обусловлено тем, что вопрос о деятельности коммунистов в годы войны рассматривался изолированно, вне связи с другими политическими направлениями, представленными в СНВ. Руководящая роль Компартии не выводилась из анализа

всей совокупности конкретно-исторического материала, а постулировалась, носила аксиоматический характер, хотя это делалось не так прямолинейно, как, скажем, в 1950-е годы.

Несмотря на множество статей и книг о СНВ, недостаточность разработанности его истории была признана в выступлении М. Кропилака на научной конференции по случаю 45-летия восстания. Он отметил, что хотя хорошо известны основные события СНВ, но остаются все еще "открытыми" многие вопросы, касающиеся оценки роли отдельных лиц, политических, военных, международных аспектов восстания, а также партизанского движения. Было отмечено и отставание в публикации документов о СНВ [11. 1990. № 2].

Таким образом, историография СНВ 1970–1980-х годов в количественном отношении была достаточно продуктивной и в разработке отдельных конкретных вопросов (особенно на региональном материале) сделала определенный шаг вперед. Но не было в ней яркости, одухотворенности, подъема, характерных для исторической науки предшествовавшего периода, немало родившихся тогда идей было "положено под сукно". На многих работах лежала печать официальной ограниченности, идеологической скованности и "табуированности". Но все же идеи и мысли, родившиеся в 1960-е годы и казавшиеся похороненными, продолжали существовать, поджидая своего времени. Первые признаки обновления, как представляется, появились в начале 1980-х годов. Но тенденции эти крепились медленно, задавленные грузом господствовавшей идеологии, и не набрали надлежащей силы к моменту "нежной революции" ноября 1989 г. В ее подготовке в отличие от "пражской весны" 1968 г., официальная историческая наука не принимала участия. Существовала, правда, другая, неофициальная, подпольная, независимая историческая наука, которая жила своей трудной жизнью и была известна преимущественно специалистам [1. S. 355–394; 2. S. 1–110; 3. С. 101–102]. О СНВ, как уже говорилось, писал прежде всего Яблоницкий, который "самиздатом", т.е. в виде машинописных рукописей, выпустил три исследования: "Братислава и возникновение Словацкого национального восстания", "О возникновении Словацкого национального совета и Военного центра" и "Крах надежд на армию Малара в Карпатах" [2. S. 131]. Несколько статей по проблематике восстания опубликовал, находясь в эмиграции, В. Пречан [1. S. 73–99].

"Нежная" или "бархатная" революция осени 1989 г. положила начало новому этапу в развитии чешской и словацкой исторической науки, в том числе историографии СНВ. Признаки этого сразу обозначились как в публицистике, так и в активизации деятельности той группы историков, которые незадолго до восстания пострадали после 1968 г. и теперь восстанавливались в своих правах как исследователи. Заключительные главы упомянутой книги Яблоницкого [2] были посвящены анализу тенденций в историографии СНВ, наметившихся в первые годы после краха коммунистического режима. Автор справедливо полагает, что несмотря на гигантский объем литературы о восстании пока еще не создан синтетический труд о нем. Дополнительного изучения требуют вопросы, касающиеся участия в нем армии, демократических организаций и группировок, оппозиционных режиму Тисо, отношения СССР к восстанию. Яблоницкий считает, что новый взлет историографии о СНВ будет связан с критикой книги Гусака [35; 36], но критикой обоснованной, высоко профессиональной, без каких-либо побочных намерений, противоречащих этике историка" [2. S. 117]. Яблоницкий обозначил и ряд других конкретных вопросов, нуждающихся в переосмыслении: объединение коммунистов и социал-демократов в единую партию во время восстания, создание Национального фронта, характер и эволюция оккупационного режима и др.

После падения власти коммунистов, с которым, по словам Яблоницкого, рухнул и тезис о руководящей роли КПС (КПЧ) в восстании, была опубликована его книга "Восстание без легенд" [48], до этого вышедшая в "самиздате" и содержавшая новые оценки по ряду перечисленных выше вопросов. Уже в конце 1990 г. Исторический институт САН организовал международный симпозиум по теме "Словакия в годы второй мировой войны", материалы которого увидели свет в 1991 г. [49]. Речь шла и о

СНВ, хотя эта проблематика и не находилась в центре внимания. Появились работы об участниках восстания (партизанских командирах, офицерах), чьи имена в прошлом были преданы забвению или опорочены [2. S. 142]. Но одновременно в стране и за рубежом активизировались сторонники и почитатели режима Тисо, среди которых своими нападениями на СНВ особенно выделялся Ф. Внук. В его изображении повстанцы были лишь мятежниками, поднявшими руку на законное правительство и выступившими против собственного народа. На прилавках книжных магазинов появились биографии Тисо и его сподвижника Маха [2. S. 144]. Стали раздаваться голоса о необходимости реабилитации видных представителей Тисовского режима в Словакии или же критического переосмысления их деятельности. В мае 1992 г. состоялся научный симпозиум по этим проблемам, материалы которого вышли в том же году под названием "Попытка воссоздания политического и человеческого портрета Йозефа Тисо" [50]. Слово было предоставлено как тем, кто пытался реабилитировать президента Словацкой республики и созданный им режим, так и тем, кто, выступая за отказ от идеологических клише, настаивал на необходимости всестороннего конкретно-исторического анализа рассматриваемой проблемы. В выступлениях участников было высказано немало интересных мыслей, позволивших скорректировать укоренившиеся представления о характере Словацкого государства периода второй мировой войны. Следствием активизации сторонников негативной оценки восстания явилось то, что в 1991 г. было отклонено предложение об объявлении 29 августа, дня начала восстания, государственным праздником. Однако Национальный совет Словацкой республики этот праздник в 1992 г. утвердил. Противники такого решения не сдались и в конце августа 1993 г. организовали в Братиславе "антиповстанческий" семинар под названием "Dies ater" ("День зла"), который имел не научный, а исключительно политический характер. В 1993 г. вторым, мало измененным по сравнению с 1964 г. изданием уже в Словакии вышла книга Внука "Невероятный заговор". Представители высших государственных органов рожденной 1 января 1993 г. Словацкой республики высказались в поддержку позитивной оценки СНВ [2. S. 144–148].

Политическая борьба вокруг оценки значения восстания для судеб словацкого народа особенно в преддверии его 50-летия не утихала. Полувековой юбилей СНВ был отмечен международной конференцией, где сторонники его негативной оценки не были представлены [51]. Восстание рассматривалось в контексте широких связей и взаимозависимостей. Речь шла (на примере отдельных стран) и о движении Сопротивления в годы второй мировой войны, и о том, как она сохранилась в памяти народов. Что касается самого восстания, то были затронуты и во многом по новому поставлены такие вопросы, как историография СНВ (Й. Яблоницкий), война и восстание (Л. Липтак), концепции и цели словацкого антифашистского Сопротивления (И. Каменец), планы и реалии вооруженного восстания (В. Штефанский), национальный и государственно-правовые вопросы в словацком Сопротивлении и СНВ (Й. Бена), политические последствия восстания (М. Добрикова), западные союзники и СНВ (М. Личко) и др. Интересной явилась и дискуссия на конференции.

После каждого очередного юбилея, как прежде, так и теперь, в историографии СНВ наступало некоторое затишье. Историки как бы отдыхали, набираясь сил для новых схваток. Но это затишье на самом деле лишь кажущееся: идет внешне незаметная работа по накапливанию нового материала, обновлению знания. Определенным вкладом в историю СНВ в последние годы явилась и публикация документов из Архива Президента Российской Федерации (со вступительной статьей В.В. Марьиной) "СССР и Словацкое национальное восстание" [52]. Однако страсти вокруг оценки режима Тисо и направленного против него восстания по-прежнему не утихают. Особенно активна людацкая эмиграция (сторонники правившей в Словакии в годы войны людацкой, т.е. нарбодной, партии), которая пользуется поддержкой части националистически настроенных историков в Словакии. В июне 1995 г. в Братиславе состоялась научная конференция "Словацкая политическая эмиграция в борьбе за самостоя-

тельную Словакию", материалы которой вышли отдельной книгой [53]. Эта же проблема обсуждалась и на семинаре в Словацкой Магице в июне 1996 г. [54], где в центре внимания также находилась людацкая эмиграция. В 1996 г. к 50-летию процесса над Тисо и его казни (18 IV 1947) вышла в свет книга "Утаенная правда о Словакии", содержащая призыв к ревизии процесса над президентом первой Словацкой республики [55]. В этом же духе продолжает выступать за рубежом Внук. Живущий в Италии М. Дюрица в 1995 г. опубликовал книгу "История Словакии и словаков", вызвавшую живую дискуссию. Оппонентами автора выступили словацкие историки Й. Яблоничкий, И. Каменец, Д. Ковач, Л. Липтак. Дюрица ответил им изданной в Словакии книгой "Приблизиться к правде". Наиболее яростным оппонентом "домашних" и зарубежных критиков СНВ является Й. Яблоничкий [56]. Аналогичной в целом позиции придерживаются публицисты словацкого происхождения М. Бурош, К. Гронски, М. Крно, М. Личко, Б. Звршконец, а также покойный В. Глошко, два из которых – участники СНВ, трое живут в Германии, один в Канаде, один в Словакии. В небольшой книжке они представили свое видение политики Словацкого государства в 1939–1945 гг. [57]. "В Словакии в последнее время, – пишут авторы, – множатся различные статьи, высказываются соображения, [проводятся] обсуждения, [авторы и участники] которых далеки от объективности в оценках Словацкой республики 1939–1945 гг. и Словацкого национального восстания и, отказываясь от коммунистических версий, переходят к другой крайности" [57. S. 5]. Авторы опровергают следующие утверждения критикуемой ими литературы: 1. Словацкое государство, которое возникло по воле словаков, было демократическим государством и раем на земле; 2. Это Словацкое государство существовало бы вечно, если бы не чехо-большевистские повстанцы, выступившие против собственного государства и уничтожившие его, что не имеет аналогий в человеческой истории; 3. Й. Тисо был в большей или меньшей степени мучеником и защитил словацкий народ от геноцида.

Таким образом, в историографии СНВ в последнее десятилетие явно обозначились две конфронтационные позиции, которые развиваются в двух как бы параллельных трендах. Могут ли сблизиться эти точки зрения в будущем, покажет время. На сегодня ответ скорее отрицательный. Хорошо, что полемика ведется открыто. А в споре, как известно, рождается (если не топится окончательно) истина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Prečan V.* V kradeném čase. Výběr ze studií, článků a úvah z let 1973–1993. Brno, 1994.
2. *Jablonický J.* Glosy o historiografii SNP. Zneužívání a falšování dejin SNP. Bratislava, 1994.
3. *Марьина В.В.* Чехословакия: движение Сопротивления в историографии // Антифашистское движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. (Вопросы национальной историографии). М., 1991.
4. *Beneš E.* Paměti. Od Mnichova k nové válce a k novému vítězství. Praha, 1947; *Fierlinger Z.* Ve službách CSR. Praha, 1947–1948. Díl 1, 2.; *Fierlinger Z.* Od Mnichova po Košice. Praha, 1946.
5. *Lettrich J.* O Slovenskej Národnej Rade. Bratislava, 1945; *Nosko J.* Vojáci v Slovenskom národnom povstaní. Bratislava, 1945; *Kopecký V.* Gottwald v Moskvě. Praha, 1946.
6. Slovenské národné povstanie a národno-oslobodzovací boj slovenského ľudu. 1938–1945. Vyběrová bibliografie. Praha, 1967.
7. *Beneš E.* Šest let exilu a druhé světové války. Reči, projevy a dokumenty z r. 1938–1945. Praha, 1946; *Clementis V.* Odkazy z Londýna. Bratislava, 1947; *Husák G.* Zápas o zajtrašok. Bratislava, 1948.
8. Bojující Československo. 1938–1945. Košice, 1945; Před sudom národa. Bratislava, 1947; *Rašla A.* Tiso a povstanie. Dokumenty, Bratislava, 1947; Druhý československý odboj v SSSR. Bratislava, 1948.
9. *Mišik V.* Slovenské národné povstání. Praha, 1945; *Šujan J.* Slovenské národné povstanie. Banská Bystrica, 1945; Nad Tatrou sa blýska. Praha; Bratislava, 1946.

10. Лондон А. Признание // Иностранная литература. 1989. № 4. С. 180.
11. Historický časopis (Bratislava).
12. Sborník Ústavu Slovenského národného povstania. Banská Bystrica, 1949. № 1–4; 1950. № 1–4.
13. Pravda, 8.IV.1951.
14. Historický časopis.
15. Slovenské národné povstanie. Bratislava, 1954.
16. Gosiorovský M. Slovenské národné povstanie. Bratislava, 1954; Doležal J. Slovenské národné povstání. Praha, 1954; 15 výročie Slovenského národného povstania. Materiály z vedeckej konferencie. Bratislava, 1959.
17. Doležal J., Hrozičik J. Mezinárodná solidarita v SNP. Bratislava, 1959; Falt'an S. Partizánska vojna na Slovensku. Bratislava, 1959; Hučková-Štvrtecká A. Činnosť prvého ilegálneho ÚV KSS. Bratislava, 1959; Krajňák O. Komunisti bratislavskej oblasti v boji proti fašizmu v rokoch 1938–1942. Bratislava, 1959.
18. Kropilák M. Slovenské národné povstanie v našej historiografii a ďalšie perspektívy spracovania // Historický časopis. 1980. № 1. S. 617.
19. Gottwald K. Za večné bratstvo čechov a slovákov. Bratislava, 1949; Gottwald K. Deset rokov. Zborník statí a prejavov z rokov 1936–1946. Bratislava, 1950; Gottwald K. So Sovietskym Zväzom na večné časy. Bratislava, 1951; Gottwald K. Spisy. Bratislava, 1954–1955. Sv. 9–11.
20. Klement Gottwald a Viliam Široký o našom odboji. Bratislava, 1954.
21. Za slobodu českého a slovenského národa. Bratislava, 1956.
22. Kopecký V. ČSR a KSČ. Praha, 1960.
23. Laštovička B. V Londýne za války. Zápisy o novou ČSR. 1939–1945. Praha, 1960.
24. Československý časopis historický (Praha). 1960. № 1. S. 6.
25. Historie a vojenství (Praha). 1963. № 3. S. 454.
26. Příspěvky k dějinám KSČ (Praha). 1966. № 3. S. 329.
27. Nacistická okupace Evropy. Praha, 1966. D. 1–4.
28. Odboj a revoluce. Zprávy.
29. Slovenské národné povstanie. Dokumenty. Bratislava, 1964.
30. "Pravda" v období SNP. Sept. 1944 – okt. 1944. Bratislava, 1964.
31. Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu. Praha, 1965. Sv. 1–2.
32. Sborník dokumentů k dějinám KSČ v letech 1938–1945. Praha, 1965.
33. Odboj a revoluce. Nástin dějin československého odboje. Praha, 1965.
34. Slovenské národné povstanie roku 1944. Bratislava, 1965.
35. Husák G. Svedectvo o Slovenskom národnom povstaní. Bratislava, 1964.
36. Гусак Г. Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969.
37. Dejinná križovatka. Bratislava, 1964.
38. Falt'an S. O Slovenskom národnom povstaní. Bratislava, 1964; Friš E. Povstanie zd'aleka a zblízka. Bratislava, 1964; Kropilák M., Jablonický J. Malý slovník Slovenského národného povstania. Bratislava, 1964; Jablonický J. Slovensko na prelome. Bratislava, 1965; Lipták L. Slovensko v XX storočí. Bratislava, 1968.
39. Jablonický J. Z ilegality do povstania. Kapitoly z občanského odboja. Bratislava, 1969.
40. Prečan V. Nacistická politika a Tisův režim v predvečer Povstani // Historie a vojenství. 1969. № 6. S. 1082–1146.
41. Prečan V. Slovenské národné povstanie – Nemci a Slovensko. Dokumenty. Bratislava, 1971.
42. Jablonický J. Zlyhanie Malárovej armady v Karpatoch. Praha, 1979.
43. Král V. Myšlenkový svět historie. Praha, 1974; Slovanský přehled. 1980. № 3.
44. Dejiny Slovenského národného povstania. 1944. Bratislava, 1985. Díl 1–5.
45. Historiografie v Československu. 1970–1980. Výběrová bibliografie. Praha. 1980. S. 218–233; Historiografie v Československu. 1980–1985. Výběrová bibliografie. Praha, 1985. S. 145–148.
46. Kropilák M. Slovenské národné povstanie. Bratislava, 1974; Slovenské národné povstání a Česká země. Praha, 1974; Barnovský M. Sociálně třídy a revolučně přeměny na Slovensku v letech 1944–1948. Bratislava, 1978; Za národní osvobození, za novou republiku. 1938–1945. Praha, 1982; Kropilák M. Povstanie a revolúcia. Bratislava, 1984; Plevza V. Slovenské národné povstanie – začiatok národnej a demokratickej revolúcie v Československu. Bratislava, 1984; Štefanský V. Armáda v

- Slovenskom národnom povstání. Bratislava, 1984; *Gebhart J., Šimovček J.* Partýzani v Československu. 1941–1945. Praha–Bratislava, 1984.
47. "Pravda. 1944". Martin, 1974; "Nové slovo". Martin, 1974.
48. *Jablonický J.* Povstanie bez legiend. Bratislava, 1990.
49. Slovensko v rokoch druhej svetovej vojny. Bratislava, 1991.
50. Pokus o politický a osobný profil Jozefa Tisu. Bratislava, 1992.
51. SNP v pamäti národa. Materiály z vedeckej konferencie k 50 výročiu SNP. Donovaly, 26–28 apríla 1994. Bratislava, 1994.
52. Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 100–130; № 6. С. 112–123.
53. Slovenský politický exil v zápase za samostatne Slovensko. Bratislava, 1996.
54. Slovenský povojnový exil. Martin, 1998.
55. Zamlčena pravda o Slovensku. Bratislava, 1996.
56. *Jablonický J.* Spomienky a životopisy ľudackých predstaviteľov po roku 1989 // Historický časopis, 1995, № 2, *Jablonický J.* O rozdvojenej historiografii // Dilema. 1998. IX.
57. Kam viedla Slovensko politika Slovenského štátu v rokoch 1939–1945? Naše stanovisko. Bratislava, 1997.

КРУГЛЫЙ СТОЛ "ДРАМА: СЛОВО И ДЕЙСТВИЕ"

Функционирование жанров в историко-культурном контексте – одна из важнейших культурологических проблем. Проанализировать ее на примере славянской драматургии были призваны участники конференции "Драма: слово и действие" (ноябрь 1998 г.), материалы которой в кратком изложении публикуются ниже. В центр обсуждения были вынесены и вопросы, касающиеся взаимодействия литературы и театра (как профессионального, так и народного), драмы как искусства слова, природы драматического действия, положения драматических произведений славянских авторов в жанровой структуре культуры на различных этапах ее развития. Анализ драмы в этих аспектах позволил рассмотреть ее в системе художественной культуры, изучить контакты искусств в пределах театра, его органического единства с литературой, а также представить проблемы драматургии в плане соотношения культуры и общества.

ДРАМА. МЕЖДУ ЛИТЕРАТУРОЙ И ТЕАТРОМ

Литература и театр – два самостоятельных, художественно суверенных рода. Связующее, объединяющее звено между ними – драма: ее обитание, благополучие в пространстве литературы или на сценической площадке зависит от ряда факторов, прежде всего, от соответствия типа, характера конкретного драматического произведения одному из этих родов. Нет драмы "как таковой", обладающей набором определенных, обязательных норм, свойств, элементов: ее функции, ее форма меняются в зависимости от места, времени, обстоятельств, в которых она рождается. Пользуясь терминологией геометрической, можно сказать, что на оси, соединяющей литературу и театр, пункт "драма" никогда не находится ровно посередине, он ближе то к одному, то к другому концу этой оси, то почти сливаясь с театром (когда на первый план выходит действие – театр такого типа движется от словесного искусства к пантомиме), то с литературой (тогда на свет появляется "драма-сочинение", как называл книжную драму Мицкевич).

Граница между драмой и другими литературными жанрами достаточно подвижна. Литература часто использует театральный код. Драматическая композиция, временная организация произведения, введение диалога, динамичность, сценичность прозы и поэзии – это путь литературы к театру. Об этом писал Бахтин относительно барочного романа и театра (их сближения). Говоря о театральном транспозициях в литературе, следует учитывать не только эстетические предпочтения эпохи, но и индивидуальные склонности автора. Широко известна значимость театральности в поэтическом мире М. Цветаевой, Б. Пастернака.

Особый характер взаимоотношений театра и литературы можно увидеть в нередком обращении театральных режиссеров к литературным текстам. Ведь драма, ориентируясь на возможное сценическое воплощение, в определенной степени ограничивает, сужает возможности инсценировки, диктует ей свои условия, в то время

как другие литературные жанры своей театральной неоформленностью, незавершенностью побуждают режиссера-постановщика к активным поискам специфически выразительных средств.

Один пример из чешской культуры межвоенного двадцатилетия: Э.Ф. Буриан видел в поэзии К.Г. Махи (1810–1836) "гениальный сценарий новой сценической фантазии" (статья "Маха открывает нам сцену", 1939). При этом истоки современного драматургического мышления Буриан видел в лирике и эпических произведениях Махи, а не в его драмах, рассматриваемых им лишь как отражение взглядов эпохи национального возрождения на драму и театр. Проза и поэзия К.Г. Махи, обладающая "шекспировской мощью и широтой", богатая сценическими метафорами, по мнению Буриана, разбивает традиционную театральную форму гораздо смелее, чем произведения современных ему драматургов, а это, собственно, было одной из задач режиссера чешского театрального авангарда.

Говоря о драме в контексте литературы, интересно вспомнить, что в отдельные историко-культурные эпохи драма занимала главенствующее положение среди других художественных жанров. В одних случаях она воспринималась современниками как выразитель и вершина национального искусства, мерило поэтического духа, как это было, например, в эпоху романтизма. Ценность драмы как доминирующего жанра здесь определялась, в первую очередь, ее художественными достоинствами. Но драма может занимать особое положение в системе литературных жанров и в том случае, когда общекультурный процесс возглавляет театр, как его важнейшая составляющая. Так было в русской и польской культурах а эпоху Просвещения, в чешской культуре первой половины XIX в. В этом случае предпочтение, отдаваемое драме, обуславливалось не ее художественным совершенством, а общеизвестным резонансом театра, местом, которое он занимал в культурной жизни страны, теми функциями, которые он брал на себя в это время. Эпохи господства театра, драмы чередовались с иными, когда на авансцену выступали другие жанры, а драма отходила на второй план, и ее удельный вес в культуре снижался.

Что касается драмы в театре, то говорить вообще о ее положении по отношению к другим составляющим театрального синтеза вряд ли правомерно, поскольку сам театр – структура динамичная, и на отдельных этапах его развития на первый план выходит то литературно-драматическая основа спектакля, то музыка, то живопись. Многое, разумеется, зависит и от типа театра: в театре актерском слово уступает место визуальному началу, там доминирует актер, в театре режиссерском доминирует слово, спектакль там – сценическая реализация текста. В соответствии с этим режиссер ведет себя и по отношению к зрителям, ставя их в положение читателя *его* версии текста. Нередко режиссер отстраняет автора, делая на основе авторского текста свое произведение, которое и попадает на сцену, демонстрируя именно *его* взгляды, толкование, отличное от иных толкований того же текста.

Вновь вспомним Э.Ф. Буриана, полагавшего, что для режиссера, одаренного творческой фантазией, талантом, драма, собственно, не нужна, она лишняя ("... драма вне сцены – полуфабрикат, неспособный на самостоятельную художественную жизнь"). А потому задача режиссера – "освобождение театра из-под власти драмы" (статья "Динамический театр", 1930).

Итак, два контекста включают, вбирают в себя драму, и при анализе каждого конкретного драматического произведения следует, очевидно, руководствоваться его характером, исторически меняющейся позицией на оси "литература – театр". Говоря о спектакле, надо помнить о самостоятельной художественной ценности драмы, при осмыслении литературной стороны драматургии – о характере ее сценического воплощения.

Существует множество драм, отвечающих всем литературным канонам, написанных прекрасным языком, содержащих глубокие мысли, но для театра неинтересных. Создано также немало пьес (в первую очередь, комедий), которые вряд ли можно высоко оценить с литературной точки зрения, но они постоянно возвращаются на

сцену, так как дают возможность создать интересный, зрелищный спектакль, продемонстрировать актерское мастерство. Яркий пример оптимального варианта, когда драма удовлетворяет как литературным, так и театральным критериям, и живет полноценной книжной и сценической жизнью – Шекспир. Его постоянно и играют, и издают. Р. Вайман на английском материале показал, как на протяжении столетий менялось отношение к Шекспиру-поэту и Шекспиру-драматургу. До эры романтизма его воспринимали в основном как драматурга, романтики же увидели в его творчестве прежде всего поэзию, для них его пьесы были книжной драмой, многое терявшей при постановке.

И драмы-сочинения, и драмы-исполнения, подчеркивая противостояние слова и действия, эпического и драматического начал, входят в общий культурный текст культуры каждого народа.

© 1999 г. Л.Н. ТИТОВА, д-р филол. наук

ДРАМАТУРГИЯ ОБРЯДОВОГО ДЕЙСТВИЯ

Тема "театр и ритуал" разрабатывается давно. Существуют две теоретические концепции обряда, соотносимые с различными определениями театра. Первая связана с представлениями о генетическом родстве театра и ритуала и вытекает, по существу, из эволюционной теории искусства. Другая концепция ставит знак равенства между обрядом и театром: тот и другой считаются лишь разными историческими фазами в жизни театра. Критики этого взгляда принимают во внимание только один аспект: обряд наделен преимущественно религиозно-магической, а не зрелищной функцией. Однако признать подобные возражения достаточно убедительными во всех случаях, видимо, нельзя, ибо иногда обряд дает требуемый минимум театральных атрибутов и может быть рассмотрен как своего рода театральная система. К тому же не всегда можно четко определить, где магия, а где зрелищность.

Большинство историков культуры театально-драматическую форму, которая начинается в обряде, признает сравнительно поздним видом искусства. Идея обрядового происхождения драмы сформулирована еще Аристотелем в его "Поэтике" [1]. Ее разрабатывали и представляли мифологической школы (например, о происхождении германской драмы из рождественских и других обрядовых и детских игр писал Я. Гримм), и исследователи собственно европейских театральных традиций. Однако эта идея оформилась окончательно лишь в "Исторической поэтике" Александра Веселовского. В театроведении возобладала традиция историко-генетического подхода к изучению театра именно как "процесса развития от элементарных форм к сложным". Исследователи русского народного театра (В.Е. Гусев, Н.И. Савушкина, В.Н. Всеволодский-Гернгросс), именно обряды, главным образом святочные, масленичные, свадебные, рассматривали как своеобразный пролог театра и его первую ступень – нижний предел, до которого наше знание истории театра может быть доведено. Ряженье, обрядовые действия и драматических игры русского народа В.Е. Гусев признает "эмбриональными формами, эволюция и взаимодействие которых и привело в итоге к созданию театра в собственном смысле слова" [2]. Обряд признается наиболее ранней стадией в развитии театра вообще. Единичные элементы театра постепенно накапливаясь, собираясь, со временем вытесняют сакральную сущность обряда и способствуют его перерождению в театр. Странники другого метода говорят, что структурно-типологический подход позволяет установить универсалии, определить типы их реализации в парадигматических рядах изменяющихся форм. "Кто, где и как движется, действует и говорит – эти основные вопросы драматургии одинаково важны и для ритуала праздника, и для сценария зрелища" [3]. Как

справедливо замечает Л.М. Ивлева, "многочисленные попытки определить характер отношений между различными пластами фольклора и собственно театральным искусством (главным образом драматическим) привели в итоге к двум полюсам: на одном утвердилось мнение о почти сплошной театральности фольклора, на другом обозначился нигилистический взгляд даже на собственно фольклорный театр" [4].

Некоторые ученые выступают против перенесения театроведческих терминов в исследования народной обрядовой культуры, ибо сакральное пространство, на котором происходит обрядовое действие, – не сценическое пространство, а зрители – участники обряда, даже если они не участвуют в нем. Многие ритуалы устраивались тайно, были закрытыми для посторонних, а случайные свидетели могли поплатиться жизнью за то, что оказались свидетелями ритуала [5. С. 134]. Считалось, что обряд может не дать результата, если ему кто-нибудь помешает. Совершаемые магические акты исполнены серьезнейшим жизненным смыслом, их отличает глубинное содержание и совершаются они во имя высших целей, для защиты, например, общины, своего коллектива от действий злой силы.

Есть и еще один существенный момент во всяком обряде – это группа своеобразных наблюдателей – мифологические адресаты, к которым и обращены ритуальные действия. Им поклонялись, приносили дары, от них защищались. Они незримы, иногда представлены ряжеными: это мифические персонажи в образе животных, людей с особыми приметами и свойствами. Умилостивленные, они удалялись в тот мир, в котором существовали, а участники обряда надеялись, что вновь заручились их поддержкой и защитой. Театром обряд еще не является, хотя ростки театральных элементов в нем уже прослеживаются несомненно. Если признать, что древняя обрядовая культура послужила источником театра и различных массовых зрелищ [5. С. 135], то надо оговориться, что обряды, сохранившие свою исконную сущность, зрелищами не стали: это относится к обрядам переходным (rites of passage), производственным – земледельческим, скотоводческим, охотничьим, воинским и т.д.

Существенное отличие народной обрядовой традиции, в которой можно найти немало театральных элементов, от театра как такового, как явления книжной культуры в том, что в народном обрядовом действе все целенаправленно, нацелено на получение искомого результата – будь то поминальный обряд, в котором его участники общаются с предками и, принося им дары, просят взамен защиты и покровительства. Перевоплощение и действие – обязательные признаки игры в театроведческом смысле, способ изображения персонажа. В обряде все несколько иначе. Театр прошел несколько стадий, выполняя разные функции, но всегда преобладала одна – эстетическая. В театре реальная действительность остается за рампой, театр самодостаточен, он играет для увеселения публики. При сопоставлении обрядового фольклора и театра важен и продуктивен поиск типологических параллелей, а не установление генетических связей.

Эволюция обряда, его движение в сторону театра, уменьшающаяся связь обряда с магией и все более возрастающая эстетическая функция обряда приводит к качественному изменению ритуала, а, следовательно, и его формальному перерождению в нечто иное – в игру, зрелище, драму, при этом в плане содержания он, возможно, и остается идентичным праобряду. Так ритуальный фольклор превращается в публичное зрелище, в факт фольклоризма [5. С. 135].

© 1999 г. В.В. УСАЧЕВА, канд. филол. наук

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Об искусстве поэзии. Гл. 4. Поэтика. М., 1951. С. 48–52.
2. *Гусев В.Е.* Истоки русского народного театра. Уч. пособие. Л., 1977. С. 3.
3. *Пиотровский А.И.* Празднество в РСФСР // Зеленая птичка. 1. Пб., 1922. С. 37.

4. *Ивлева Л.* Дотеатрально-игровой язык русского фольклора. СПб., 1998. С. 16.
5. *Путилов Б.Н.* От ритуала к зрелищу (по океанийским впечатлениям) // Судьбы традиционной культуры. Сб. статей и материалов памяти Ларисы Ивлевой. СПб., 1998.

ИГРОВОЙ ПЕРСОНАЖ И ИГРОВАЯ СИТУАЦИЯ В СИСТЕМЕ ДО-ТЕАТРАЛЬНЫХ ФОРМ ФОЛЬКЛОРНОЙ КУЛЬТУРЫ

Несмотря на всю очевидность многократно формулируемого в специальной литературе тезиса о том, что эволюция от ритуала к зрелищу раскрывает генетические истоки театра как вида искусства, все же характер связи театральных форм с обрядом остается до сих пор одним из наиболее дискуссионных и сложных вопросов, решение которых зависит от трактовки самого понятия "театральности".

В "Словаре научной и народной терминологии фольклора" о понятии "театр фольклорный" говорится следующее: 1) в науке отсутствует единое общепринятое содержание термина "театр фольклорный"; 2) часто он используется по отношению ко всем видам народной зрелищно-игровой культуры (т.е. это и магические обряды, и формы ряженья, и игры, и праздничные общесельские развлечения, и балаганы и т.п.); 3) более правильно, по мнению автора статьи, различать до-театральные и типично театральные формы народного драматического творчества, а понятие "фольклорный театр" относить лишь к собственно театрализованным представлениям, основанным на текстах народной драмы [1]. В свою очередь, термин "драма народная" определяется в этом словаре как развитая форма народного драматического творчества, которое бытовало в своем сценическом воплощении, а это значит, что речь идет о постановках трех-пяти пьес ("Лодка", "Царь Максимилиан", "Барин", "Маврух" и ряд др.), возникших на стыке городской и фольклорной культуры в конце XVIII – начале XIX в. [2].

Таким образом, типичный фольклорный театр определяется как достаточно позднее явление, привнесенное в народную культуру извне (из книжной традиции), тогда как генетические истоки его ведут к древнейшим магическим действиям и простейшим формам драматизированных игр и сенок типа "вождение козы" или "женитьба Терешки". Признаками, определяющими театральную природу этих фольклорных игровых жанров, признается: 1) действие, игра как основная форма отражения действительности; 2) перевоплощение исполнителя в иной образ (т.е. действуя в ином образе, он не является тождественным самому себе); 3) характер зрелищности представления, при котором в фольклорных театральных формах уже происходит разделение на исполнителей и зрителей. При таком подходе за пределами народной "театральности" остается значительный круг ритуалов и магических сенок, пантомим, которые либо не содержат признаков ролевого перевоплощения (ср. игровые роли участников зрелищного свадебного обряда), либо не ориентированы на зрителей (скрытые от глаз магические ритуальные инсценировки).

Из всего многообразия форм народной ритуально-игровой культуры отметим два различающихся типа: один из них характеризуется ярко выраженными признаками и ролевого перевоплощения, и зрелищности (имеется в виду поведение ряженого как игрового персонажа), а другой – как будто лишен и того, и другого, но зато сохраняет некую драматургическую основу, т.е. опирается на определенную сюжетную ситуацию, разыгрываемую в лицах (имеются в виду не рассчитанные на зрителей магические инсценировки, призванные смоделировать действительность в нужном для исполнителей направлении).

Игровой персонаж. Очевидно, что именно в ряжении будущий театр обнаруживает наиболее архаическое свое качество, а это определяется, прежде всего, наличием

маски и переряживания, а также включенность игры в зрелищно-обрядовую, праздничную ситуацию. Заслужой Л.М. Ивлевой [3] был впервые сформулированный вывод о том, что игровое поведение ряженого – это специфический "язык", с помощью которого передается информация мифологического характера, т.е. некая закодированная мифологическая семантика воспроизводится средствами игрового "языка" (разыгрывается в лицах), так как само ряжение – это средство общения людей с потусторонним миром. В этом смысле ряжение предстает как игра по форме и миф по содержанию. При этом сюжетная основа передается отрывочными (как бы не связанными друг с другом) сценками-пантомимами, а не в форме последовательно разыгрываемого сценария.

Игровая ситуация. Иначе обстоит дело в магических инсценировках, участники которых воспроизводят один конкретный сюжет, но эти до-театральные представления не имеют ни признаков ряженья, ни зрительской аудитории. Такой тип игры проявляется, например, в ритуалах "обмана смерти", когда в магических целях устраиваются (по договоренности с рядом действующих лиц) целые развернутые спектакли с определенным сценарием, призванные предотвратить смерть новорожденного. Подобные обряды совершались в балканской и карпатской народной культуре в случае, если в семье часто умирали малолетние дети [4].

Мотив "обмана смерти" путем замены своего ребенка на "чужого", найденного подкидыша лежит в основе многочисленных магических действий, цель которых – продемонстрировать каким-то сверхъестественным (божественным или вредоносным) силам, что ребенок не принадлежит данной семье, а ниспослан свыше. На первый взгляд, здесь отсутствует момент ролевого перевоплощения действующих лиц из "Я" в "не-Я", однако драматургическая основа рассмотренного магического акта подразумевает, что его участники и равны себе (не перевоплощаются в чужой облик), и одновременно не равны (мать живого ребенка играет мать умершего и оплакивает его; изображает женщину, усыновившую найденныша). Что же касается отсутствия реальной зрительской аудитории, то следует учитывать, что магические инсценировки (подобно религиозным мистериям) ориентированы на потребителя особого статуса – на мифический адресат, каковым выступают в традиционной культуре некие высшие силы, духи, предки.

Особенно наглядно это проявляется в до-театральных формах "первобытной периферии", описанных известным фольклористом и этнографом Б.Н. Путиловым, которому посчастливилось лично наблюдать массовые сценические церемонии папуасов Новой Гвинеи. Он отмечал, что внешнее сходство с театральным действием не могло скрыть той пропасти, которая отделяет *ритуал* от *зрелища*: например, воздвигнутые на сценической площадке сооружения, по его словам, можно было назвать "декорациями" лишь не подозревая о тех мифологических и социальных значениях, магических связях, которые в них заключены; «главное же – то, что "сцена" и "декорация" предназначена не для актеров, а для духов, предков, "хозяев", "богов"» [5]. Поэтому в культуре архаического типа подобные сценические представления трудно определять как *игру*, осуществляемую по законам театральности: исполнители действуют "в психологической и идеологической атмосфере, исключаяющей какой бы то ни было налет зрелищности" [5], – совершался именно ритуал, с помощью которого осуществлялся необходимый контакт людей с мифическими существами. Первым шагом на пути от ритуала к зрелищу следует признать сближение магической функции игрового действия со зрелищной развлекательностью и, соответственно, сознательную ориентацию актеров на зрительскую аудиторию (реально присутствующую публику, не участвующую в сценической игре).

1. Гусев В.Е. Театр фольклорный // Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии. Минск, 1993. С. 352–354.
2. Савушкина Н.И. Драма народная // Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии. Минск, 1993. С. 62–63.
3. Ивлева Л.М. Ряженье в русской традиционной культуре. СПб., 1994. С. 38.
4. Толстая С.М. Магия против смерти // Балканские чтения – 2: Симпозиум по структуре текста. М., 1992. С. 54.
5. Путилов Б.Н. От ритуала к зрелищу (по океанийским впечатлениям) // Судьбы традиционной культуры: Сборник статей и материалов памяти Ларисы Ивлевой. СПб., 1998. С. 134.

СЛОВО И ДЕЙСТВИЕ НА РУССКОЙ СЦЕНЕ XVIII ВЕКА

«Акт комедиальный о Калеандре и Неонилде» (1737) – переложение на язык сцены "Гистории о Калеандре", восходящей к известному итальянскому роману XVII в. "Отверзаетца театр", – сказано в одной ремарке этой пьесы; и действительно, театр в этой российской пьесе "отверзаетца" в полной мере. Сам Юпитер призывает всех жителей Олимпа: "А мы, бози, вси купно пойдемте смотрети, на Калеандра с Неонилдой будем мы глядети" [1. С. 195].

Калеандр и Неонилда – центральная пара персонажей, которых в пьесе неисчислимо множество. Они выступают целыми семьями, поколениями и по законам поэтики барокко постоянно раздваиваются, отражая и дублируя друг друга. Все выступают в чужом обличье, "разменяются одеждами" [1. С. 275], скрывают свои имена, знаки и гербы, становясь неузнаваемыми, что создает чисто карнавальные перемены пола и даже катастрофы. Таким образом, хаотическое, на первый взгляд, множество персонажей приводится в подобие системы. Они оказываются сходными по многим характеристикам, и их сходство снимает мнимость их множества. Кроме того, все они выступают в парах: мужчина и женщина, рыцарь и трикстер, отец и сын, мать и дочь, хозяин и слуга, сестры и братья, причем непременно близнецы – что еще в большей степени организует систему персонажей и придает ей антитетичность. Однообразие и похожесть выстроенных антитез дополнительно структурирует систему, вскрывая ложность противопоставлений, определяющих также строй эмоционального мира персонажей. Они переходят от любви к ненависти и мести, меняют привязанности, предают друг друга, переходя на службу к противникам, теряют друг друга и находят, чтобы вновь соединиться. Все на сцене постоянно движется и изменяется, но эти движения и изменения подчиняются принципу вариативности.

Наряду с реальными персонажами в пьесе выступают аллегории, которые сочувствуют им, раскрывают хитрые обманы, вмешиваются в события, толкают их на поступки. Появление аллегорий, как и введение античного пантеона, усложняет систему персонажей. Одновременно ситуации, в которых они выступают, играют роль "отбивок" в сюжете, который построен на бесконечных повторах, несмотря на кажущееся разнообразие.

Запутанности отношений персонажей соответствует насыщенность действия. События "Акта" прослеживаются через поколения, персонажи рождаются ("Лежит Диалда на постеле с детьми" [1. С. 201] и умирают "Калеандр плывет по морю на доске и утопает" [1. С. 295]) на глазах у зрителей. Они без усталости перемещаются из одной страны в другую: из Трапезона в Грецию, из Армении в Турцию. Они восседают на тронах, выступают на полях сражений, томятся в тюрьме, бродят по лесам, плавают

по бурным морям. На сцене показаны коронации и обручения, битвы и турниры, похищения и приключения, любовные эпизоды: персонажи увлекают друг друга в "особливые каморы", и некоторые девицы даже беременеют. При внимательном рассмотрении становится очевидным, что весь сюжет – есть цепь повторов. Каждый персонаж или пара персонажей повторяют действия, уже совершенные, или производят однородные с ними. Так исчезает внешнее разнообразие событий и оказывается, что драматург постоянно создает вариации на заданные темы.

Как бы не доверяя столь изобильному и запутанному действию, он постоянно поддерживает его развитым сценическим словом, на характер которого указывают ремарки, содержащие сведения об интонационном рисунке ("глаголет ... унывно" [1. С. 301]), о силе звука: герои то шепчут, то кричат; об эмоциональной окраске сообщения ("ярко глаголя воинам" [1. С. 287], "смеется и глаголет с великою радостью" [1. С. 298]). Все персонажи взаимодействуют между собой с помощью слова, рассказывают о том, что намерены совершить и последовательно мотивируют свои поступки, воссоздавая в слове свои эмоции ("Радуюсь ныне, веселюсь любезно" [1. С. 277]). Они порой доверяют слову, не подкрепленному действием.

Но сценическое слово – не единственный вид слова в пьесе. На равных правах с ним существует слово эпическое. Персонажи пересказывают все происходящее и беспрепятственно делают "некия конклюдзии" [1. С. 203]. Они не выходят на сцену без обширных самопредставлений, появление новых персонажей также требует подробного рассказа о них (ср. ремарку: "Поведует историю Руилло" [1. С. 243]). Благодаря этому выстраивается, условно говоря, роман в пьесе, или происходит переложение пьесы в роман. Этот роман развивается также благодаря группе вестников, сообщения которых дублируют действие, переводя его в слово. Аналогичную функцию выполняют выступления аллегорий, среди которых выделяются предсказания богов. Эпическое слово отдано еще и "медератору", который, стоя посреди сцены, обстоятельно пересказывает предыдущее действие. Кроме того, в ремарках заложено сообщение о том, что будет говорить герой: "Спрашивает о имени его и где взял Тигрину" [1. С. 166]. Прологи и эпилоги, аргументы решительно поддерживают эпическое слово. Таким образом, число одинаковых пересказов, которые порой текстуально с ними совпадают, ширится. Так эпическое слово стремится подавить заложенную в пьесе театральность, или вернуться к своим истокам.

Роман, превращенный в пьесу, будто помнит о своей природе и вступает в единоборство с драматическим началом. Таким образом, "Акт комедиальный" раскрывает способы перехода от романа к драме, демонстрируя обратное направленное движение. Естественно, оно не достигает конечной цели, но зато происходит колебание от действия к слову, от слова сценического к эпическому, которое, помимо всего прочего, выполняет роль рамы драматического сюжета. Так на сцене встретились два рода искусств, искусство действия и искусство слова. В результате происходит как бы проверка действия словом, и слова – действием. Пока они уравновешены, и ни слово, ни действие не выбиваются в пьесе на первый план, что и составляет основную особенность интереснейшего памятника русского театрального искусства.

© 1999 г. Л.А. СОФРОНОВА, д-р филол. наук

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акт о Калеандре и Неонилде // Ранняя русская драматургия (XVII – первая половина XVIII в.). Пьесы любительских театров. М., 1976.

ТИПОЛОГИЯ ЭМБЛЕМ МОСКОВСКИХ ДУХОВНЫХ ДЕЙСТВ НАЧАЛА XVIII ВЕКА

Духовные школьные действия XVII–XVIII вв. обладали особым сплавом слова и действия благодаря эмблематической природе театра эпохи барокко. Изучению московской школьной драмы были посвящены исследования Н.С. Тихонравова, П.О. Морозова, В.И. Резанова, И.А. Шляпкина, а в последнее время А.С. Демина и А.С. Елеонской. Эмблематический характер школьного театра исследовала Л.А. Софронова в главе книги "Поэтика славянского театра" и в наблюдениях над природой слова на сцене в книге "Старинный украинский театр".

Современная действия Московской Славяно-Греко-Латинской Академии начала XVIII в., изданная по желанию Петра в 1705 г. в Амстердаме книга "Symbola et emblemata" называла "эмблематами" изображения, а "символами" соответствующие им девизы. В классической же эмблеме барокко, хорошо известной авторам и постановщикам московских школьных действий и по западно- и восточноевропейским сборникам эмблем, выделялись три составляющие: надпись или девиз, изображение и разъясняющая подпись.

Как подчеркнула Л.А. Софронова: "Происходящее на сцене было как бы движущейся во времени и пространстве эмблемой. Монологи и диалоги героев звучали как девизы, как поясняющие развернутые стихотворные подписи под картинками" [1], "в эмблеме слово значило столько же, сколько изображение, и требовало рассматривания, а не только прочтения" [2].

Несмотря на то, что эмблематизм был типом мышления эпохи барокко, несмотря на эмблематический характер школьного театра в целом, в московских школьных действиях начала XVIII в. можно выделить сцены, где присутствуют три составляющие классической театральной эмблемы: надпись или девиз, написанный на сценической вещи (доске или "напише") и прочтенный зрителем; изображение (живая картина или мизансцена); подпись, как правило стихотворная, которую зритель мог увидеть написанной на доске и прочесть или услышать из монолога персонажа, хора, пения за занавесом – "запоной" или "гласа с небес".

Можно выделить три типа классических театральных эмблем. В первом типе зритель видел изображение и мог прочесть надпись и подпись к нему. В шестом явлении "Ужасной измены сластолюбиваго жития с прискорбным и нищетным" 1701 г. зритель видел сцену Божьего суда над духом Лазаря. На сцене было семь персонажей и хор Ангелов. С двух сторон от Суда Божьего находились Истина с весами и Воздаяние со скипетром в одной руке, на котором было написано: "Живот правым", а в другой руке – меч с надписью "Смерть лукавым". Эти надписи были девизом эмблемы. Милость Божия и Ангел-Хранитель приводили к Суду Божию дух Лазаря, "носяща доску, на ней же написаны суть дела его". Подпись эмблемы, написанная на доске, реконструируется из монолога Милости Божией. Зрители могли видеть подпись, прочесть и услышать ее.

Четыре театральных эмблемы второго типа зритель последовательно видел в Антипрологе "Ужасной измены". Надписи-девизы можно было прочесть на "напишах" – "написаниях": "Маловременно еже наслаждает"; "Вечно есть еже умучает"; "Маловременно еже стужает" и "Вечно еже наслаждает". В первых двух эмблемах зритель видел Сластолюбца и Образ Сластолюбия, которых потом поражала Смерть. В третьей эмблеме зритель видел Лазаря "на гноищи" и Образ Нищеты и Терпения, которые в четвертой эмблеме посещала Милость Божия. К каждой из эмблем Хор произносил восьмистрочные "подписи", которые воспринимались зрителем на слух.

Театральные эмблемы третьего типа, когда надписи и подписи зритель не видел, но воспринимал на слух, содержатся в девятом явлении "Ужасной измены". Пиролоубец "открывает 1 блюдо, в нем же кости мертвеца обретаются", произносит "надпись": "вместо брашна кости". "За запоною" слышится нравоучительная "подпись" хора:

четыре строки "пения до костей". В другой эмблеме Пиролоубец "открывает 2 блюдо, в нем же земля и пенел обретаются", произнося "надпись": "вместо снеди землю". "Подпись" Хора: четыре строки "пения до земли".

Таким образом, среди театральных эмблем духовных действий можно выделить три типа: с визуально воспринимаемыми надписью и подписью; с визуально воспринимаемыми надписью и подписью, воспринимаемыми на слух; с воспринимаемыми на слух надписью и подписью.

© 1999 г. *Е.В. ЖИГУЛИН*, канд. искусствоведения

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Софронова Л.А.* Поэтика славянского театра. М., 1981. С. 222.
2. *Софронова Л.А.* Старинный украинский театр. М., 1996. С. 285.

ПОСТАНОВКА М.А. ЧЕХОВЫМ СКАЗКИ "ДВОРЕЦ ПРОБУЖДАЕТСЯ" (ПАРИЖ, 1931): ОПЫТ МИМОДРАМАТИЧЕСКОГО СПЕКТАКЛЯ

Постановка Михаилом Чеховым пьесы-сказки "Дворец пробуждается" на сцене парижского театра Л'Авению, во многом определившая судьбу Чехова-режиссера и актера, таила идеи реформирования русского театра, прежде всего, взаимоотношения в нем слова и жеста. На историю этой мучительной постановки (как известно, спектакль закончился почти полным провалом) наложили отпечаток личные взаимоотношения Чехова с известным художником В. Масютиным, в письме к которому Чехов – автор сказки (по другой версии, сюжет ее был подсказан А. Толстым) раскрывает свой зрелищный замысел, дает своего рода "морфологию" сказки:

"1) Вся декорация 1-го акта желательна в округлых формах (как и в Вашем первом эскизе). Округлость форм проистекает от СНА. Сон и сон во всем. За окном – сон, на сцене – сон. Все закруглилось во сне. 2) Кровать, громадная, стоит в центре... Просим Вас сделать кровать такую, чтобы к концу действия она буквально распалась на 1000000 частей... Кровать как основной смысл сна... 3) Кашеев дворец разваливается и проваливается, а дворец первой картины остается стоять, но теряет всякую форму во всех своих частях и хаотизируется! Публика после первой картины должна почувствовать, что она была свидетельницей потрясающего ХАОСА и РАЗРУШЕНИЯ ВО ВСЕМ, что ей явилось сначала как уютный сонный мир!! 4) В конце пьесы... все хаотическое снова приходит в гармонию и даже становится лучше прежнего в смысле комического его изменения" (цит. по: [1. С. 140]).

В этом замысле бросается в глаза символика (сон), поиск ключевых мизансцен, эмблематичность решений. Ясно, что раскрыть такой замысел средствами нарративного театра было невозможно. Как вспоминала Жоржет Бонер, "декорации были простыми, они лишь давали абрисы дворца и леса. От реквизита мы отказались совсем... Костюм Ивана-Чехова был похож по своему крою на костюм Пьеро. Рубашка – с золотыми кантами и шитьем" [1. С. 130]. Подвижная деревянная конструкция Масютина идеально отвечала задачам сказочной трансформации. В сцене поединка с Кашеем декорация, по наблюдениям очевидцев, "играла" сильнее актеров.

При чтении выступлений Чехова на страницах парижской прессы накануне премьеры "Дворца", становится ясно, что Чехова мучило сознание ограниченности средств современного русского театра – отсюда желание выйти за пределы родного

языка, за пределы традиционного драматического театра, связанное не только с проблемой восприятия спектакля русских актеров в новой, иностранной аудитории. Вчитаемся: "Все мертво в театре. Мертва современная сценическая речь... Мертв и сценический жест: вся сценическая выразительность актера свелась в настоящее время к мимике... пребывание на сцене становится таким простым, мелочным и дешевым" [2].

Существование в русском театре двух центров, двух систем – Мейерхольтда и Станиславского – не только не решало проблему, но еще больше заостряло ее. Театр разят: Станиславский страстно любит сущность, Мейерхольд – форму. Чехов считает, что их взгляды на театр "глубоко противоположны". В этом противостоянии – слабость двух основных тенденций. Будущее русского театра – в синтезе, в слиянии того, что считается взаимоисключающим. Это и есть "третий путь". Стремление встать на этот путь, синтезировать противоположности видно в самих терминах формирующейся системы Чехова: "психологический жест", "мыслящее сердце". Характерно, что система эта оформляется не в России – территории борьбы противоположностей.

Новаторство М. Чехова-режиссера оценил В. Ходасевич, отмечавший трудности, стоявшие на пути воплощения его замысла в жизнь. Для драматического театра, в особенности русского, писал он, "...именно слово неизбежно остается основной силой, воздействующей на зрителя... Надежда на то, что до зрителя, который не понимает языка, могут доходить самые интонации, по существу обманчива: интонации слишком связаны с языком, слишком подчинены его строю, слишком разнятся в различных языках, чтобы они могли по-настоящему влиять на зрителя-иностранца... До зрителя, не знающего языка, доходят лишь самые примитивные, резкие выражения отчаяния, радости и т.п." [3]. О том, насколько это может огрубить игру актеров – бывших мхатовцев, и хотел предупредить Ходасевич.

Однако несостоявшийся как интернациональный, спектакль этот своей русской образностью показался интересным некоторым французским критикам: М. Ростан, например, похвалил его за "суггестивную поэзию". "Сказочно-варварский" мир русского мифа уже был здесь знаком со времени "Русских сезонов" и сам по себе вызывал любопытство.

Режиссерские мечтания о синтетическом спектакле, о культуре жеста, тела, мимики мы находим у большинства создателей нового русского театра XX в., театра, который, как правило, связывают с именами Мейерхольтда, Таирова, Евреинова, вынося М. Чехова как бы за его пределы – как "ветвь" другого "корня" – мхатовского. Попытка М. Чехова создать пантомимический (точнее – мимодраматический) интернациональный спектакль показывает, как все дальше уходил Чехов от "альма матер"... И может быть он выходил не просто за пределы родного языка, вызывая на полемику хранителей речевой природы русского театра, а – родного театра, его исторически сложившегося типа. И для этого брал в союзники героев "варварского мифа", отмечая сусальных золотых петушков и сладкоголосых Берендеев. Путь к "психологическому жесту", путь от "движения, имитирующего жизнь снаружи, к движению, раскрывающему жизнь изнутри" лежал в том числе и через опыт постановки "Дворец пробуждается" на парижской сцене.

© 1999 г. М.Г. ЛИТАВРИНА, д-р искусствоведения

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вернер В. Письма Михаила Чехова Василию Масютину. Первые годы изгнания. Публикация В. Вернер // Памятники культуры. М., 1992.
2. Чехов М.А. Литературное наследие. В 2-х т. М., 1986. Т. 2. С. 12.
3. Ходасевич В. Театр Михаила Чехова // Колеблемый треножник. М., 1991. С. 561.

"РЕЧЕВЫЕ АКТЫ" И ПРАГМАТИКА АГИТОК

Прагматика – это семантика языка в действии. Она изучает соотношение знаков и их пользователей в конкретной речевой ситуации. Как научная дисциплина прагматика развивалась на основе проблематики языковых актов (труды Л. Витгенштейна, Дж. Остина и Сёрля), методология которой, как замечает П. Пави, "гораздо труднее переводится в театр" [1]. Попытка такого перевода и будет осуществлена на материале пьес-агиток, действенность (заявленная агитационность) которых делает их появление уместным в контексте размышлений о соотношении слова и действия в драме.

В 1930 г. драматург А. Бородин проанализировал на страницах журнала "Деревенский театр" наиболее типичные "ошибки" самодеятельных авторов, число которых, как двумя годами ранее выявил конкурс газеты "Беднота", доходило до 4,5 тыс. В первую очередь было обращено внимание на фабульный стереотип. "Фабула очень многих (едва ли не больше 50%) деревенских пьес строится примерно по следующему шаблону: герой пьесы – красноармеец-отпускник (или комсомолец, или просто селькор, или – реже – учитель) в связи с организацией колхоза (или перевыборами в сельсовет, или кооператив), ведет борьбу против местного кулака и подкулачника-предсельсовета. Кулак, дочь которого любит красноармейца или любима им, решает убить своего врага. Один или вместе с попом он подплавает и подкупает какого-нибудь забулдыгу убить красноармейца. Подкупленный берет обрез, совершает покушение, убегает, его опознают по оброненной шапке (или поясу, или иному предмету) и арестовывают. Вслед за этим открываются и главные виновники покушения, причем кулака иногда выдает его же собственная дочь. В середине пьесы кулак обычно успевает еще совершить поджог колхозного амбара (или избы красноармейца)" [2. С. 6].

В условиях неразработанности драматического конфликта в пьесах часто происходила подмена причинно-следственной связи простой временной последовательностью. В качестве примера Бородин привел краткое содержание пьесы т. П. "Рассвет в деревне": "В первом акте к неграмотному крестьянину Ивану приходит учительница и убеждает его и его семью записаться в школу для взрослых. (Из длинейших монологов учительницы и состоит почти целиком весь первый акт пьесы.) Второй акт начинается очень длинным рассказом деда Игната, из которого мы узнаем, что все члены семьи Ивана уже стали грамотными и шагу не делают без книги. Далее под окном собирается митинг; приехавший из города оратор произносит речь о значении первомайского праздника, и пьеса заканчивается пением революционных песен" [2. С. 7]. Легко заметить, что в пьесах персонажи скорее лица говорящие, чем действующие. Причем всем ясно, что их длинные агитационные речи призваны не столько убедить или склонить на свою сторону героев пьесы, сколько для того, чтобы сагитировать самого зрителя.

Так как же работает – действует – агитирующее слово в пьесе "Рассвет в деревне"? Казалось бы, никак не работает. Однако обратим внимание на финал. На тот самый митинг, который открывает приехавший из города оратор. Такая концовка отнюдь не уникальна для агиток. Они буквально изобилуют всевозможными ритуалами и церемониями – митингами, сходами и собраниями, судебными заседаниями, октябринами, приемами в комсомол, партию или коммуны (колхоз), пожертвованиями средств на избу-читальню или Осоавиахим... Все это сопровождается восклицаниями, вопросами, выражениями желаний, просьб, коммунистических "молитв" и "заклинаний", приказами, угрозами, вынесением приговоров.

Такие и подобные им высказывания Людвиг Витгенштейн и называл *языковыми играми* и считал, что именно они являются формами жизни и что не только язык, а сама реальность, которую мы воспринимаем только через призму языка, есть совокупность языковых игр. Это наблюдение получило развитие в *теории речевых актов*.

Прежде всего Дж. Остин заметил, что в языке существуют глаголы, которые, если поставить их в позицию 1-го лица ед. числа, аннулируют значение истинности всего предложения (т.е. предложение перестает быть истинным или ложным), а вместо этого сами совершают действие. В нашем случае председатель говорит: "Объявляю заседание открытым"; или судья зачитывает приговор: "Кулак Тутышкин приговаривается по статье такой-то к такому-то сроку заключения"; или молодая мать-комсомолка объявляет: "Называю моего сына Ильичом и обещаю воспитать его достойным своего имени" и т.д.

Во всех этих предложениях нет описания реальности, но есть сама реальность – открытие собрания, вынесение приговора, наречение имени и клятва. Предложения с такими глаголами (а их оказалось много: верю, рекомендую, назначаю, вступаю и др.) Остин назвал перформативными, или просто речевыми актами, чтобы отличить их от обычных предложений, описывающих реальность. Таким образом, было выявлено, что слово является не только проекцией действительности, но и ее частью. Понятие же истинности или ложности для речевых актов заменяется понятиями успешности или неуспешности. Так, в пьесах собрание было начато, кулак осужден, а малыш получил имя. В этом-то и состоит агитационный эффект. Ведь если для авторов агиток или для героев их пьес коммунистическая идеология, быть может, и являлась истиной в последней инстанции, то для аудитории крестьянских агиток, живых газет или инсценированных судов такая истина была более чем неубедительна. В нее и не пытались заставить поверить "на слово". Публике лишь демонстрировали бесконечную череду успешных речевых актов, которым противостояли неуспешные (разоблачаемые) действия антагонистов (поджоги, убийства или их попытки, самогонование, порча скота и т.д.).

Впрочем, главным антагонистом являлась публика агиток. Известен случай, когда зрители, принимавшие инсценировку агитсуда за реальное судебное разбирательство, потребовали освободить из-под стражи священника. Как писал очевидец, только «смелая находчивость актера, исполнявшего роль "попа Гелионского", вывела суд из "щекотливого" положения. Он заявил, перекрестившись: "Все равно ни суд ваш, ни власть Советскую не признаю!"» [3]. Что же вызвало восхищение современника? А все та же перформативность высказывания, делающая реальный суд крестьян несправедливым, а затеянную актерами-агитаторами языковую игру под названием "инсценировка" – успешной и оттого как бы имеющей больше прав считаться реальностью, настоящей жизнью, которая "всех рассудит".

© 1999 г. *М.В. ЮНИСОВ, канд. искусствоведения*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пави П. Словарь театра. М., 1991. С. 244.
2. Деревенский театр. 1930. № 12.
3. Щеглов Д. У истоков. М., 1960. С. 168.

"РОЖДЕНИЕ ТРАГЕДИИ" В ПОЭЗИИ РУССКОГО И БОЛГАРСКОГО СИМВОЛИЗМА

Ф. Ницше – один из "властителей дум" рубежа веков. Как это часто бывает, его идеи подвергались переосмыслению, меняясь подчас до неузнаваемости. Ниже речь пойдет о том, какими глазами читали поэты-символисты его первую книгу –

"Рождение трагедии из духа музыки". Концепция Ницше в общих чертах такова: существуют – в человеке, в культуре, в бытии – два коррелирующих начала – Аполлон и Дионис. Первый означает разум, упорядоченность, гармонию, индивидуальность; его стихия – пластические искусства. Второй – иррациональность, хаос, безличная стихия, бездна могильной ямы и всепорождающего лона; его область – музыка. Неограниченное господство Аполлона – окостенение, отрыв от животворящей стихии и смерть. Неограниченное господство Диониса – безумие и опять-таки смерть. Жизнь и творчество возможны только при синтезе того и другого: трагедия и рождается как попытка умерить силой разумного слова нестерпимое чувство непросветленного и непроясненного музыкального переживания. (Правда, Ницше, даже утверждая равнозначимость обоих начал бытия, всячески дает понять, что Дионис ему симпатичнее.)

Для Ницше эти божества скорее "что", чем "кто" – отвлеченные принципы, а не живые сущности. Но вместе с тем, "Рождение трагедии..." – одна из первых попыток увидеть древнюю мифологию не как красивую сказку, а как источник подлинных переживаний мистического толка.

Символистам трагедия (причем именно античная трагедия) виделась идеалом искусства. Во-первых, она была не только искусством, но и своего рода богослужением – "теургией" (а стало быть, проникнута мистикой). Во-вторых, она задавала образец соотношения оригинальности с традицией: миф и творится на наших глазах, и берется из глубин народного религиозного сознания. А значит, она была искусством всенародным: поэт – голос, которым говорит это сознание.

Таков был императив: создать трагедию, на новом витке выйти к всенародному мифотворящему действию. Здравый смысл, однако, подсказывал, что затея эта едва ли осуществима. Ну что ж – тогда попробуем хотя бы "приготовлять пути". Так является прежде всего, пользуясь модным сейчас словечком, "совместный проект" по переводу сохранившегося корпуса трагедий (Вяч. И. Иванов – Ф.Ф. Зелинский – И.Ф. Анненский). Затем идет своего рода реконструкция несохранившейся части корпуса: Брюсов, Вяч. Иванов и Анненский пишут оригинальные трагедии по античному образцу, причем выбирают те сюжеты, о которых известно, что греческая трагедия их разрабатывала. Зелинский же, будучи не поэтом, а филологом, создает свод греческой мифологии, в предисловии оговорив, что стремился дать мифы в том виде, в каком мы получили бы их от трагиков, если бы все их творения дошли до нас. Наконец, Иванов, Зелинский и Анненский, будучи (подобно Ницше) профессиональными филологами-классиками, осмысливают дионисийство и как научную проблему. Но эти их штудии вписаны в тот же символистский контекст. На пороге чаемого Третьего Завета символистская среда "разыгрывает" ту ситуацию, которая была на пороге Нового (недаром Зелинский написал "Соперников христианства"). Подобно Розанову, который сводил язычество и иудаизм в единую "религию плоти", Иванов и Зелинский сводят дионисийство и христианство как два лика единой, по существу, религии (Зелинский прямо утверждал, что подлинный Ветхий Завет христианства – античная религия, а его связь с иудаизмом – едва ли не недоразумение).

И последнее. По Ницше, трагедия рождается из духа музыки – а по науке? А по науке, трагедии предшествовал дифирамб – обрядовый гимн в честь Аполлона. Как раз незадолго до этого стало возможно точно представить себе, как он выглядел: были найдены папирусные фрагменты Вакхилида. Эта находка будто подсказывала: "Да, для трагедии еще не время – так пусть пока звучит дифирамб". И подсказка была услышана: в России Иванов перевел Вакхилида и включил перевод в свой сборник "Прозрачность", причем в том же сборнике был целый раздел оригинальных дифирамбов, прямо ориентированных на образец Вакхилида. А в Болгарии П. Славейков написал три оратории, тоже явно ориентированных на дифирамб: "Колядующих" ("Коледари"), "Эпиталаму" и "Гимны на смерть сверхчеловека". Не следует забывать, что родина Диониса – Фракия, т.е. Славейков ощущал его как "земляка", как исток собственной культуры. Его оратории в некотором смысле архаичней

Вакхилида (о котором он мог и не слышать – о происхождении трагедии от дифирамба было известно и ранее из "Поэтики" Аристотеля). Перед нами не весьма утонченный текст, выросший из обряда, а как будто сам обряд.

© 1999 г. В.В. НИКОЛАЕНКО, канд. филол. наук

СКРЫТЫЙ ДИАЛОГ СОВРЕМЕННОЙ ПЬЕСЫ И СПЕКТАКЛЯ

Разговор о языке современной драмы, о взаимоотношениях слова, написанного драматургом, и слова, сыгранного актером, разговор о сценической речи включает много проблем: от чисто теоретических до методологии различных подходов режиссеров к текстам, и до практики обучения сценической речи в театральных вузах. Остановимся лишь на некоторых аспектах сложного диалога, диалога-борьбы между пьесой как художественным произведением и пьесой как произведением сценического искусства.

Традиционный русский театр – всегда театр слова: слово проявляет человеческую личность, ее проблемы, действия, открывает правду характера и правду времени. Разница воздействия слова на судьбы людей – едва ли не фундаментальное основание классической русской драмы.

Александр Вампилов (1937–1972) был последним представителем классического театра слова. В русском театре 70-х годов начался процесс девальвации такого театра. Принцип "если есть *что* читать – есть и *что* играть" постепенно утрачивал свое значение. Современные драматурги все чаще начинали использовать в пьесах слова-знаки, проявляя своего рода "недоверие" к слову. Драматурги, пародируя, позволяли себе нагружать слово несвойственным ему значением, смыслом, оттенком. Слово оказывается способным изменить до неузнаваемости облик героев, закрыть человека непроницаемым щитом, так как, например, в пьесе "Команда" С. Злотникова дан обобщенный портрет женской спортивной команды – не ноги – "костыли"; не спят – "Соньку дают"; не еда – "колбасятина"; одежда – "мощная"; любовь – "кейфовать на пару"; не имена – прозвища: "Тетка", "селечка" и др. Само слово "команда" выступает в пьесе как уравниватель. Слово-знак, доведенный до полного универсализма, вообще сводит на нет дар речи. Одна из героинь говорит: "Эх, команда, я вам скажу – все слова дурацкие. Моя бы это воля – я бы вообще все эти слова... короче, к такой бы маме послала, а тех, кто ими выражается, так бы уделала..." [1]. Налицо прием – гротеск косноязычия. Но, несмотря на смешной прием, действия нет, внутренний конфликт не развивается. Слово пьесы и слово сценического действия вступают в противоречие. Отсюда берет начало в постановках современных пьес чрезмерное усиление внешнего изобразительного ряда, уход в бытовую колорит, нагнетание той сценической "чернухи", которая через несколько лет затмит все и всех почти в любой пьесе на современную тему. Способы поверхностного изображения (ненормативная лексика в том числе, она выступает как самое яркое превращение выражения в изображение) вытесняли и к 90-м годам вытеснили глубину смысла слова в пьесе.

Процессы подобной девальвации слова и действия усилились с середины 80-х годов. Особенно показательна в этом смысле драматургия Л. Петрушевской. Это был период, когда задача драматурга (и художника, и режиссера, и актера, и т.д.) состояла в том, чтобы создать ситуации и подтексты, в которых распадаются и обесцениваются все и всяческие связи и смыслы. Стиль драм (да и прозы) Петрушевской – четко сконструированные блоки языка, талантливо нафантазированные языковые фигуры, подчиненные одной мысли: изображению процессов отвыкания, отучения от любой человеческой речи в принципе. Петрушевская – конструктивистка языка новой современной драмы – вплоть до выдуманно-реальных, чрезвычайно предметных неологизмов типа "мальро" (квадратный метр площади), "метвицы", "габрио",

"бескайты" (фармацевтические таблетки). Такой язык не есть стремление к немоте, это, скорее, стремление "нового" человека совладать с неподчиняющейся ему стихией, богатством языка; попытка героя той или иной пьесы подчинить слово своим потребностям, сделать его удобным. С помощью фантастически исковерканной речи Петрушевская создает в пьесах поле тревоги, поле обстоятельств и обманов, стихию алогичного, немотивированного поведения героев, а это сквозное действие всех ее пьес [2]. Сдвиги смыслов, нередко имитирующие сбивчивость потока сознания, не даются театрам, режиссеры не находят адекватного изобразительного ряда такой необычной выразительности. Это доказал в свое время Марк Захаров, поставив, например "Трех девушек в голубом" просто и без затей, как очередную "чернуху".

Если Л. Петрушевская все-таки искала что-то позитивное, при общем нигилизме ее позиции в пьесах, то на рубеже 80–90-х годов театр по преимуществу стал театром распада, полного кризиса как драматургических текстов, так и сценической игры. Спектакль "Школарусского самозванства" (режиссер Саша Тихий, Творческие мастерские при Союзе театральных деятелей) самим названием – три слова в одном – декларирует полное и яростное неуважение и к слову, и к его возможным перевоплощениям на подмостках. Ставили уже и не пьесу, но некий эпатажный коллаж, составленный из отрывков поэмы В. Сорокина и стихов Д. Пригова, из эпизодов, как бы подсмотренных в морге или магазине, общественной столовой или на вернисаже. Этот мир, с его словами, человеческим материалом, бытом, литературой, живописью, обрядами и ритуалами, не просто невозможен – он ненавистен [3].

К настоящему моменту можно выделить три основных тенденции в отношении пьесы как художественного произведения и пьесы как произведения сценического искусства.

Первая. Многим спектаклям по современной пьесе (и по классической также) слово становится вообще ненужным. Тотальное наступление пластики очевидно. Жест, мимика, клоунада, монументальные пластические композиции, язык хореографии в драме дают чистые немые спектакли. Огромную роль начинают играть роскошные костюмы в не костюмных спектаклях. Повышается степень занятости в работе над спектаклем художника по костюмам – не драматурга. Задачи спектакля переориентированы на создание как можно более великолепного визуального ряда. Впечатление, но не смысл, выходит на первый план.

Вторая тенденция. Современный драматург, не сдаваясь, ищет выход в создании неоклассики. Поскольку понятия и слова, русский язык нашей действительности (и нашей действительностью) полностью девальвированы, современные темы внедряются в плоть классической пьесы. Из готовых старых пьес Гоголя, Островского, Шекспира и т.д. создаются (и режиссерами, и драматургами) якобы новые современные пьесы. Отсюда повальное переписывание классических пьес (редакция В. Гуркина пьесы "Гроза" во МХАТе и др.).

Третья тенденция заключается в создании современным драматургом театра сдвига. Здесь многие, учитывая опыт А. Вампилова, идут вслед за Петрушевской. Но делают это примитивно: переносят язык улицы (жаргоны, от блатного до любого иного), нецензурную лексику и т.п. как в пьесу, так и спектакль. Варианты поставляют М. Волохов, Н. Коляда, упоминавшийся выше В. Сорокин и др. Усталость театра от такого рода сочинений очевидна.

© 1999 г. *Е.И. СТРЕЛЬЦОВА*, канд. искусствоведения

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Злотников С. Команда // Театр. 1982. № 10.
2. Стрельцова Е. Мистический нигилизм Л. Петрушевской // Современная драматургия. 1998. № 1.
3. Стрельцова Е. "Комната" против театра распада // Театр. 1990. № 12.

ДИАЛОГ И МОНОЛОГ В СОВРЕМЕННОЙ БОЛГАРСКОЙ ДРАМАТУРГИИ КАК СРЕДСТВО ВОПЛОЩЕНИЯ ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ

Даже беглый взгляд на развитие современной болгарской драматургии отметит, прежде всего, ее жанрово-стилевое обогащение. Так, в конце 50-х – 60-е годы на первый план в ней выдвинулось лирико-поэтическое направление ("поэтическая волна"), которое взломало лед канонов традиционной драмы и предложило оригинальные художественные решения в осмыслении проблем прошлого и настоящего. На рубеже 70–80-х годов значительное развитие получает историческая драма, причем рамки ее во многом расширяются за счет нетрадиционных подходов к воплощению тематики, а также современных художественных форм и средств. В это же время большой подъем переживает болгарская комедιοграфия.

Разумеется, со временем приоритет жанров и стилистических направлений меняется, некоторые из них ослабевают или же вообще исчезают со сцены. На смену им приходят другие. Но одна из художественных тенденций оказалась долговечной и способной к постоянному развитию. Речь идет о главенстве, а порой гегемонии, во многих болгарских пьесах второй, наряду с действием, составляющей драмы – слова. По-видимому, это связано с тем, что в центр художественного исследования в литературе была выдвинута личность и ее внутренний мир, были поставлены экзистенциальные вопросы. Диалог и монолог в современной болгарской драматургии приобретает не только первостепенное значение, но зачастую берет на себя и функции драматургического действия и нередко становится жанрообразующим фактором.

Такая своеобразная "действенность" слова отчетливо проявилась у болгарских писателей, пришедших в драматургию из прозы. В пьесах известного прозаика Д. Димова ("Женщина с прошлым", 1959; "Виновный", 1961) основные события происходят за сценой. Герои рассказывают о случившемся, спорят, каждый защищая свою позицию. Такая, условно говоря, "повествовательность" переносит внимание с внешней фабулы на идеи пьесы, логику развития мысли, характеров, на внутренний мир человека. Архитектоника драматургических миниатюр другого прозаика – Н. Хайтова ("Триптих", 1966) целиком основана на монологах и диалогах. Так, монолог героя одной из пьес "Триптиха" – "Тропы" представляет собой воплощенную в слове нравственную позицию человека, столкнувшегося с узколюбим чиновником. Эта миниатюра по форме близка монодраме, поскольку реплики чиновника не прерывают хода мысли героя – диалога между персонажами не возникает.

Стойкий интерес к монодраме как жанру появляется в современной болгарской драматургии с конца 70-х годов и с тех пор постоянно растет. Заметное место среди пьес такого рода занимает монодрама К. Илиева "Пасхальное вино" (1980). Монолог-исповедь ее героя – попа Крыстю Никифорова, предавшего Апостола болгарского Возрождения Василя Левского – обращен к самому себе, к своей больной совести. Один в пустой церкви, во время пасхальной литургии, поп Крыстю пытается снять с себя вину за содеянное. Однако его жалкие доводы не могут оправдать вероломства, вероотступничества и трусости, страшной вины перед Левским, перед народом, вины, которая деформировала и собственную душу героя. Исповедь попа Крыстю постепенно превращается в саморазоблачение и одновременно в прославление подвига Василя Левского. Здесь проявляется так называемый "эффект отсутствия" героя (Левского), который становится центром внутреннего конфликта и действия пьесы.

Значительное влияние на развитие жанра монодрамы в болгарской драматургии оказало творчество Й. Радичкова, в пьесах которого, независимо от их формы, слово несет на себе не только идейно-эстетическую нагрузку, но и выражает драматургическое действие. Содержание его монодрамы "Лазарица" (1977) составляют так называемые "вечные проблемы". Ее герой, крестьянин Лазар, хотел застрелить свою собаку, заподозрив ее в бешенстве, но промахнулся и перебил привязанную цепь.

Спасаясь от разъяренной собаки, он влез на дерево да так и просидел на нем в продолжении четырех времен года – весну, лето, осень и зиму. Соответственно с ними меняются смысл и тональность монолога героя. Он – о жизни, человеке, его судьбе и его одиночестве в мире, о природе и ее роли в жизни человека – о метафизических вопросах бытия. Это разговор с самим собой, если не считать немногих и, естественно, безответных обращений к собаке, либо к сороке. Магия слова делает монолог Лазара самодостаточным для организации внутреннего действия, создания спектакля, а не только пьесы для чтения.

Рассказы, сказки, притчи, предания, как правило, с философским началом, часто являются композиционной основой драматургического творчества Й. Радичкова. Так, в пьесе "Корзины" (1982), в которой, как и в "Лазарице", сюжетная интрига отсутствует, герои один за другим приходят на берег реки каждый со своей корзиной (готовой или недоплетенной) и со своим рассказом-монологом. И эту пьесу можно назвать монодрамой или чередой маленьких монодрам. Корзина – это судьба человека. Но его жизнь кратковременная и не зависит только от него самого. "То, что каждый из нас здесь плетет и доплетает, – говорит один из героев, – время расплетает одним махом". Тем не менее человечество бессмертно. Река – символ вечной жизни, спутница человека в его движении от прошлого к настоящему и будущему.

В пьесах современных болгарских драматургов монолог и диалог служат основным средством художественного решения нравственной коллизии или социального конфликта, характеристики героев, когда драматургическое действие осуществляется преимущественно через слово. Эта тенденция получает все большее распространение, что говорит о ее плодотворности и перспективности.

© 1999 г. *Н.Н. Пономарева, канд. филол. наук*

ВАЦЛАВ ГАВЕЛ – ДРАМАТУРГ

Сегодня пьесы Вацлава Гавела привлекают к себе внимание прежде всего потому, что их автор – чешский президент. Однако гораздо раньше, чем в политике, Гавел сказал свое слово в художественном творчестве – его произведения еще в 60-е годы стали ярким явлением не только в литературе Пражской весны, но и в развитии европейской драматургии.

Большой успех имела уже первая пьеса Гавела "Праздник в саду", поставленная в 1963 г. знаменитым "малым" пражским театром "На забради". Если социалистический реализм, усиленно и в приказном порядке насаждавшийся в чешском театре с начала 50-х годов, признавал только, по меткому выражению Гавела, "неантагонистические противоречия положительного с еще более положительным" [1], то он в своих пьесах мастерски обнажил абсурдность тогдашней чехословацкой действительности. Впоследствии в "Заочном допросе" Гавел скажет о себе так: "Я – писатель и свою миссию всегда понимал как обязанность говорить правду о мире, в котором я живу, раскрывать его страшность и убожество, и скорее предостерегать, чем давать указания к действию" [2. S. 12].

В чешской писательской среде 60-х годов Гавел занимал особое место. Происходивший из "буржуазной" семьи, он с большим трудом пробивался к высшему образованию, работал лаборантом, служил в армии, был рабочим сцены, заочно учился в Академии искусств, никогда не вступал в партию. Успех первых пьес принес ему широкую известность, но между ним и коммунистами-реформаторами, которым принадлежала ведущая роль в литературе того периода, сохранялась определенная дистанция. В 1968 г. Гавел стал председателем Круга независимых писателей, объеди-

яввшего беспартийных литераторов. После разгрома Пражской весны он превратился в лидера диссидентского движения, как один из главных организаторов "Хартии-77" подвергался репрессиям, около пяти лет провел в тюрьмах и лагерях. В ноябрьские дни 1989 г. Гавел возглавил "бархатную революцию", после ее победы был избран президентом Чехословакии и, затем – Чехии.

До августа 1968 г., кроме "Праздника в саду", Гавел написал еще две пьесы: "Уведомление" и "Трудно сосредоточиться". В диссидентский период им был создан "ваньковский" (по имени главного героя первой пьесы – писателя-диссидента Ванека) цикл одноактовых пьес: "Аудиенция", "Вернисаж", "Протест" и несколько пьес "полнометражных". Из всех произведений Гавела собственно политической можно назвать лишь пьесу "Заговорщики", написанную сразу после поражения Пражской весны. Но именно эту пьесу драматург считал своей самой большой неудачей. Содержание всех других его произведений весьма далеко от реальных политических битв того времени, оно от них как бы абстрагировано. И вместе с тем пьесы Гавела безусловно злободневны: они говорят о положении в обществе, в первую очередь, посредством своей особой поэтики.

В пьесах Гавела – минимум действия, минимум интриги, повторяются сюжетные ходы, конфликтные ситуации. При этом важнейшая роль отводится языку, слову, "фразе". Объясняя особенности своей творческой манеры, Гавел писал: "Я автор-конструктор. Признаю, что мои пьесы имеют в основе конструкцию и я намеренно делаю ее заметной, акцентирую, открываю, иногда даже придаю ей откровенно геометрические, четкие контуры – надеясь, что это не будет воспринято как неуклюжесть или самоцельная нарочитость, что в этом уловят определенный смысл" [2. S. 166]. Это же относится к языковым построениям, к многократному, часто симметричному, повторению одних и тех же фраз.

Так, в пьесе "Праздник в саду" изображена молниеносная карьера молодого человека Гуго Плудека, который, случайно оказавшись на празднике "Конторы по ликвидации", пути которого перекрещиваются с не менее загадочной "Конторой по учреждению", завоевывает доверие начальства своим умением на лету подхватить и глубокомысленно повторять фразы об "учредительстве как специфической форме (или методе) воспитательной работы". В этой пьесе, как и в других, содержится острая сатира на псевдомарксистское пустословие ("метафизическую диалектику"), но эта сатира распространяется и на любое пустопорожнее говорение на базе любой идеологической или научной системы. По сути, автор выступает как против марксистской демагогии, так и против антидогматического фразерства.

В пьесах диссидентского периода запечатлены некоторые характерные приметы режима "нормализации", когда сам Гавел, как и герой "Аудиенции", вынужден был стать подсобным рабочим на пивоваренном заводе. Однако значение этих пьес не сводится к воспроизведению конкретной исторической обстановки. И в "ваньковском" цикле, и в "больших" пьесах тех лет ("Искушение", "Реконструкция" и др.) поднимаются серьезные проблемы, с которыми человек сталкивается на современном этапе развития европейской цивилизации. Остроумная комедийная форма не снижает значения этих проблем, а лишь "остругивает" их.

Гавел свободно использует приемы "театра абсурда", обращается к интертекстуальности (мотивы "Фауста" в "Искушении", "Замка" Кафки – в "Реконструкции" и т.п.), снова и снова ведет затейливую игру с языком. Он открещивался от психологизма, но не избежал его в "Largo desolato" ("Скорбное ларго"). В этой пьесе, которую, как и "ваньковский" цикл, критики считают автобиографической, дан весьма иронический портрет диссидента-интеллектуала, уставшего от неравной борьбы с режимом и от возлагаемых на него поклонниками (и поклонницами) восторженных надежд, но способного упиваться даже собственной слабостью и опустошенностью.

После избрания президентом Гавел не выпустил в свет ни одной пьесы, однако лучшие из его произведений, такие как "Largo desolato" или "Вернисаж", продолжают

идти на сценах чешских и некоторых зарубежных (в том числе московских) театров. Автор сумел сказать свое очень важное и нужное слово в нужное время, но оно не потеряло ценности и в кардинально изменившейся общественной обстановке.

© 1999 г. С. А. ШЕРЛАИМОВА, д-р филол. наук

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Havel V. Protokoly. Praha, 1966. S. 75.
2. Havel V. Dálekový výslech. Praha, 1989.

ЭЛЕМЕНТЫ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ В СЛОВАЦКОЙ ДРАМАТУРГИИ

В 70-е годы драматургия занимала особое, порой главенствующее положение в словацкой литературе, что было обусловлено, с одной стороны, кризисными явлениями, более явственно затронувшими другие роды и жанры литературы, а с другой – продолжавшимся в эти годы подъемом театрального искусства, расцветом творческих коллективов и ярких индивидуальностей – актеров, режиссеров, драматургов. В сферу притяжения театра попадали и поэты, и прозаики. Нередко "новая" сфера их творчества несла на себе следы "основной" – поэт не мог "скрыть" свой поэтический дар, а прозаик широко использовал в драматургии инструментарий прозы.

Пьесы поэта Л. Фелдека и прозаика П. Ковачика пользовались в свое время большим успехом, но позднее они ставились все реже и постепенно из разряда театральных перешли в разряд "книжных", или "пьес для чтения", более тесно включаясь в литературу. Этому способствовала и издательская практика: лучшие пьесы выходили в солидном книжном издании с предисловиями, комментариями, иллюстративным материалом.

Три пьесы Л. Фелдека – "Метафора", "Аппетитная тетушка" и "Яношик по Вивальди" были изданы в 1982 г. под общим названием "Печальные комедии". Отличающиеся яркой театральностью, стремительностью действия, зрелищностью, они построены на прочном литературном каркасе, полномесном художественном слове, образе, метафоре. Сам Фелдек говорил об этом в интервью так: "Поэтическая пьеса в моем представлении – это пьеса, в которой благодаря созвучию литературных и театральных средств рождается большая сценическая метафора. Пусть даже без единого стиха...". Стихотворная речь используется автором как инструмент сатирического заострения, пародии, гротеска, как, например, в пьесе "Метафора". В духе жанра – действие пьесы происходит в варьете – написаны куплеты действующих лиц: директора, его жены, певички Бригиты, песенки-комментарии Автора. Важную роль играют ремарки, где не только уточняется характеристика мизансцены, жеста, интонации, но и содержатся элементы постановки, режиссуры, задействуется зрительный зал.

Пьесы Фелдека построены на поэтическом "фокусе" – материализации метафоры. Главный герой "Метафоры" – Автор – теряет голову сначала в переносном, а потом и в прямом смысле слова и продолжает действовать в двух отдельных частях – в виде бесполового блуждающего тела и вещающей головы, которые воссоединяются лишь в финале. В пьесе "Аппетитная тетушка" обыгрывается второй, "гастрономический", по словам комментирующего действие "хора" смысл выражения – пепел умершей тетушки-эмигрантки на самом деле поглощается ее родственниками, принявшими его за заграничный кофе. Пьеса "Яношик по Вивальди" написана как гротесково-мета-

форическая полемика с искаженной псевдофольклорными наносами словацкой народной легендой о справедливом разбойнике Яношике. Фелдек раздвигает узкие рамки словацкой провинции и выводит на сцену венский двор, короля Карла VI и юную принцессу Марию Терезию, играющую на клавесине Вивальди. Все действие от начала до финала сопровождается своего рода хор – Народ – в роли коллективного действующего лица, подпевалы, комментатора. Народ становится то толпой крестьян, то разбойничьей шайкой, то толпой зевак у виселицы Яношика, а в финале вбирает в себя всех действующих лиц. Фелдек облакает все произносимое Народом в стихотворную форму, пародирующую размером и лексикой фольклорные баллады.

В творчестве прозаика П. Ковачика пьеса «Корчма "Под зеленым деревом"» (1976) стала первым и самым успешным опытом драмы. В послесловии к книжному изданию Я. Штевчек называет пьесу "метафорой человеческого несчастья". Все действующие лица – люди, потерпевшие крушение, духовно или физически сломленные, и их попытка изменить свою жизнь или хотя бы остаться "на плаву" заканчивается крахом. В характеристике действующих лиц и в развитии действия Ковачик использует – наряду с монологами, диалогами и другими средствами драматургии – элемент и средства эпических жанров. Поэтому к его пьесе более применительно определение "пьеса для чтения". В структуру пьесы, отодвигая в сторону диалоги, проникает повествователь. Прозаик реализует себя в обширных ремарках, подробных и ярких описаниях места действия и предыстории событий. Не довольствуясь речевыми характеристиками, автор снабжает своих героев развернутыми характеристиками-представлениями с описанием их внешности, нрава и подробностей из прежней жизни: "Американец – высокий, крепкого сложения, держится с достоинством. По природе своей легкий и веселый. Любитель приключений, но притом человек чести. Всегда аккуратен и прилично одет. Правда, его костюм уже давно пережил свои лучшие времена... Когда-то он ездил на заработки в Америку, привез оттуда, говорят, кучу долларов, которые теперь потихоньку тратит...".

Использование словацкими авторами в пьесах элементов прозы и поэзии обогатило арсенал драматургии и способствовало развитию и повышению художественного уровня словацкой драмы как театрального явления и как неотъемлемой части литературы.

© 1999 г. Л.Ф. ШИРОКОВА

"ТРАГЕДИЯ ЧЕЛОВЕКА" ИМРЕ МАДАЧА: СЮЖЕТ И ЖАНР

Драматическая поэма "Трагедия человека" (1861) И. Мадача (1823–1864) – произведение уникальное не только в венгерской, но и в мировой литературе. Рассмотрим хотя бы его формальный "сюжет": сколько ни перебирай писательские имена, эпохи, художественные направления, не найдешь пьесы, поэмы, романа, где путь человечества был бы художественно осмыслен вот так, целиком, с самого "начала" – в буквальном смысле слова "от Адама и Евы" – и до самого "конца", до "последних" людей на покрытой льдом Земле, умирающей под остывшим Солнцем.

О самостоятельности Мадача, и философской, и художественной, лучше всего говорит способ художественного оформления той грандиозной проблемы, которую он поднимает в поэме. При всей фантастичности, абстрактности его замысла здесь все логично и взаимосвязано. Адам и Ева, вкусившие от плода познания, жаждут знать, что их ждет впереди. Люцифер – для того он и подбивал их сорвать злополучное яблоко! – спешит предоставить им такую возможность. Погрузив первых людей в гипнотический сон, он ведет их по основным этапам будущей истории. Вот Адам –

египетский фараон; вот он – военачальник в древних Афинах; римский патриций; рыцарь-крестоносец; алхимик в средневековой Праге; Дантон в революционном Париже, отправляющий на казнь, под восторженный рев толпы, аристократов; вот он – в капиталистическом Лондоне; затем – в социалистическом фаланстере, царстве доведенного до абсурда равенства (Микеланджело, например, вынужден строгать ножки для стульев); наконец, он появляется в тундре, возле жилища эскимосов – последних людей, охотящихся на последних тюленей.

Из венгерского литературного контекста "Трагедия человека" выбивается не столько, может быть, языком и стилем, не столько даже идейной наполненностью, сколько способом художественного воплощения тех идей, которые Мадач считал необходимым поставить в своей драматической поэме.

Венгерская литература XIX в. в силу многих причин находилась в ареале немецкого культурного влияния. В начале столетия, пока был силен классицизм, очень большим авторитетом пользовалась, естественно, античная классика. Конечно, оба эти источника влияния оказывали воздействие не на одного И. Мадача; однако он воспринял их более непосредственно, не столь сильно процеженными через национальные традиции, как это было у многих его современников.

Начать с того, что название его драматической поэмы, "Трагедия человека", следует понимать не буквально. Это – трагедия, но в исконном, классическом смысле слова; правильнее было бы сказать – "Трагедия о человеке", т.е. некое высокое действие, где сталкиваются титанические силы и решаются конфликты, определяющие судьбы человечества. Но это – момент, лежащий на поверхности. Сложнее логика художественно-философских доводов, с помощью которых Мадач выражает свое видение человека, его истории, его судьбы, его будущего.

"Трагедию" трактовали и как богоискательское произведение, и как богоборческое; в ней видели исторический оптимизм и исторический пессимизм; утверждение прогресса и отрицание оногo. Идеи, на которые опирался в своем осмыслении человека и его места в мире Мадач, возводились исследователями к Шеллингу, Фейербаху, Гегелю, О. Конту, Руссо и т.д. Но чаще всего упоминается в связи с "Трагедией человека" все-таки Гегель. Действительно, в одиннадцати "исторических" сценах "Трагедии" предстает масштабная перспектива, каждый этап которой изображен в кульминационной точке его развития, когда он разрушается собственными противоречиями, отрицая себя и переходя в иное качество. Эта великолепная перспектива была бы, вероятно, немислима без знакомства с диалектикой. Но в этой вполне гегельянской перспективе отсутствует чрезвычайно важный для гегелевской диалектики сущностный момент: момент *развития*. Человек, в лице Адама, созревает, набирается опыта, стареет – но в сущности остается тем же.

Последние исследования показывают, что в своем осмыслении прошлого и будущего Мадач опирался скорее на Канта, и диалектика, воплощенная в веренице "исторических" сцен, – это *кантовская* диалектика. Каждая из "исторических" сцен – своеобразное художественное воплощение некоего *абсолютного принципа*: абсолютной власти (Египет), абсолютной демократии (Афины), абсолютного равноправия (фаланстер) и т.д. В каждой сцене Адам, с помощью Люцифера (который тоже воплощает абсолют – абсолют сомнения, отрицания), движется от воодушевления к разочарованию. Но неверно представлять его путешествие в будущее как путь ко всеобъемлющему отрицанию, к выводу о бессмысленности бытия, действия, разума. Да, Люцифер все время торжествует над наивностью, идеализмом Адама; но дело на самом деле сложнее. Хотя бы потому, что в каждой сцене присутствует, выполняя некую "корректирующую" функцию, Ева. Она – материализация *практического разума*; она воплощает родство человека с природой, сферу естественного.

Эта функция образа Евы достигает кульминации в финальной сцене, где Адам, сломленный циничной логикой Люцифера, готов прекратить бесплодную борьбу и уйти в небытие. И лишь слова Евы: "Я скоро стану матерью, Адам"! – при всей внешней несвязанности этого факта с мучительными поисками Адама, коренным

образом меняют его отношение к жизни и к будущему, которое показал ему Люцифер.

Смысл "Трагедии человека", таким образом, не исчерпывается знаменитыми словами Господа, завершающими поэму: "...о человек, борись и уповай!". Но смысл, конечно, и не в апологии бездумного, растительного бытия, где самоцель – продолжение самого себя, продолжение рода. Смысл произведения – в утверждении такого важного для Мадача принципа, как *свобода воли*. Адам лишь формально ведом по этапам истории Люцифером: на самом деле его ведет жажда свободного выбора. И когда он, с помощью Евы, делает окончательный выбор, добровольно становясь на тот путь, бесплодность которого ему как будто наглядно доказал Люцифер, – Господь прощает его за непослушание и дает ему (и в его лице – всему человечеству) свое благословение.

Почему Мадач избрал для осмысления и раскрытия своей темы жанр драматической поэмы? Ответ в общем-то как бы напрашивается сам собой: недаром же и Мильтон, и Гёте, и Байрон (и наш Лермонтов) подобные темы поднимали в поэмах или в поэтических драмах. Однако не все объясняется влиянием образцов. К тому же и Просвещение, и романтизм (как литературная эпоха) были уже позади. Годы, когда Мадач создавал свою поэму, в Венгрии были эпохой безвременья, когда высшим законом был произвол, средством поддержания порядка – репрессии. В результате поражения была разрушена структура гражданского общества, которое интенсивно формировалось в 30–40-е годы. "Для угнетенного, – пишет венгерский литературовед Ш. Штрикер, современный исследователь И. Мадача, – не существует общественных законов, на которые он мог бы сослаться, не существует общественного публичного мнения, к которому он мог бы взывать. Поэтому он вынужден обращаться непосредственно к мирозданию, к Богу и Року: кроме собственного бытия, у него нет иной надежной точки для ориентации" [1]. Вот почему героями Мадача становятся не жизнеспособные фигуры, а воплощения вечных начал: Бог, Люцифер, Адам, Ева.

Объяснение, которое дает Штрикер, довольно убедительно; примерно в том же направлении развивается в этот период творчество венгерских поэтов М. Верешмарти, Я. Араня, Я. Вайды. Но объяснение это – не исчерпывающее: со схемой, нарисованной Штрикером, плохо сочетается творчество таких писателей, как М. Йокаи, Ж. Кемень, которые в этот период создавали неплохие – и вполне жизнеспособные, хотя во многом и романтические по способу осмысления жизни – романы и рассказы. Это обстоятельство свидетельствует о том, что взаимосвязь между творчеством и общественной действительностью сложнее, чем хочется думать. Но тем не менее объяснение Штрикера в какой-то мере отвечает положению дел: может быть, в той мере, в какой поэзия отличается от прозы? Дать утвердительный или отрицательный ответ на это предположение "между делом" нельзя: для этого необходим более обстоятельный разговор.

© 1999 г. Ю. П. ГУСЕВ, д-р филол. наук

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Striker S. Az ember tragédiája rekonstrukciója. Budapest, 1996. 236. o.

МОЛОДОЙ Д. ЛУКАЧ КАК ТЕАТРАЛЬНЫЙ КРИТИК И ИСТОРИК ДРАМЫ

Личность Дьердя Лукача (1885–1971), парадоксы его духовной эволюции не перестают привлекать внимание исследователей новейшей философии, посвятивших ему не одну тысячу работ. В то же время деятельность молодого Лукача как теоретика и историка драмы и театрального искусства еще не получила достаточного освещения.

Литературный дебют Лукача состоялся в год окончания гимназии (1902) в амплу театрального критика. Уже в первых рецензиях, написанных под несомненным влиянием модного на рубеже веков венского критика-импрессиониста А. Керра, проявился интерес к серьезной литературе: Лукач писал о Г. Гауптмане, несколько позже об Г. Ибсене. Показательно и другое: в самых ранних своих, еще незрелых опусах будущий философ уже не боялся идти наперекор устоявшемуся общественному мнению.

В поисках путей обновления современной ему венгерской культуры Лукач, еще будучи студентом, с группой единомышленников основал при финансовой поддержке отца театральное общество "Талия", ставшее вехой в истории венгерского театра. Предпринятая "Талией" (впервые в Венгрии) постановка пьес Г. Ибсена, А. Стриндберга, Г. Гауптмана, А. Чехова, М. Горького явилась броским вызовом вкусам мещанской публики, привыкшей видеть на будапештской сцене сладострастную сентиментально-мелодраматическую банальщину или же избитые каноны третьеразрядной романтической драмы. Актив общества "Талия" составила молодежь, в том числе будущие знаменитости – композиторы Б. Барток и З. Кодай, один из основоположников эстетики кино Б. Балаж. Лукач и его единомышленники ощущали глубокую потребность не только в обновлении репертуара, но и в завоевании более широкой публики. Впервые в истории венгерского театрального искусства "Талия" (кстати, никогда не имевшая никаких связей с культуртрегерским социал-демократическим движением) устраивала спектакли специально для пролетарской аудитории. Опыт работы в "Талии" сказался уже через несколько лет в историко-литературных работах Лукача и прежде всего в "Истории развития современной драмы" (1911), которую отличало особое внимание именно к социологическим проблемам литературы, воспринятым сквозь призму новейшей немецкой философии.

И в сборнике эссе "Душа и формы" (1910), и в "Истории развития современной драмы" Лукача занимала проблема трагического отчуждения современного человека от социальных форм, бытующих в обществе. Он попытался раскрыть на материале истории европейской драмы социально-исторические истоки того душевного состояния, которое определялось обостренным чувством одиночества, изолированности индивидов в окружающем мире.

Анализируя исторические корни возникновения и основные тенденции дальнейшей эволюции драмы как литературного жанра, особенно отчетливо передающего межличностные связи и выражающего общественные противоречия, Лукач в определенной мере использовал методологию своего гейдельбергского учителя М. Вебера, придававшую решающее значение не реальному бытию исследуемых объектов, а исходному ракурсу зрения историка. Популярная в то время неокантианская методология подчеркивала активное начало в познавательной деятельности, предлагала исследователям субъективные мыслительные средства ("идеальные типы") для сцепления рассыпающихся фактов, овладения эмпирией во всем ее многообразии.

Наиболее последовательным воплощением драматического жанра, согласно Лукачу, является трагедия. Последняя воспринималась венгерским философом как аутентичная форма современной жизни, нашедшая выражение и в литературе. Трагизм бытия, в основе которого лежит отчуждение, одиночество изолированных индивидов – метафизическая, а не просто социально-историческая реальность (вечный характер

трагического в жизни людей заключается в заведомом фатализме, безысходности, невозможности изменить судьбу, будь то индивида или целого класса, общественного слоя). Вместе с тем в каждую эпоху трагическая реальность приобретает конкретные очертания. Своего апогея трагедийное начало достигает в век упадка того или иного класса, в период, когда лучшие его представители, люди, воплощающие в себе его наивысшие возможности, претерпевают на глазах всего общества жизненный крах, имеющий надличностное значение. Так было, например, в эпоху расцвета древнегреческой драмы, пришедшуюся на годы кризиса афинского полиса. Если класс переживает период подъема, он не ощущает трагизма своего существования – трудности осознаются как временные и проходящие, и подлинная трагедия невозможна. Даже Ф. Шиллер, живший в эпоху подъема немецкой буржуазии, не обладал абсолютным трагическим мироощущением и в "Марии Стюарт" ослабил чистоту трагедийного начала, сделав упор на греховности своей героини. Без подлинно трагического мироощущения, отрицающего свободу воли, трагедия так и останется всего лишь эстетическим упражнением, "уроком на заданную тему". Начавшийся упадок буржуазии как класса лежит в основе современной драмы, корифеем которой Лукач считал Г. Ибсена.

Экзистенциально-трагическое мироощущение молодого Лукача, таким образом, довольно парадоксально сочеталось с его склонностью к конкретному социально-историческому анализу, на что впоследствии многократно обращали внимание французский экзистенциалист Л. Гольдман и другие поклонники творчества раннего Лукача. Предпринятая венгерским мыслителем в книге об истории драмы попытка выявить социальные истоки тех или иных важнейших литературных явлений и целых жанров получила развитие в его последующих работах, в том числе относящихся к марксистскому периоду его творчества.

В 1910-е годы в работах Лукача акцент сместился на проблемы феноменологии искусства, теории романа, творчество Ф.М. Достоевского. Но интерес к теории и истории драмы Лукач сохранил и в дальнейшем – достаточно вспомнить его споры с Б. Брехтом 1930-х годов или соответствующие разделы позднего фундаментального труда "Своеобразие эстетического".

© 1999 г. А.С. СТЫКАЛИН, канд. ист. наук

ИСПОВЕДЬ В ЗАМКНУТОМ ПРОСТРАНСТВЕ ("НА ДНЕ" М. ГОРЬКОГО В ТЕАТРЕ НА ЮГО-ЗАПАДЕ)

Для Театра на Юго-Западе, вдумчиво и нетривиально относящегося к русской и зарубежной драматургии, особенно классической, постановка пьесы "На дне" стала первым обращением к Горькому. На наш взгляд, важно, что пьеса, освобожденная от грубых бытовых наслоений и несколько измененная композиционно, зазвучала здесь не в привычном заземленно-реалистическом, социально-конкретном ключе, а в контексте культуры русского модерна. Горький предстал как неоромантик с привкусом декаданса и определенной близостью к символизму.

Бытовое, приземленное с помощью пластических решений переводится в спектакле в условный план. Многое выражено средствами танца, пантомимы, таковы, в частности, пролог и эпилог спектакля, завершения кульминационных эпизодов. "Вещественным" остается самое значимое – символические действия: Настя за книжкой, игра в карты, копанье Бубнова в "гнилых ниточках". Большую роль играют музыка и свет, что характерно для режиссуры В. Беляковича. И все же перед нами драма, а не пластический театр: решающее значение имеет слово.

Текст пьесы "смонтирован" и подан так, что из отрывочных реплик составляются монологи-исповеди. В спектакле получаются не "картинки", а портреты, перед зрителем предстают судьбы, приобретающие обобщенное звучание. Намеренно нестройный гул голосов переведен в "полифонию", из которой образуются маленькие "соло" персонажей. Отрывочные фразы сливаются в "музыкальные темы", нарастают, переплетаются, как в оркестре. Диалог Анны и Луки, собранный "из кусочков", соединяется с изначально целостным диалогом Васьки Пепла и Василисы – так вечная тема жизни и смерти оттеняет тему любви и убийства, связанную с внешней сюжетной линией.

Персонажи спектакля – прежде всего люди, сохранившие в себе под слоем цинизма и пороков тягу к светлому, возвышенному, идеальному. Некоторые фигуры укрупнены, другие слегка "стушеваны" – опять же с помощью сценического слова. Персонажи рассказывают о своей судьбе главным образом зрителю, поверяя ему свои горести, надежды, сомнения. Наиболее выразительны монологи-исповеди Актера, Анны, Наташи, Клеца, Настя.

Сатин (В. Афанасьев) в этой постановке – как раз немного "стушеванный" персонаж, по-настоящему заметный в "школьно-хрестоматийных" монологах о правде и человеческом достоинстве. Эти монологи смещены к финалу, а вся бытовая "суэта" в конце четвертого действия пьесы (перед известием об Актере) снимается в пластически-условном плане, в торжественно-символическом танце. Лихорадочно напряженные речи Сатина, с их несбыточной правильностью, становятся той "песней", которую "испортило" сообщение о самоубийстве Актера. Причем реплика о самоубийстве вложена не в уста Барона, что оказалось одной из самых сильных, шокирующе точных находок режиссера. О конце Актера сообщает... призрак самого Актера, и это вполне естественно в похожей на сон атмосфере спектакля. Так обнажается связь между обобщенным Человеком из рассуждений Сатина и конкретным человеком – Актером.

Образ Актера в спектакле значительно вырастает. Неслучайно на эту роль был выбран артист уникального таланта, сам по себе воплощение артистизма – Виктор Авилов. Его персонаж несет в себе столь значимое для искусства модерна творческое начало. Театр, творчество в спектакле – одна из тех жизненных ценностей, которые способны воскресить в человеке человеческое. Возвращение к жизни для Актера – это возвращение на сцену. Символический образ Актера вбирает в себя и трагические судьбы русской творческой интеллигенции. В пьесе Актер роняет короткие несвязные фразы – и режиссер не только их соединяет, но и ненавязчиво расширяет текст, главным образом за счет двух монологов, вырастающих из авторских "зерен". Один из них – монолог об "аплодисментах", о силе творчества. Безуспешно попытавшись прочесть Луке любимое стихотворение, Актер рассказывает страннику о "настоящих аплодисментах", восторге и благодарности публики, о состоянии артиста в минуты вдохновения. Это становится гимном творчеству, одним из ярчайших эпизодов спектакля. Второй монолог – предсмертный рассказ о вещем сне, открывшем Актеру путь в мир иной. Словесным вступлением к спектаклю, своего рода эпиграфом, стало любимое стихотворение Актера о "сне золотом". Тем самым Актер открывает спектакль и закрывает его – уже после смерти.

Почти никто из обитателей подвала не способен преодолеть условно замкнутого пространства, которое на самом деле – замкнутость души. Ночлежка, тюрьма или смерть – вот альтернативы. Символом замкнутого пространства становится петля – сужающееся, удушающее кольцо. Петля прежде всего означает реальную "удавку" – затянувшись, она даст "выход" в мир иной, и она в этом качестве многократно обыграна в пьесе и в спектакле. "Замкнутостью", на наш взгляд, объясняется и такое изменение текста: Наташа не пропадает без вести, а сходит с ума – остается в своем скорбном мире.

Образ Луки в спектакле Театра на Юго-Западе вначале ошеломляет своей нетрадиционностью. Речи его (С. Белякович) звучат не вкрадчиво и исподволь, а в полный голос. Сильный, красивый, далеко не старый мужчина с уверенной поступью – он

единственный из всех, кому удалось вырваться из замкнутого пространства ночлежки. Его душа изначально разомкнута, в нем – по мысли режиссера – живет неистребимый дух народа, пытливый и выносливый. Лука пробуждает в ночлежниках волю к настоящей жизни, понимание своего предназначения.

Монологи и диалоги Луки не претерпели в постановке существенных изменений, но они подчеркнуты, перемещены в идейный центр спектакля (что, в общем, соответствует концепции Г.Д. Гачева [1]). Голос Луки словно продолжает звучать в финале – в высказываниях Актера, Насти, Сатина, Барона, Клеца.

Интересно, что Луку ночлежники в спектакле называют не "стариком" (ведь он не стар), а "странником" – как Гаэтана в "Розе и Кресте" А. Блока. Это подчеркивает его "незамкнутость" в пространстве.

Проведенный анализ показывает, как по-новому можно представить классическую, даже кажущуюся "избитой", пьесу, не делая из нее нечто неузнаваемое "по мотивам" и не перелицовывая в угоду конъюнктуре и моде. При талантливом, умелом и продуманном подходе к тексту пьесы возникает магически-трансформирующее соединение слова и сценического действия.

© 1999 г. *Н.В. ШВЕДОВА*, канд. филол. наук

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гачев Г.Д.* Логика вещей и человек: Прение о правде и лжи в пьесе М. Горького "На дне". М., 1992.

РЕМАРКА КАК ПОДСКАЗКА ПОСТАНОВЩИКУ

Превращение письма драматического (текст) в письмо сценическое (спектакль) – процесс сложный, в современном же театре – сложнейший и часто пугающе нерезультативный, особенно, когда это касается классического репертуара.

Одной из отмычек, шифром к гармоническому, эстетически и идейно адекватному "переводу" с языка драмы, литературного, на язык сцены, театральный, является скромная, казалось бы, ремарка. Ремарка, сопровождающая основной драматический текст, включает в себе авторскую подсказку, уточнение, категорическое требование к режиссеру, либо постановщику, либо актеру. Как ни странно, термин "ремарка" отсутствует в известном "Словаре театра" Патриса Пави – его заменяет понятие "сценического указания", которое определяется как "любой текст, не произносимый актерами и предназначенный для облегчения понимания или указания манеры представления пьесы" [1]. Возможно, "ремарка" для Пави – термин сугубо литературоведческий, однако традиционная трактовка содержания этого понятия является наиболее полной, тождественной предмету толкования и даже исторически адекватной. В "Литературном энциклопедическом словаре" ремарка раскрывается "как указание автора в тексте пьесы (обычно в скобках) на поступки героев, их жесты, мимику, интонацию, на психологический смысл их высказываний, на темп речи и паузы, на обстановку действия" [2].

Роль и значение ремарки в драматическом тексте претерпевают кардинальные изменения в различные историко-художественные эпохи. В античном театре и средневековой мистерии ее миссия сведена в лучшем случае к информации о появлении действующих лиц; крайне редко она встречается в текстах Возрождения и барокко. Скупа, но уже весьма весома ремарка в драматургии XVIII в. (к примеру, в трагедии

А.П. Сумарокова "Ярополк и Димиза", впервые поставленной в Императорском театре в Санкт-Петербурге в 1758 г., где самая крупная ремарка сопровождает заключительный оправдательно-покаянный монолог Владисана): "Слагаются с Ярополка око-вы".

В произведениях реалистической драматургии первой половины XIX в. ремарка играет существенную роль для раскрытия и темпа действия, и психологии персонажей, причем этот факт связан не только с углубленным вниманием авторов к характеристике своих героев и их поступков, но – несомненно – и с появлением в театре нового, самостоятельного творческого деятеля – профессионального режиссера, перенимающего эстафету ответственности за содержательное и эстетическое наполнение спектакля у прежних "патронов" постановки – архитектора, декоратора, ведущего актера труппы. История театра знает немало случаев, когда авторы, разумеется, крупного масштаба, используя ремарки, на многие годы и десятилетия предопределяли существенные черты будущих постановок по своим текстам в самых различных театрах, у самых разных по стилю режиссеров. Классическим образцом служит знаменитое гоголевское предведение "Характеры и костюмы. Замечания для господ актеров" к комедии "Ревизор". После авторского указания невозможно представить иную прическу у Городничего, нежели: "Волоса на нем стриженные, с проседью", иную организацию и построение кульминационной немой сцены, нежели с "Городничим посредине в виде столба, с распростертыми руками и закинутою назад головою" и с "окаменевшей группой", почти полторы минуты сохраняющей такое положение до опускания занавеса.

И, наконец, эпическое изобилие беллетризованных ремарок в высшей степени свойственно драматическим текстам эпохи модерна рубежа XIX–XX вв., когда на главенствующее положение во всем театральном процессе властно претендует режиссер, когда так называемый режиссерский театр становится лидирующим творческим направлением в театральном развитии, когда в сознании художественной и культурной общественности успех спектакля почти целиком связан лишь с личностью режиссера. Таковы ремарки чеховских пьес, фиксирующие строгую авторскую волю, к примеру, та, что открывает второе действие "Вишневого сада": "Поле. Старая, покривившаяся, давно заброшенная часовенка, возле нее колодец, большие камни, когда-то бывшие, по-видимому, могильными плитами, и старая скамья. Видна дорога в усадьбу Гаева. В стороне, возвышаясь, темнеют тополя: там начинается вишневый сад" и т.д.

Остановимся на пьесе Л.Н. Андреева "Собачий вальс", работа над которой была начата драматургом осенью 1913 г. и после некоторых перерывов завершена к сентябрю 1916 г. Из множества развернутых, точных и тонких ремарок пьесы, где слышен голос повествователя, где явственен эпический элемент, следует продемонстрировать хотя бы две. Первая, пространственно-временная, где, однако, выверенность координат внешней обстановки нацелена прежде всего и главным образом на раскрытие статуса персонажей как социального, так и психологического, открывает первое действие "поэмы одиночества" (подзаголовок пьесы): "За стеной поют песенку маляры. Песенка тихая, без слов, монотонная. У письменного стола Генриха Тиле сидит его брат Карл, студент. Квартира новая, еще не вполне отделанная, и комната, в которой находится Карл Тиле, также не закончена. По назначению это гостиная, и уже в соответствующем строгом порядке расставлена новенькая мебель: кресла, полукресла, круглый стол перед диваном, овальное зеркало; но нет ковров, нет драпери и картин. И стоит посередине небольшой стол, накрытый для обеда. Все в комнате угловато, холодно, безжизненно – жизнь еще не начиналась. Слишком сильно блестит новенький рояль, но на попире уже разложены ноты" [3. С. 249].

Второй пример – ремарка, где автор детально знакомит будущего исполнителя и, конечно же, читателя, с психофизическим и эмоциональным состоянием героя, приводящим к трагической кульминации его поступков – самоубийству: "Играет – сперва громко, потом все тише. К концу, оборвав музыкальную фразу, падает на рояль и

беззвучно плачет. Молча и осторожно закрывает крышку рояля, берет со стола револьвер и идет к спальне... Останавливается, говорит неторопливо. С недоумением осматривает комнату... Уходит в спальню. Мгновение тишины. Снова выходит из спальни – уже без жилета – и что-то озабоченно и молча ищет. По-видимому, или забыл, или не находит. Ищет. И не найдя и уже перестав думать о том, что искал, теми же быстрыми шагами уходит в спальню" [3. С. 299].

Очевидно, что должное внимание к ремарке как второстепенному тексту, к ее соотношению с текстом основным может многое прояснить в исторической эволюции драмы как словесного жанра и театра как синтетического искусства.

© 1999 г. Ю.И. РИТЧИК

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пави П. Словарь театра. М., 1991. С. 393.
2. Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С. 322.
3. Леонид Андреев. Собр. соч. в 6-и т. М., 1995. Т. 6.

ДИАЛОГ В ДРАМЕ И ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ

Внимание к диалогу как форме речевой коммуникации проявилось в отечественной науке еще в начале века. В трудах Л.В. Щербы, Л.П. Якубинского, М.М. Бахтина, В.В. Виноградова диалог, наряду с монологом, рассматривается как один из видов речевой деятельности, предметом особого внимания становятся факты их "смешения и взаимодействия" (В.В. Виноградов).

Материалом для изучения диалогической речи долгое время служила художественная литература, прежде всего – драматургия. Здесь было сделано много интересных и важных наблюдений относительно особенностей структуры диалогического текста, структурно-семантических типов реплик, способов и средств их связи, их стилистического своеобразия в художественном произведении (см., например, статью Г.О. Винокура «"Горе от ума" как памятник русской художественной речи», 1948).

Исследование живой разговорной речи, начатое в 60-е годы, дало возможность не только подтвердить многие выводы, сделанные на материале драматургии, но и показать принципиальные различия диалога в художественном произведении и устном непосредственном общении.

Художественный диалог, развивающийся по законам драматургического действия, по своей природе, по своему назначению не может являться простым воспроизведением живого разговора. В отличие от разговорного диалога, возникающего спонтанно и отражающего неподготовленность речи собеседников и их совместное участие в создании единого текста, художественный диалог возникает под пером писателя, чей "голос" присутствует и в репликах, и в ремарках, определяя общую стилистику пьесы. От авторского замысла зависит и язык персонажей, действующих лиц, представляющий собой не точную копию разговорной речи, а некий "литературно-обобщенный заменитель этой речи" (Т.Г. Винокур).

В языке и структуре реплик проявляется еще одна особенность драматического диалога – ориентация на "потенциального" участника – зрителя (читателя, слушателя). Наличие "двойного адресата" принципиально отличает драматический диалог от обычного непринужденного разговора, но сближает его с другим видом устного общения – диалогом публичным.

Для русского языка 90-х годов, отражающего новую общественно-политическую реальность России, характерна актуализация публичной речи, и в первую очередь – публичного диалога, т.е. диалога, происходящего в условиях официальности и предназначенного для широкой публики. Это, прежде всего, радио- и телеинтервью, теледискуссии и диалоги за "круглым столом", разнообразные "ток-шоу". Такие типы публичной речи объединяются общим структурно-языковым признаком – "реплицированием". Обмен высказываниями-репликами составляет сущность любого диалога и создает особый тип текста.

Основной единицей текстовой организации публичного диалога выступает "реплика" (хотя при анализе драматического текста иногда выделяют и более сложные строевые единицы, такие как "диалогическое единство", "диалогический фрагмент", "блок", "сегмент" и др.). Именно содержательные и структурные характеристики реплик (наряду с экстралингвистическими факторами – темой, целью и ситуацией общения) определяют тип публичного диалога. В ситуации "интервью", например, могут иметь место не только короткие "собственно-вопросы" и "собственно-ответы", но и "вопрос-побуждение", "вопрос-констатация", "косвенный ответ", уход от прямого ответа путем развития новой темы, лирических отступлений и т.п. В других типах диалога реплика может представлять высказывание в форме пространного рассуждения, развернутого объяснения, обоснования и т.д. (например, диалоги "за круглым столом"). Однако несмотря на значительную протяженность реплики, при диалогическом общении она связана и тематически, содержательно, и рядом языковых скреп, контактных слов, повторов с другими репликами и не является независимым монологом. В то же время современный публичный диалог создает новые типы текстовых структур, где нет четких границ между монологическими и диалогическими формами, где сам диалог используется лишь частично на фоне музыкальных или театральных вставок, как комментарий, как дополняющий, разъясняющий текст.

Новые явления в сфере устного общения в том или ином виде отражаются и современной драматургией, структура и язык которой многоплановы и разнородны. Полифония современной речи, широкое использование носителями литературного языка сниженной, разговорно-просторечной лексики, вольное обращение со словом и многое другое находит место в современной пьесе. В языке драматического произведения через реплику и ремарку отражается и языковая личность автора, и общий стилистический узус эпохи. Исследование лексики, синтаксиса, структуры реплики, речевого поведения персонажей остается актуальной задачей современной русистики.

© 1999 г. *Ел.И. ГОЛАНОВА*, канд. филол. наук

ИЗ СЛОВАРЯ "СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ"

Очередная подборка словарных статей, публикуемых в их предварительных версиях, относится к сфере народной ботаники (или этноботаники), изучающей традиционные представления о растительном мире в двух ракурсах: во-первых, как область практических народных знаний (номенклатура диких и культурных растений, приписываемые им свойства, их возделывание и использование в питании, лечении, хозяйстве, систематика и терминология и т.п.); во-вторых, как один из кодов семиотического языка народной культуры (мифология и символика растений, их магические свойства, ритуальные функции, этиология и т.п.). В словаре "Славянские древности" разрабатывается преимущественно второй аспект, хотя строго разграничить практические и мифологические представления о растениях далеко не всегда возможно – они самым тесным образом переплетаются и взаимодействуют друг с другом.

Специальные статьи посвящены в "Словаре" лишь некоторым, самым значительным элементам растительного кода, которые в совокупности должны дать представление о самой структуре ботанического фрагмента традиционной картины мира, характерных для него "параметрах" и способах мифологической трактовки и ритуального освоения растительных элементов, о системе признаков, применяемых для характеристики и оценки растений, и их иерархии и т.п. В славистике пока нет обобщающих работ о растениях, подобных недавно вышедшему "компендиуму" о животном мире (А.В. Гура. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997); несмотря на обилие конкретного материала, содержащегося в этнографических источниках и отдельных специальных исследованиях, и общепризнанную значимость ботанических данных для реконструкции архаической культуры и этногенеза славян, пока еще видны лишь контуры будущей сравнительной славянской этноботаники.

ЗЕЛЕНЬ – свежая растительность, используемая в ритуально-магической практике в качестве апотропея, средства, отгоняющего зло и обладающего живительной, продуцирующей силой; употребляется также в гаданиях, обычаях ряженья и т.п.

Положительно оцениваемые в народной культуре **признаки свежести, густоты, интенсивности зеленого цвета, присущие зелени**, проявляются как в запретах, поверьях, так и в магических приемах. Ср., например, запрет погонять скот сухой голый веткой, так как только зеленая ветвь с листьями могла передать скотине "свежесть", здоровье и резвость. У южных славян при первом весеннем выгоне скота использовали зеленые растения, чтобы корова "напредовала, као зелена" грана ["прирастала, как зеленая ветвь"] [1]. Словаки в сходной ситуации погоняли скот зеленой веткой, чтобы на пастбище было вдоволь зеленой травы и чтобы животные

были бы "свежими" [2]; пастухи Витебщины считали, что это обеспечит высокие урожаи. В Чехии зеленую веточку втыкали в головной убор пахарю, отправлявшемуся на первую пахоту, чтобы всходы дружно зазеленели [3].

Формы ритуального использования свежей зелени (травы, веток, цветов, листы, букетов) в **весенне-летних календарных обрядах** в общих чертах сходны у всех славян: это сбор трав и заготовка растений для ритуальных, магических и лечебных целей; битье зеленой веткой домочадцев и домашних животных как средство против болезней и для придания бодрости; украшение зеленью дворов и построек; гадания с зеленью. В праздники Юрьева дня, Вербного воскресения, Вознесения, Семика, Троицы, Духова дня, Ивана Купалы, а у католиков также в период Зеленых Святков и в день Божьего Тела отправлялись срубать молодые деревца, ветки, заготавливать травы. Выход за зеленью во многих местах (особенно у южных славян) выглядел как ритуализованное действие: группы молодежи возглавляла женщина, хорошо знавшая обычаи, исполнялись обрядовые песни, при сборе трав плели венки, гадали по растениям и т.п. Пучки зелени, небольшие веночки носили в церковь, где их освящали, а потом сохраняли в течение года для лечения и производственной магии.

Принесенной из леса свежей зеленью украшали дома и постройки, колодцы, ульи, ворота и изгороди, затыкали над окнами и дверями жилища, в стены, под стрехи крыш; вносили в дом, стелили на пол, затыкали в красном углу за образа; в церквах прихожане расставляли молодые деревца возле клиросов, по углам храма, затыкали ветки в подсвечники, украшали ими иконы; дворы и улицы в деревнях превращались в зеленые рожи; определенные растения люди носили при себе, опоясывались ими, носили на головах сплетенные из них венки, украшали ими скот и даже птицу, а также хозяйственный инвентарь, молочную посуду; зеленые ветки или пахучие травы втыкали в огородные грядки и хлебные поля.

Судя по **мотивировкам** этих действий, зелень использовалась как универсальный оберег: считалось, что она защищает от болезней и эпидемий, сглаза и порчи; от колдунов и ведьм, нечистой силы, "ходячих" покойников; от стихийных бедствий (грозы, молнии, урагана, градобития, пожара); от змей и хищных зверей, насекомых-вредителей, червей, грызунов и т.п. Наравне с этим, контакт со свежей зеленью осмыслялся и как магическое средство, обеспечивающее плодовитость и успешное разведение скота, домашней птицы, урожайность злаковых и огородных культур. По данным "Словацкого этнографического атласа", наиболее типичным у словаков было использование троицкой зелени для защиты от пожара; как средство, обеспечивающее всхожесть посевов и как лечебное средство [4].

В отдельных случаях обычай украшения жилья зеленью мотивировался стремлением угодить русалкам, которые любили качаться на зеленых пушистых ветках деревьев (восточные славяне). У словенцев и чехов был известен обычай раскладывать в Иванов день под столом и по углам дома "купальские" травы, которые назывались "постелькой для св. Яна" (словен. *posteljica sv. Janezu*; чеш. *svatojanská postýlka*), так как считалось, что ночью приходит св. Ян и отдыхает на этой зелени [5].

Для некоторых обрядов "проводного" типа характерно использование свежей зелени для **ряженья** центрального персонажа: главную фигуру ритуального вождения частично или полностью закрывали листовыми ветками и травами, так что ряженный (Куст, Русалка, Тополя, Зеленый Юрий, Пеперуда, Додола), выглядел, как копна зелени.

Сама по себе зелень часто служила материалом для изготовления **ритуального символа**: троицкого, майского, купальского и др. обрядовых деревьев; уничтожаемое в купальском костре чучело "ведьмы" могло выглядеть как украшенное деревце, ветка, пучок травы, укрепленной на палке, как букет цветов (украинцы, белорусы); из растений чаще всего делали и фигурку "кукушки" в южно-русском обряде "крестить кукушку".

Всю использованную в обрядах зелень (так же, как и другие ритуальные объекты) на заключительном этапе праздников, как правило, **уничтожали** традиционными

способами: сжигали в костре, бросали в проточную воду, забрасывали в глубокие овраги или, наоборот, наверх (на дерево, крышу дома), разрывали на части либо оставляли ее с определенными магическими целями в доме, загонах для скота, в поле, на огородных грядках, хранили как лечебное средство и т.п. У украинцев карпатской зоны встречался обычай избивать сложенную в кучу купальскую зелень палками или забрасывать ее камнями [6].

В последний день Троицы или Русальной недели на Украине "катали" на троичкой зелени самую старую в селе бабу: ее сажали на ветки и тащили к корчме, где она угощала участников обряда [7]. В селах восточной Брянщины таким же образом "проводжали русалку": на ветки, украшавшие на Троицу дома и дворы, сажали девушку-русалку и вывозили ее за деревню.

В обрядах зимнего периода (прежде всего на святки) в качестве ритуальной зелени использовались хвойные и вечнозеленые растения, которыми украшали внутреннюю часть жилища, затыкали в двери хлева и конюшни (южные и западные славяне); участники колядных обходов или "полазники" разносили по домам хвойные ветки, считавшиеся охранительным и магическим средством (Карпаты). Для целей продуцирующей магии и гаданий все славяне использовали ветки с распустившейся листвой или цветами, которые задолго до Рождества приносили в дом и держали в воде. Во время праздничного ужина в Сочельник стол украшали зеленые всходы специально пророщенных семян злаков, считавшиеся символом жизненной силы и плодородия (а в пасхальных обрядности – и символом воскресения Христа).

В свадебных обрядах зелень служила материалом для изготовления венков, для украшения свадебных гостей, обрядового караваая, свадебного деревца и знамени. Болгары считали, что в венке невесты даже в зимнее время (когда его делали из сухих цветов) должна быть свежая зелень [8].

В гаданиях с зеленью определяющими признаками (осмысляемыми как положительный прогноз) считались: своевременное появление листвы на заранее срезанных и поставленных в воду ветках; сохранявшаяся длительное время свежесть растений; удачное забрасывание букетов и венков с первой попытки наверх (на дерево, на крышу) и т.п.

Широкое распространение у славян получил обычай гадать по свежей зелени следующим образом: кто-либо из домочадцев, загадывая на всех членов семьи (либо каждый на себя самого) о жизни или смерти, подвешивал на ночь под крышу дома (под окном, над дверью, затыкал в стену и т.п.) пучок травы или ветку, а утром смотрел, завяла ли его зелень или осталась свежей. В селах моравско-словацкого пограничья девушки подкладывали перед сном под кровать или под подушку собранную в день св. Яна зелень, желая увидеть вещий сон. В некоторых кашубских гаданиях выпавшая по жребию зелень предвещала не замужество, а девичество.

Настороженное отношение к зелени проявляется в ряде **запретов**. Так, беременные женщины опасались переступать через лежащие на земле зеленые ветки или длинные стебли, чтобы не встречаться со змеями (Полесье). В определенные дни (например, на Благовещение или в день Успения Богородицы) запрещалось вносить в дом свежие ветки или зеленый лук, чтобы не заводились змеи (Польша, Сербия). Дом, в котором случилась смерть одного из членов семьи, в течение года не украшали на праздники обрядовой зеленью (Закарпатье) [9].

Появление первой весенней зелени воспринималось как событие, открывающее сезон вегетации, как один из признаков прихода весны (наряду с прилетом птиц, вскрытием рек, кваканьем лягушек). Если листва на деревьях появлялась после прилета кукушки, то, по народным приметам, это было предвестием беды. У восточных и западных славян считалось, что кукушка начинает куковать "на зеленый лес" – к урожаю злаков; поляки говорили, что к моменту прилета кукушки зеленый лист должен быть уже такого размера, чтобы им можно было прикрыть глаз человека; по южно-русским поверьям, если первые трели соловья слышались тогда, когда можно было "напиться росы с зеленого листа березы", то это предвещало

урожайный год [10]. На Могилевщине запрещалось начинать петь веснянки "на голый лес", т.е. пока не распустится листва на деревьях. В восточнославянских веснянках появление новой зелени изображается как результат сезонного "отмыкания земли", которая выпускает из себя "зеленое зиллечко", "з зямліцы травіцу", "на травіцу расіцу", "на лясочак лісточак" [11].

Мотив "выхода из-под земли" определяет некоторые **хтонические признаки зелени**, ее связь с потусторонним миром, предками, персонажами нечистой силы. Так, по единичным украинским поверьям, *мавки* появлялись на земле в то время, "когда земля покрывалась весенней зеленью". В местах, где часто появлялись *русалки*, трава, по верованиям восточных славян, растет необычно густо и "как рута, зеленеет" [12]. Судя по мотивам сербских песен и рассказов о *виле*, она рождается прямо на древесных ветвях, после чего мать ее пленяет в зеленые листья [13]. В Боснии и Герцоговине о *вилах* рассказывали, что их повсюду окружает сочная зелень и что они ею питаются. В Болгарии известно поверье, что появляющиеся с "того" света души умерших в период с Великого четверга до Духова дня пребывают на травах, цветах, ветках деревьев, а в понедельник после Троицы возвращаются в загробный мир; болгарский обычай Духова дня "слушать мертвых" сводился к тому, что люди приносили ухом к разостланным на полу зеленым листьям грецкого ореха. По некоторым восточнославянским свидетельствам, души умерших вселяются в троичную зелень, т.е. в те ветки и травы, которыми украшались на Троицу дома и постройки [14]. В селах Сумской обл. верили, что если в Духов день не удалить из дома обрядовую троичную зелень, то незримые души (*родители, родичи*) останутся в доме и не смогут вернуться в иной мир [15]. Ср. в этой связи частое использование терминов родства (*баба, дед, мать, брат, сестра*) в народных названиях травянистых растений [16].

Связь растений с душами людей подтверждается также некоторыми мотивами похоронных причитаний, в которых к умершему обращались с вопросом: "в каком садочке (лесочке) ты зацветешь?", а также формулами обращений к покойникам, содержащими растительные образы: "былиночка моя", "цветочек", "листочек зелененький" и т.п.

Образы свежей травы и зелени выступают в кашубской фразеологии со значением 'смерти': *ożeńic sq ze zelonq, jic na zelonq* [пожениться с зеленой, уйти на зеленую] или *ożeńic sq z muravq* [пожениться с травой] означало 'умереть' [17. Т. 6. S. 211; Т. 3. S. 142]; слово *zelonka* обозначает 'свежую зелень' и 'олицетворение смерти или кладбища' [17. Т. 6. S. 211]. Ср. также белорусское проклятье: "Каб табе на зёлле!".

Признаки антропоморфизации растений могут быть отмечены в мифологических представлениях и фольклорных мотивах о зелени как "волосах земли": ср. восточнославянские загадки о скошенной траве: "Летела тень на Петров день, стала плакать, аж волосы вянуть" или о морковной ботве: "Красная девица сидит в темнице, а коса – наружу".

© 1999 г. Л.Н. ВИНОГРАДОВА, канд. филол. наук,
В.В. УСАЧЕВА, канд. филол. наук

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гласник Етнографског Музеја. Београд, 1936. Књ. 11. С. 56.
2. Červenák J. Tradičný život Lišovana. Banská Bystrica, 1966. S. 109.
3. Československá vlastivěda. D. 3. S. 578.
4. Etnografický atlas Slovenska. Mapové znázornenie vývinu vybraných javov l'udovej kultúry. Bratislava, 1990. Mapa № XIII; Klepáčova E. Zeleň vo výročných obyčajoch // Slovenský národopis. Bratislava, 1979. R. 27. S. 553–566.

5. Český lid. Praha, 1912. R. 12. S. 412; *Kuret N.* Praznično leto Slovencev. Celje, 1967. D. 2..S. 110–112.
6. *Шухевич В.* Гуцульщина. Львів, 1904. Ч. 4. С. 261; *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Wrocław; Poznań, 1970. T. 54. Ruś Karpacka. S. 281.
7. *Nowosielski A.* Lud Ukraiński, jego pieśni, bajki, podania... Wilno, 1857. T. 2. S. 130–131.
8. Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1980. С. 295.
9. *Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 243.
10. *Ермолов А.* Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. СПб., 1905. Т. 3. С. 337.
11. Веснавыя песні. Мінск, 1979. С. 112–113, 120, 161–162, 177.
12. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. М., 1994. Т. 3. С. 145.
13. *Чажановић В.* Речник српских народних веровања о билькама. Београд, 1985. С. 58.
14. *Зернова А.В.* Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском уезде // Советская этнография. 1932. № 3. С. 30; *Воропай О.* Звичаї нашого народу. Етнографічний нарис. Київ, 1991. Т. 2. С. 151–152.
15. Этноязыковая и этнокультурная история народов Восточной Европы. М., 1995. С. 238.
16. Кодови словенских култура. Београд, 1996. Бр. 1. С. 89–101.
17. *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967–1976. T. 1–7.

ДУБ (*Quercus L.*) [1] – в традиционной культуре славян самое почитаемое дерево, связанное с богом-громовержцем и символизирующее силу, крепость и мужское начало; место совершения религиозных обрядов, объект и локус жертвоприношений.

Дуб занимает первое место в славянском дендрарии: он соотносится с первыми элементами других символических рядов, а также с верхним миром; ему приписываются положительные значения. Сербы говорили о дубе – *цар дрва*, русские называли его *Царь Дуб*, поляки – *gospodarz lasu*; в сакральной практике именно дуб выполнял ряд культовых функций, в фольклоре и практической магии фигурировал в качестве мирового дерева; согласно поверьям и фольклорным текстам, на дубе обитал царь птиц орел или птица Кук; в приметах и запретах дуб сопоставлялся с хозяином дома; в главном календарном обряде южных славян дуб использовался в качестве бадняка; в славянских заговорах дуб наделялся именем собственным (рус. *Дуб Карколист, Дорофей, Мавританский* и др.); в польских загадках через дуб загадывалось солнце ("stoi dąb na środku wsi, a każdy konar do domu wisi" ["стоит дуб посередине села, каждый сук дотягивается до дома"]) [2] (жешов.); в русском апокрифе говорилось о том, что Иуда хотел повеситься на дубе, но "Божим повелением преклонился дуб и сохранил бысть" [3]; в болгарской легенде рассказывалось о том, что дубовая роща спрятала Бога, убежавшего от Чумы; в благодарность за это Бог сделал так, чтобы листья с дуба опадали лишь поздней осенью и т.д. В средневековой Польше был обычай сажать дубы (при дорогах, у костелов) в память о важных исторических событиях. В Верхней Силезии дубы сажали около усадеб богатых и знатных хозяев, обозначая тем самым их более высокое положение по сравнению с соседями.

В славянских языках и диалектах "дуб" часто выступает в родовом значении 'дерево'; производные от *dǫbъ обозначают части дерева вообще и предметы из него (дубец 'ветка', дубина 'большая палка' и др.), а также различные ботанические виды (ср. чеш. *duběnka*, серб. *дубачац*, рус. *дубровник, дубравка*).

В символическом и мифологическом аспектах (культовые функции, запрет рубить) дуб обнаруживает много общего с другими крупными деревьями, такими, как граб,

вяз, бук у южных славян, ель и сосна на Русском Севере. Наличие у дуба плодов сближает его с плодовыми деревьями: магические действия против бесплодия совершаются обычно под плодовыми деревьями, но иногда и около дуба.

Ранние свидетельства о почитании дуба у славян относятся к X-XII вв. В трактате Константина Багрянородного (сер. X в.) сообщается о том, что росы совершали жертвоприношения на о-ве Хортица, где рос огромный дуб [4]. В "Славянской хронике" Гельмольда рассказывалось об участии в уничтожении в 1155 г. священной рощи в земле вагров (одного из племен полабских славян), где росли "священные дубы, посвященные богу этой земли Прове" [5]. Практически к тому же времени (1124) относится эпизод из "Жизнеописания" Оттона, епископа Бамбергского, составленного немецким хронистом Гербордом, – о возглавляемой Оттоном католической миссии у поморян: "Был также в Штетине огромный густолиственный дуб, под ним протекал приятный источник; простой народ почитал дерево священным и оказывал ему большое чествование, полагая, что здесь обитает какое-то божество", причем народ просил епископа не рубить этот дуб [6]. На культовую роль дуба указывают поднятые со дна Десны и Днепра древние стволы дубов, в которые были вставлены кабаньи челюсти [7].

В более позднее время дубы сохранили свое значение святыни, места совершения христианских и языческих обрядов, в том числе и жертвоприношений, и в этом смысле дуб выступал как **аналог храма**. По сведениям из Воронежской губ., молодые после венчания ехали к старому дубу и трижды объезжали вокруг него [8]; в других местах под дубами устанавливались кресты и совершались молебны, украинцы вешали на них полотенца и мотки ниток как приношения русалкам или в качестве обета. В известной на Украине детских закличках дождя упоминается о своеобразной жертве, приносимой на дубе или вербе: "Иди, иди, дощичку, зварю тобі борщику, на дубі поставлю. Дуб ізворухнеться, горщечок розіб'ється" [9], ср. лужицкое поверье, согласно которому мифологические карлики *lutki* совершали свои обряды, как язычники, под дубом.

У южных славян (болгар, сербов и македонцев) различные виды дуба (*храст*, *цер*, *граница* и др.) до самого последнего времени сохраняли свои **культовые функции**. На одиноко стоящем дубе вырезали крест и заполняли его воском (иногда деревянный или каменный крест просто помещали около дуба или привязывали к последнему). Каждый год в определенный праздник (Пасху, Троицу, Ильин день) священник освящал и причащал дуб, обновляя на нем крест, лил масло и ладан в отверстие, специально проделанное в стволе. Такое дерево называли "запис". Такие большие и старые дубы, стоящие поблизости от села, церкви, источника, озера и др., воспринимались как хранители или хозяева местности (*стопанин*).

Повсеместно запрещалось рубить священные дубы. Считалось, что любая попытка нанести им ущерб (спилить, сломать ветку, отнести домой на дрова сушняк из-под такого дерева, содрать кору и т.п.) обернется несчастьем для человека или даже для всех, живущих поблизости. В Македонии (в окр. Малешево) был так называемый *Ђурђов даб*, имевший в охвате около 15 м и служивший местом общесельских праздников; жители верили, что если унести старую ветку этого дуба для очага, то сгорит дом или умрет кто-нибудь в семье. Поляки и белорусы полагали, что при срубании старого дуба дерево плачет кровавыми слезами; по калишским поверьям, срубание дуба влекло за собой эпидемию. В Болгарии существовали дубравы, состоящие из нескольких крупных и старых дубов: никто не имел права срубить их или ломать на них ветки. Когда одно из деревьев само падало, его оставляли гнить на месте; в противном случае человек или кто-нибудь из его родни непременно бы пострадал. Те же последствия ожидали человека, который бы срубил дуб, на котором обитал *стопанин*.

Дубы считались **местом обитания мифологических персонажей**. У восточных славян на гигантские дубы (как и на горы) слетались в купальскую ночь ведьмы (ср. в

известной белорусской купальской песне: "Стара ведьма на дуб лезла, кору грызла..."); на дубах, как и на березах, собирались русалки. В русской сказке "Правда и кривда" на дубы слетаются бесы и похваляются своими проделками [10]. У южных славян большие дубы, вязы и буки назывались самовилскими, или самодивскими (на них собирались самодивы, вилы, джины, черти, юды и др.). Их запрещалось рубить, а также спать под ними из-за опасности заболеть, повредиться умом и т.д. На больших дубах обитали гигантские мифологические Змеи ("змаји") – покровители угодий, охранявшие местность от града и непогоды и боровшиеся с халами и им под.; эти деревья также запрещались срубать или портить [11]. Согласно польским поверьям, в яме под Семидубом обитал *leśny król*. В Польше (на Куявах) рассказывали о том, как ведьма в облике дикой утки высиживала на вершине дуба яйца, заключающие в себе войну, наводнение, неурожай. Пребыванием на дубе или вблизи него демонических существ объясняются некоторые запреты: в частности, в Страндже верили, что у человека, заснувшего под дубом, появятся на теле трудноизлечимые нарывы.

В мифологических рассказах дуб (равно как и многие другие деревья) выступает в качестве **пограничного локуса**. Попавший туда человек оказывается во власти потусторонних сил, теряет память. В окр. Серадза рассказывали о парне, которого ведьма забрала на шабаш, и он очнулся наутро на вершине дуба. В окр. Кратова (Македония) некогда был оброчный дуб, поблизости от которого людям показывалась нечистая сила в облике животных (волка, быка и др.).

Для славянской народной культуры актуальна причастность дуба к мифу о **громовержце** (имеющая общеевропейский характер). Праслав. **dqbrь* этимологически не связано с названиями дуба в древних и.-е. языках и, как считается, пришло на смену более древнему **perkъ*, косвенно сохранившемуся в **perunъ* [12]. На связь дуба и Перуна указывают о.-слав. запрет находиться под дубом во время грозы и выращивать дуб около дома, так как в первую очередь гром бьет в дуб; микротопоним *Перунов Дуб*, известный по грамоте 1302 г. и имеющий аналогии в балтской микротопонимике; одно из серб. названий дуба или его ствола *грм* и др. [13]. В белорусском фольклоре дуб и Перун фигурируют в сюжетах, посвященных преследованию громовержцем змея, сокола или другого противника, ср.: "у той дуб трэснуў перун да такі, што распалосуваў дуб ад верху да полу" [14. С. 9]. Сходные мотивы известны и в белорусских заговорах от змей: "На моры, на кіяні стаіць дуб *Пракурон*, на том дубі трыдзевяць какатоў, на тых какатах трыдзевяць гнёздаў, к тым гнёздам прылятала, прыбгала трыдзевяць змей... Шкурапея Хаура... Будзець ехаць сам *Гасподзь із агнём, із пяронам, і пасячэць цябе...*" [15]. О связи дуба с грозой свидетельствуют и косвенные данные. Согласно украинским поверьям, нельзя сжигать листья дуба, иначе поднимется ветер. На Витебщине летний период (т.е., среди прочего, и период самых сильных гроз) отмерялся с момента, когда распускался дуб, и до Ильина дня (также имеющего отношение к громовержцу). Вместе с тем в отдельных славянских традициях (например, у словаков) дубовые ветки, сожженные в печи или вставленные в окна, оберегали дом от грозы и ударов грома.

В фольклорных текстах дуб выступает в образе трехчастного **мирового дерева**, моделирующего Вселенную с ее тремя мирами. В славянских заговорах дуб (а также дерево вообще или деревья других пород), стоящий на острове, вблизи храма, на горе, посредине океана и т.п., обозначает центр мира и сам мир и, вместе с тем, идеальное иномирное пространство, где только и возможно разрешение той или иной кризисной ситуации. Рядом с дубом или прямо на нем находится царь, царица, Бог, Богородица и святые, а вокруг дуба в его корнях или на листьях лежит змея (ср. русское поверье о появлении змеек на дубовых листьях, из-за чего последние категорически запрещалось подкладывать под хлеб при выпечке), ср. также южнославянского Змея-охранителя, живущего на дубе. Дуб заговоров соотносится с апокрифическим железным дубом, растущим у основания мира: "Дуб железный, еже есть первопосажен от всего же корение, на силе Божией стоит" [16]. В украинских и польских поверьях о

шабашах ведьм не раз упоминается о "Лысых горах", находящихся на дубах, или о дубах, растущих на "Лысых горах". В сказках встречается аналогичный образ дуба: "Свинья под дубом" (свинья, подрывающая корни дуба, и ястреб, сидящий на вершине и стыдящий ее; укр.); "Петух и жерновки" (дуб, вырастающий до небес) и др. Согласно календарным поверьям, в конце петровского поста с дуба якобы спускалась скромная пицца, взятая туда в начале поста: "Петро с дуба вареники скинул". Дуб служит также обозначением временной проекции мирового дерева, ср. в загадке о годе: "Стоит дуб, на дубу 12 гнезд, на каждом гнезде по 4 синицы, у каждой синицы по 14 яиц, семь беленьких и семь черненьких" [17. С. 147].

Интегральные свойства мирового дерева объясняют круг его значений, связанных как с рождением, так и со смертью, для передачи которых также используется образ дуба.

Дуб (как и дерево вообще) моделировал рождение и рост ребенка. Жизнь ребенка ставилась в зависимость от жизненной силы и развития дуба: ср. обычай сажать дерево при рождении, встречающийся в Полесье, у лужицких сербов и в некоторых других местах. Иногда дуб сажал и сам ребенок, ср.: "Як посадить хлопец коло хаты дуба, миньшого за себе, да перерасте дуб хлопча – здоровы будет тэй хлопец. Як посаде ён дуба, а дуб не расте – заболее хлопец" [18].

С помощью образа дуба моделировались также представление о смерти и уход человека из жизни, ср. в загадках о смерти: "На горе Горенской стоит дуб Веретенский. Мимо дуба не пройти, не проехать ни царю, ни царице, ни красной девице..." [17. С. 61]; во фразеологии *глядеть в дуб*, *дать дуба*, *одубеть* и под.; в толкованиях сновидений (увиденный во сне дубовый лес предвещает смерть мужчины, гуцул.). Широкое применение дуба в похоронной обрядности (для изготовления выдолбленной колоды, служившей раньше для погребения, гроба, креста, а также намогильной колоды у белорусов) стало причиной появления фольклорных метафор смерти с упоминанием дуба, ср. в частушке: "Як гуляла, то гуляла, то гуляла вельми, зачинала миленького дубовыми дверьми" [18]. Соотношение дуба и смерти обнаруживается в полеском поверье о том, что, когда растущий у дома дуб станет настолько толстым, что из него можно будет сделать крест, тогда умрет хозяин дома.

Взаимозависимость человека и дуба присутствует и в поверьях, объясняющих восточнославянский запрет сажать дубы (выращивать их из посаженного жолудя). Считается, что такой дуб, сравнившись по высоте с человеком, его посадившим, отнимает у последнего жизненную силу и в конечном итоге приводит его к смерти: "Хто пасие дубовы жолуд, той будзе жыць тульки датуль, пакуль вырашы з таго жолуде дубок зраўняецца з им ростам" (слуцк.) [14. С. 29]. В Полесье считалось также недопустимым держать дубы около дома, поскольку это дерево "выживало" мужчин из дома, ср.: "Дуба колысь нэ сажали, бо кажуть: як у городи е дуб, то нэ будэ в хаты хазяина" [19]. У восточных славян аналогичные поверья связываются с другими крупными деревьями (вязом, каштаном), у южных – с деревом грецкого ореха.

В верованиях, практической магии и фольклоре дуб последовательно выступает как мужской символ. Воду после купания новорожденного мальчика выливают под дуб; объясняя мальчику, откуда он появился, говорят: "Ты на дубочку сидел" [20]; когда невесту вводят в дом мужа, она первой входит туда и говорит про себя: "Около двора дупчићи, а у кућу синчићи" ["Около двора дубочки, а в дом – сыночки"], если хочет, чтобы рождались мальчики (серб.) [21]. В различных славянских вариантах сюжета о чудесном супруге (типа "Муж-уж") рассказывается о том, как после смерти мужа (ужа, змея) жена в наказание превратила своего сына в дубок [22].

Устойчивая связь дуба с мужской символикой, а березы – с женской – лежит в основании некоторых средств любовной магии. В частности, для сведения парня и девушки (женщины и мужчины) использовали отвар, настоенный на щепках, отколотых от деревьев в том месте, где срослись друг с другом дуб и береза (реже – рябина, крушина).

Дуб считался едва ли не самым крепким деревом, ср. в паремиях: "За один раз дуба

не свалишь", ср. также восточнославянский обычай тереться спиной о дуб при первом громе или при виде первой весенней птицы, чтобы спина была крепкой; затыкать за пояс на спине дубовую ветку, чтобы спина не болела во время жатвы. Поляки вешали на рога коровам дубовые венки, чтобы коровы были сильными и чтобы рога не ломались при бодании; на Витебщине повитуха обрезала мальчику пуповину на дубовой плахе, чтобы он вырос крепким.

Эти свойства дуба объясняют его широкое использование в **народной медицине**: украинцы лечили бородавки водой, взятой с дубового пня на молодом месяце; болгары в Родопах окуривали больных дымом от сожженных дубовых листьев и ветвей.

У восточных и западных славян повсеместно распространена практика протаскивать больного через ствол дуба (обычно молодого), специально расщепленный для этого, или расколотый ударом молнии, реже – через дупло, под большим корнем и даже через ветви дуба. Особенно часто протаскивали (пронимали) детей, страдающих рахитом ("сухотами") и бессонницей, слабых, болеющих грыжей, эпилепсией, малярией и др. Как правило, родители, стоя по обе стороны от дерева, трижды передавали друг другу ребенка через отверстие. При этом на дереве оставляли рубашечку ребенка, а также следили за тем, зарастет ли дерево после этого. Если оно зарастало, ожидали выздоровления. У сербов через расселину в стволе старого почитаемого дуба пролезали бесплодные женщины в надежде забеременеть.

У южных славян более популярным способом лечения множества детских болезней, а также способом прекращения детской смертности в семье был обычай закладывать в ствол дуба отрезанные волосы и ногти больного ребенка или нитку, которой его перед тем измеряли, а затем забивать это отверстие колышком: когда ребенок перерастет это отверстие, болезнь оставит его.

Как и многие другие деревья, дуб служил объектом, на который символически переносили болезни. Белорусы выливали под молодой дубок воду, в которой мыли чахоточного больного; поляки при нарывах во рту плевали в отверстие, выкопанное под дубом; украинцы, поляки, чехи, мораване оставляли на дубе одежду больного; болгары, сербы и македонцы посещали оброчные дубы и привязывали к их ветвям ленточки и нитки из одежды. Ср. те же типовые мотивы в заговорах: "Zaklénám vas, pakostnice... do lesa hlubokého, do dubu vysokého" ["Заклинаю вас, пакостницы... до леса глубокого, до дуба высокого"] (чеш.); "Idźże, postrzale, na lasy, na bory suchy dąb łupać" ["Иди же, пострел-пострел, на леса, на бору сухие дубы расцеплять"] (пол.); "Удар, ударишче, пошло на дубишче..." (укр.) и др.

В народной медицине восточных и западных славян дуб связывается с лечением зубов, болезней горла и легких. Поляки в окр. Кельц при зубной боли шли к дубу, молились, обходили его трижды и при этом говорили: "Powiedz ze mi, powiedz, mój kochany dębie, jakim sposobem lecuć zęby w mojej gębie" ["Скажи же мне, скажи, мой любимый дуб, как мне лечить мои зубы"]. При затрудненном дыхании или болезнях горла отсылали болезнь на дуб ("Дуб, дуб! возьми свой дубоглот" [23]) или угрожали дереву ("Гам, дубе, гам! Зъим тебе з кориннямы, з насиннямы, з гылакамы и з корою гам! гам! гам!" [24]).

Дубовые ветки использовались и в качестве **оберега**. Чехи втыкали их в окно, в двери домов и хлевов в канун Вальпургиевой ночи; поляки и белорусы – перед купальской ночью, чтобы защитить дома и скот от ведьм; русские делали из дубовой коры ладанки; болгары Кюстендила оставляли дубовую ветку или палку в чулане – от мышей.

Дуб играл роль в обряде **опахивания**. Поляки Виленской губ. при приближении засухи вырубали в лесу дуб, запрягали в него парня, который "опахивал" таким образом село; затем из этого дуба делали крест и ставили его при въезде в село. Болгары в Страндже за одну ночь изготавливали из древесины дуба плуг и хомут, в которые запрягали быков перед опаживанием села в случае приближения чумы или другой болезни.

Использование дуба в качестве **обрядового дерева** характерно прежде всего для южных славян, где дуб (разные его виды) является основным деревом, которое выбирали для бадняка; кроме того, дубовую ветку часто носили с собой полазник или сурвакари. Из стволов молодых дубков и дубовых веток делали свадебное (добрудж.), купальское (брест.), троицкое (брянск.), похоронное (укр.) и другие обрядовые дерева.

© 1999 г. АГАПКИНА Т.А., канд. филол. наук

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Karwicka T.* Dąb w wierzeniach i praktykach magicznych // Rocznik Muzeum Etnograficznego w Toruniu. 1978. Т. 1. S. 49–61; *Ивакин Г.Ю.* Священный дуб языческих славян // Советская этнография. 1979. № 2; *Червинский П.П.* Семантический словарь фольклорной традиции. Ростов, 1989. С. 6–12; *Чайкановић В.* Речник српских народних веровања о билькама. Београд, 1985.
2. *Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne.* Kraków, 1908. Т. 10. S. 326.
3. *Никифоров А.И.* Русские повести, легенды и поверья о картофеле. Казань, 1922. С. 49.
4. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989. С. 327.
5. *Гельмольд.* Славянская хроника. М., 1963. С. 186.
6. *Котляревский А.* Сочинения. СПб., 1891. Т. 3. С. 357.
7. *Ивакин Г.Ю.* Священный дуб языческих славян // Советская этнография. 1979. № 2. С. 106.
8. *Гальковский Н.М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. М., 1916. Т. 1. С. 54.
9. *Дитячий фольклор.* Київ, 1986. С. 138.
10. *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки. М., 1984. Т. 1. № 115.
11. *Беновска-Събкова М.* Змеят в българския фолклор. София, 1995. С. 132–137.
12. *Этимологический словарь славянских языков.* Праoslavянский лексический фонд. М. Вып. 5. С. 96.
13. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. 1974. С. 14–17.
14. *Сержпутоўскі А.* Прымкі і забабоны беларусаў-паляшukoў. Менск, 1930.
15. *Замовы.* Мінск, 1992. С. 116.
16. *Веселовский А.Н.* Разыскания в области русских духовных стихов. Вып. 5 (XI). СПб., 1889. С. 44.
17. *Загадки /* Изд. подгот. В.В. Митрофанова. Л., 1968.
18. *Полесский архив Института славяноведения РАН, Хоромск Брестской обл.*
19. *Полесский архив, Боровое Ровенской обл.*
20. *Полесский архив, Стодоличчи Гомельской обл.*
21. *Српски етнографски зборник.* Београд, 1934. Књ. 50. С. 27.
22. *Federowski M.* Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897. Т. 1. S. 178–180; *Странджа.* Материална и духовна култура. София, 1996. С. 223.
23. *Майков Л.Н.* Великорусские заклинания. СПб., 1992. № 100.
24. *Talko-Hryncewicz J.* Zarys lecznictwa ludowego na Rusi południowej. Kraków, 1893. S. 211.

КРАПИВА (*Urtica urens* L., *U. dioica* L.) – растение, основной признак которого отразился в названиях, мотивированных значением ‘жечь’, ‘жалить’, ‘колоть’: рус. *жигучка*, укр. бойков. *жалива*, бел. *жижка*, *жигліўка*, пол. *zegawka*, хорв. *жегавица*, серб. *жара*, чеш. *žegavka*, словац. *žihl'ava*, морав. *žihlavka*, кашуб. *pařawa*, *kolqca* и т.п.; в

народной культуре играет роль оберега и отгонного средства; причисляется к "дьявольским" растениям, соотносимым с "чужим" миром; вместе с тем наделяется символической плодородия.

Согласно легендам, крапива произошла из проклятых или грешных людей, либо выросла на месте их гибели. Например, по одной из украинских легенд вступившая в брак с ужом девушка, спасаясь от преследований своей матери, превратилась в это растение [1. С. 361–362]. По другой легенде мать прокляла рожденную от ужа дочь за то, что она выдала деду тайну своего рождения, и девочка стала крапивой. Об этом растении в народе говорили, что его посеял дьявол и она проклята Богом [1. С. 294]. День Усекновения главы Иоанна Крестителя (29 VIII) называется в Болгарии Иван-Коприван, так как, по одной из легенд, голова этого святого была брошена в крапиву [2].

У южных славян ранняя крапива употребляется как ритуальная еда. Перед восходом солнца в день св. Власия (11 II) в некоторых селах Болгарии варили молодую зеленую крапиву и съедали по ложке для обновления крови ["за нова кръв"]. В день обретения Главы Иоанна Предтечи (25 II) в каждом доме готовили из нее блюдо в память о том, что голова святого была найдена в зарослях крапивы (Родопы). Чтобы сохранить здоровье на весь год, вареную крапиву ели в первый день Великого поста, в день св. Евдокии (1 III), а в день Сорока мучеников ее съедали вместе с 40 зернами вареной пшеницы (серб.). В Вербное воскресенье в болгарских селах крапивой и мамалыгой угощали всех девушек – участниц обряда кумления – для здоровья и плодородия ["за здраве и за берекет"] и чтобы обезопасить девушек от змея-любовника [3]. На Пасху в Боснии причащались вином и хлебом (по-христиански), а потом крапивой [4. С. 140]. В северо-восточной Сербии крапива входила в пасхальную трапезу. Во многих местах Болгарии на Пасху, которая называется *коприварко*, обязательно едят крапиву (*коприва*), являющуюся обрядовой едой. "На Пасху до обеда едят красные яйца, а после обеда – зеленую крапиву" – говорят болгары в с. Манастирище Годечского округа [5. С. 53]. В Юрьев день в Гевгелии в первый раз ели крапиву серебряной монетой, выгнутой в виде ложечки; болгары и сербы произносили словесные формулы отгона болезней и пожелания здоровья, например: "На живот и здравье, на Турчина болешчина, на калуфера грозничина, а на попа терлемчина" ["На жизнь и здоровье, на турка горячка, на монаха лихорадка, а на попа тиф"] [4. С. 140]. В Сербии запрещалось есть крапиву раньше дня Сорока мучеников, а также в Страстную пятницу, так как "удају се коприве" ["крапива выходит замуж"] [4. С. 140] и после дня свв. Константина и Елены (21. V), когда ее ели в последний раз. Перед Пасхой болгары близ Врача варили крапиву и мазали ею крупный рогатый скот, чтобы он не бесновался [5. С. 59].

Апотропейные свойства крапивы широко использовались всеми славянами в магических обрядах защиты от болезней, порчи, нечистой силы, стихийных бедствий, несчастий.

Чтобы отогнать болезни и быть здоровыми, собранную накануне Юрьева дня крапиву клали на ночь под голову (геры Баната) [6]; девушки и женщины украшали ею голову и стан (Босния, Герцеговина, болгары района Хасково, Тырново), опоясывались (Пиринский край), хлестали себя крапивой по телу, били друг друга, (ленивых) детей (Шумадия, Герцеговина) [7]; кто раньше всех просыпался, тот жалил крапивой по ногам спящих, чтобы они были шустрые, как крапива (сербы), бодрые и расторопные (болгары). Словенцы на Троицу будили тех, кто долго спал, ударами крапивы, подкладывали ее в постель, обвиняли вокруг головы спящего, бросали пучок крапивы на крышу его дома или клали ее на окно. Сербы полагали, что удары крапивой в Юрьев день предохранят летом от укусов комаров. В мае в день Ивана *долгого* (1/14 VI) у русских устраивали хороводы, участники которых жгли друг друга крапивой, желая избавиться от болезней.

Сербские пастухи в Косово на заговенье Великого поста при встрече били друг друга крапивой; в Закарпатье хлестали друг друга в пасхальный вторник, а в По-

шехонье это делали в русальское, *крапивное* заговенье (следующее за Троицыным днем воскресеньем). Д.К. Зеленин предположил, что это обрядовое битье стоит в одном семантическом ряду с обычаем кидать в этот день друг в друга яйцами и объединяется с ним общей семантикой оплодотворения [8].

Утром Юрьева дня от *сглаза* и других бед мусульмане Сеньской Краины украшали крапивой и цветами ведра с водой; в Тырновском округе на дверях каждого строения рядом с зажженной свечкой прикрепляли стебель крапивы и ветку боярышника. В Гевгелийской околии в день Сорока мучеников перед восходом солнца над воротами вешали на красной нитке кустик крапивы (в день Усекновения Главы Иоанна Предтечи – три побега); болгары для охраны от нечистой силы в Иванов день крапивой устилали пол.

Восточные славяне накануне Иванова или Духова дня в качестве оберега от русалок, колдунов и другой нечистой силы раскладывали крапиву на окнах, на порогах домов; вешали на дверях сеней, у хлевов от русалок (Пинское Полесье); в Полтавской губ. перед купанием в реке в воду бросали крапиву для защиты от русалок; в окна домов бросали пучки с приговором: "Крапива в дом, а клоп вон" (Архангельская обл.) [9]. У русских в поминальные дни в домах, где появлялись души умерших, на окнах и дверях помещали для охраны от них крапиву. В Чехии считали, что водяной не причинит зла человеку, у которого в руках крапива. Ср. свидетельство старопольского памятника 1553 г. о том, что с крапивой и хризантемой в руке можно спастись от чудовищ и привидений [10].

Как охранительное и продуцирующее средство крапива активно применялась в **скотоводческой магии**. Для защиты скота от ведьм восточные славяне накануне или в день Ивана Купалы вешали крапиву на воротах, дверях хат и хлевов. В Витебской и Гродненской губерниях от ведьм ограждали коров в купальскую ночь, заперев их в хлеву, а над дверями, на балках, в щелях вешали *жигли́вку*, *дядьвник* (чертополох) и сретенские свечи, чтобы молочные ведьмы обжигались, кололись и улетали прочь [11]; хозяйки раскладывали жгучую малорослую крапиву на окнах, в углах, на порогах своих жилищ и скотных дворов маленькими пучками, чтобы злая сила и особенно ведьмы, влетая в дом или хлев, обжигались бы этой крапивой [12], там она оставалась в течение недели. Семейские Забайкалья в канун Ивановской ночи обходил три раза двор с молитвой и бросали крапиву крест накрест в воротах [13. С. 85]. В некоторых местах России в день Агриппы Купальницы (23 VI) переводили скот через огромную кучу крапивы. В Чехии накануне дня Иоанна Крестителя, а на юге страны – в канун дня свв. Филиппа и Якуба (1 V) затыкали крапиву в щели скотных дворов. В Польше венки из крапивы вешали коровам на лоб в канун дня св. Яна.

Чтобы увеличить надой молока и обезопасить скот от возможной порчи, южные славяне при первом выгоне стада на пастбище в день св. Георгия загоны для овец, всю молочную посуду перед ритуальным доением украшали зеленью и крапивой, бросали ее в подойник. В Закарпатье, наливая в первый раз овечьё молоко в подойник, бросали в него крапиву, "чтобы овцы не болели", "штоби худобі так не вадило, як жаліві" ["Чтобы скотине, как и крапиве, ничто не вредило"] [14], чтобы молоко было жирное (Волынь). Через венок из крапивы и плюща доили молоко (Пирин), после дойки процеживали молоко (Белоруссия). В Сербии крапивой кормили скот, на Благовещение и в день св. Георгия натирали вымя коровам и овцам для здоровья и обилия молока. В Моравии крапиву, собранную в день св. Яна вместе с другими растениями и кореньями, сушили, смешивали с солью и хранили, а в период с Дня Всех Святых (1 XI) до адвента давали овцам [15]. Чтобы коровы исправно доились и давали много молока и сметаны, горшки для молока, маслобойку мыли мочалкой из крапивы; использованную мочалку не выбрасывали в мусорную яму, а сжигали, чтобы злой человек не смог похитить "спор" (чехи, словаки).

Охранные и продуцирующие свойства крапивы использовались и в **аграрных обрядах**: когда шли сеять, в посевное зерно клали корень этого растения и закапывали его посреди поля (Хомолье). При посадке капусты на гряды сажали выкопанный с

корнем куст крапивы, приговаривая: "Крапива червям, а капуста нам" [13. С. 79]. Крапива способствовала росту капусты, защищала ее от сглаза, от гусей и ворон, от червей. После купальских обрядов чучело Марены, которое делали из соломы и крапивы, разрывали и бросали в огороды, чтобы огурцы росли лучше.

Крапиву использовали в **магии и колдовстве**: ее сжигали для отгона градовых туч (Малопольша), для прекращения града (Болгария); при первом ударе грома втыкали растение в одежду, в цепь очага (сербы Болеваца), чтобы молния не ударила в дом, веря, что "Не бије свети Илија у коприве" ["Не бьет св. Илья в крапиву"] (Хомолье) [4. С. 138]. В субботу ночью старая ведьма "посвящала" новую, ударяя венником из крапивы, после чего у новообращенной, якобы, появлялись крылья летучей мыши (сербы). В сказках девушка освобождает своих братьев от заклятия, сплетя им одежду из крапивы.

Наряду с другими видами обрядовой зелени крапива использовалась в весенне-летних **обрядях троицкого и купальского цикла**. В восточном Полесье ряженой русалке в обряде проводов русалки приплетали к венку длинный хвост из ветвей березы и крапивы. У русских на Русальной неделе устраивалась игра, в которой водящая хлестала ею пляшущих и поющих девушек по рукам.

В обрядах Иванова дня купальские костры заменяли кучами крапивы (местами к ним добавляли шиповник и другие колючие кустарники и травы), через которые прыгали для очищения. Чучело Купалы обкладывали крапивой, на нее клали солому, поджигали и прыгали через огонь, при этом водящий хлестал крапивой по ногам тех, кто не смог перескочить костер. После этого крапиву бросали в реку, озеро (Украина). В обрядах изгнания нечистой силы старуху, изображавшую ведьму и похищавшую огонь из купальского костра, били крапивой (Полесье); иногда наоборот, ряженные (русалка, ведьма) гонялись за участниками обряда, стегали их крапивой. Крапива входила в состав зелени в южнославянских обрядах вызывания дождя: ею украшали главного участника ("пеперуду", "додолу") и его атрибуты (котел с водой, кропило).

На свадьбе пародийные венки из крапивы, осота или можжевельника надевали подставной невесте, дружке жениха (Польша), на Украине – отцу и матери, выдававшим своего последнего ребенка. Чтобы ребенок раньше начал ходить, его хлестали по ногам крапивой (Болгария). В Польше (Мазуры) в обряде **инициации** парень считался принятым в косцы после того, как главный наставник натирал ему шею крапивой; в Словакии ему обжигали ею лицо.

Гадания. Девушки втыкали крапиву в ворота и смотрели: куда склонится стебель, туда девушка выйдет замуж (Босния и Герцеговина); если во двор – сидеть в девках, если за ворота – выйдет замуж (Фрушка Гора). На Юрьев день во время качания на качелях маленькие девочки ударяли взрослых девушек по ногам крапивой, чтобы они скорее вышли замуж (Гевгелия). Накануне этого дня оставляли на крыше по одному стеблю крапивы на каждого члена семьи. Утром глядели: чей стебель завял, тот будет болеть, а чей зелен и свеж, будет здоров (Пирин). В России на Иванов день заламывали крапиву "на кого-нибудь". Через несколько дней шли посмотреть: крапива, которая засохла, предсказывала смерть того, на кого ее заламывали. Вечером накануне Ивана Купалы девушки клали 12 трав, среди которых была крапива, под подушку с приговором, чтобы приснился суженый (сибир.).

Крапива – растение-универсал, широко применяется в **народной медицине** славян. Она лечит разного рода недуги (болезни легких, лихорадку, отеки, раны, глазные заболевания, головную боль; укусы собаки, змеи) и прогоняет демонов болезней. Для этого употребляют корни, листья, цветы свежей крапивы, сок. От ломоты в костях секли больные места крапивой, делали компрессы из листьев.

В заговорах болезнь, как и нечистая сила вообще, изгоняется в крапиву. При лечении зубной боли стебель крапивы сгибали и привязывали к низу, приговаривая: "Матушка крапивушка, святое дерево! Есть у меня раб Божий (имя рек), есть у него на зубах черви, а ты оных выведи; и ежели не выведешь, то я тебя высушу; а если

выведешь, то я тебя в третий день отпущу". На третий день крапиву "освобождали" [16]. В белорусских заговорах от змей с помощью "стрыкучей" крапивы устраняли источник болезни.

Негативная символика. Обильно разросшаяся крапива могла осмысляться как предвестие смерти, запустения, разрухи. Выросшая на завалинке, предвещала смерть в этом доме (Моравия). О доме, построенном не на месте, говорили: "Крапива там скоро порастет" [17]. Об опустевшем поселении сложена пословица: "Хороша слобода, да крапивой поросла".

Представления о крапиве как о растении "чужого", "дикого", "аномального" мира отразились во фразеологизмах о незаконнорожденных детях: *найти в крапиве* 'родить бастарда'; *прыгать в крапиву* 'о нравственном падении девушки'; *скакать в крапиву* – о прелюбодеянии; *крапивница* 'мать внебрачного ребенка'; рус. *крапива*, *крапивник*, ст.-чеш. *korřivce* 'внебрачный ребенок', 'подкидыш' (связано с подкидыванием незаконнорожденных в крапиву или с местом их появления на свет).

Крапива использовалась в обычаях социального осуждения и высмеивания: в Словении ленивым и неприветливым девушкам двери закладывали крапивой и ежевикой. В южных областях Гонта (Словакия) мальчика-подростка в наказание за нарушение запрета (если он сделал то, что ему еще не разрешалось делать по возрасту) бросали в заросли крапивы или в воду.

© 1999 г. В.В. УСАЧЕВА, канд. филол. наук

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булашев Г.О. Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях. Космогонічні українські народні погляди та вірування. Київ, 1993.
2. Дяков Т. Народният календар (празници и ярвания на българите). София, 1993. С. 125.
3. Маринов Д. Народна вяра и религиозни народни обичаи. София, 1914. С. 403.
4. Чајкановић В. Речник српских народних веровања о билькама. Београд, 1985.
5. Вълчинова Г. За копривата и чесьна. Хранителни хипостазии на Коледа и Великден // Българска етнология. 1997. № 4.
6. Банатске Хере. Нови Сад, 1958. С. 319.
7. Морозов И.А., Толстой Н.И. Бить // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 179.
8. Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии. Вып. 1: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995. С. 341.
9. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX – начало XX в. М., 1979. С. 258.
10. Gloger Z. Encyklopedia staropolska ilustrowana. Warszawa, 1974. Т. 1. S. 272.
11. Никифоровский Н.Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск, 1897. С. 248.
12. Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1887. Т. 1. С. 220.
13. Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1978.
14. Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 242.
15. Haniš J. Bâjeslovní kalendář Slovanský, čili pozůstatky pohansko-svátečních obřadů slovanských. Praha, 1860. S. 184.
16. Бурцев А.Е. Обзор русского народного быта Северного края. СПб., 1902. Т. 3. С. 108.
17. Вятский фольклор. Мифология. Котельнич, 1996. С. 35.

© 1999 г. Е.В. ВЕЛЬМЕЗОВА

"КУЗНЕЧНЫЕ ЗАГОВОРЫ" И ТЕКСТ КУЗНЕЦА В ЧЕШСКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ

"Кузнечными заговорами" мы назовем заговорные тексты, на круг исполнителей которых накладывалось следующее ограничение: они считались действенными лишь в устах кузнеца (ср. также "kouzla střelecká" — "стрелецкое колдовство" [1], "čáru mlýnářské" — "мельничьи чары" [2. S. 254]). Такое ограничение, существовавшее в чешской заговорной традиции, напоминает об открытости и, возможно, принципиальной неразрешимости вопроса об исполнителях заговора: следует ли, по самому замыслу заговорного текста, считать их круг изначально ограниченным или нет? С одной стороны, широкая распространенность заговоров среди самых разных слоев общества и многочисленные случаи заговорной "автотерапии" (совпадения в одном лице исполнителя заговора и его потребителя, субъекта и объекта) дают основания ответить на этот вопрос отрицательно. В то же время многочисленные свидетельства о знахарях и колдунах, часто отказывающихся передавать непосвященным свои магические навыки (связанные, в частности, и с заговорным искусством), предостерегают от поспешных выводов.

Традиционно в народном сознании наделенными магической силой считались те, кто в совершенстве освоил тайны своих ремесел — эту закономерность, по-видимому, можно считать универсалией: "Всякий человек, умудренный опытом и заручившийся каким-либо знанием, выделяющим его из среды заурядных людей, получает право на название знатока, или, что одно и то же по корню слова, знахаря" [3]. Составители одного из сборников русских заговоров отмечали, что "колдуном нетрудно было прослыть любому ... доброму мастеру, особенно травознаю, коновалу, *кузнецу* (курсив мой. — Е.В), мельнику, охотнику..." [4].

Известно, что деятельность кузнеца во многих мифологических традициях не ограничивается собственно кузнечным ремеслом: клан кузнецов "всегда оказывался отделенным от прочих родом своих занятий, своей профессией" [5]. По свидетельству М. Элиаде, во многих культурах "ремесло кузнеца по значимости идет сразу же за призванием шамана" [6. С. 176]. Обладающий необыкновенной физической силой, данный персонаж часто наделяется функциями демиурга вообще, и занятия его через это связываются и со многими другими ремеслами [7; 8].

Многогранное понимание деятельности кузнеца — определяемой, в широком смысле слова, как вся совокупность занятий этого персонажа — позволяет говорить о *тексте кузнеца* как об особом сложном концепте (или, скорее, множестве связанных

Вельмезова Екатерина Валерьевна — аспирантка Отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН.

друг с другом концептов), который в чешской традиции выявляется, прежде всего, многочисленными примерами заговорных текстов¹. Последние свидетельствуют об устойчивой связи понятий "кузнец" и "колдун", "целитель". Сами чешские слова *kouzlo* ('колдовская сила', 'колдовство') и *kouzlití* ('колдовать') этимологически связаны с обозначением кузнеца (ср. рус. *козни*, *коварный* [11]). Это объединение в одном корне двух значений (кузнечное ремесло и колдовство вообще) восходит к сюжету "основного" индоевропейского мифа о боге-кузнеце, противнике змея². Если считать амбивалентный образ змея, в частности, персонификацией злого и хаотического начала вообще, то неудивительно, что архаическое сознание наделяло кузнецов силой побеждать болезни. Поэтому многие лечебные заговоры в Чехии и считались действенными, только если они произносились кузнецами.

Прежде всего это относилось к заговорам на конские болезни. Вот несколько примеров колдовской деятельности кузнеца: "Na Velvarsku, kovafí léčili koní zařikáváním... Kovaf se postavil proti hlavě dobytčete a řekl: "Ve jménu Pána našeho, Ježíše Krista, nerosti znamení, jako nerostlo kamení od Kristova narození" (to se řikalo třikráte). Na to obrátil se proti slunci a řekl: "Prosím Tebe, Panno Maria, aby toho hovado tělo čisté a zdravé mělo vždycky". Každý neduh se ztratil". ("В Велварско кузнецы лечили коней заговорами... Кузнец вставал спереди от скотины и произносил: "Во имя Господа нашего, Иисуса Христа, не расти, знамени, как не рос камень от рождения Христова" (это произносились трижды). После этого кузнец поворачивался к солнцу и произносил следующее: "Прошу тебя, Дева Мария, чтобы тело этой скотины навсегда оставалось чистым и здоровым". Все недуги проходили"). [14. S. 266–267]. По своей структуре этот заговор ничем не отличается от многих других: в разных областях Чехии были распространены заговоры против болезней, называемых "*znamení*" (буквально "знак", "знамение", так обозначались не только заболевания скота, но и человеческие недуги с характерной визуальной симптоматикой), практически в каждом из которых фигурировало сравнение с камнем, например: "Nerosti, nerosti znamení, jako nerostlo kamení od božího narození az do božího vzkříšení" ("Не расти, не расти, знамение, как не рос камень от божьего рождения до божьего воскресения") [15]. Важной здесь являлась сама личность исполнителя заговора – кузнеца, а не какие-то особенности текста как такового. Примечательно упоминание обо "всех болезнях": "každý neduh se ztratil", ("все недуги проходили"); "кузнечный заговор" воспринимался как панacea, настолько сильной была вера в колдовские способности кузнеца.

О магической силе кузнецов, о действенности "кузнечных заговоров" говорят и наблюдения, сделанные еще в начале XX в.: по свидетельству очевидца, кузнецы успешно справлялись с лечением не только конских болезней, но и с заболеваниями домашнего скота вообще, заговаривая, помимо прочего, лишай, бородавки и сглаз [14. S. 166]. Сохранился заговор на болезнь скота *krstice* (золотуха, при которой на теле появлялись опухоли, с виду похожие на кротовые холмики; ср. чеш. *krtek* 'крот'): "Šla Panna Maria do Egypta žehnat svého nejmilejšího Synačka. Potkala zlé krtice a ptala se jich: "Kam jdete?" – "My ideme do života N.N. (jméno). "A co tam dělat budete?" – "V jeho těle bouřiti krev". – "Já vás tam nepropouštím, já vás odesílám do lesů tmavých a černých, tam jsou tři studnice, první plná krve, druhá plná vody, třetí plná mléka. Napijte a vykoupejte se, vy zlé krtice, v které se vám lépe líbit bude". – "A já to nedělám svou vlastní mocí, ale Pána Ježíše Krista svatou pomocí. K tomu mi dopomáhej Bůh Otec + Bůh Syn + Bůh Duch Sv., Panna

¹ В соответствии с интерпретацией понятия "текст" в работах московского семиотического круга ("петербургский текст русской литературы", "восточнославянский пастушеский текст" и т.д. [9, 10]), "текст кузнеца" в настоящей работе предполагает взгляд не столько на чисто профессиональные занятия этого персонажа (кузнечное дело), сколько соотносится с образом кузнеца – особой мифологемой, символом, – сложившимся в архаической модели мира.

² Подробнее о связи этих двух значений см.: [12]. А.Н. Афанасьев приводит словацкую сказку о борьбе трех братьев со змеями. Одного из братьев-богатырей зовут *Železomej* ("кузнец"). Именно он изготавливает железные цепи, которыми все трое принимаются молотить змея [13. С. 150].

Maria. – Amen" ("Шла Дева Мария в Египет благословлять своего любимого Сына. Повстречались ей злые золотухи, и спрашивает она их: "Куда вы идете?" – Мы идем к Н.Н. (имя больного). – "А что вы там будете делать?" – "В его теле кровь горячить". – "Я вас туда не пушу, отсылаю вас в темные и черные леса, там три колодца, в первом кровь, во втором вода, в третьем молоко. Пейте и купайтесь, злые золотухи, там, где вам больше понравится". То я заговариваю не своими силами, но святой помощью Господа Иисуса Христа. Помогайте мне в этом, Бог Отец + Бог Сын + Бог Дух Святой, Дева Мария. – Аминь") [14. S. 266]. Чешские кузнецы лечили и людей. Так, по наблюдениям начала XX в., обращались к ним прежде всего с зубной болью [16], причем кузнецы не просто дергали больные зубы, но и заговаривали боль.

Магические свойства, по архаическим чешским верованиям, приобретали и принадлежащие кузнецу инструменты, прежде всего кузнечный молот: здесь налицо символизация по принадлежности предмета (в данном случае – кузнецу как деятелю) [17]. Так, молот мог использоваться в ритуалах, сопровождавших произнесение заговора. Приведем пример заговора от так называемой *навъей кости* или *мертвой кости* (нарост на теле), записанного в 1910 г. в Моравии: "Návní kosti, přestaň růsti jak přestalo růsti kamení vot Syna Božího narození až do Božího stoupení; k tomu mně dopomáhej Pán Buch, všickni svati. Amen, Amen, Amen!.. A to proti východu slunce, než sluce vejde a nesmi bejt před vočima ani strom ani co koli jineho a musí to kovacím kladivem (курсив мой. – E.B.) potírat" ("Навья кость, перестань расти, как перестал расти камень от рождения Сына Божьего до Божьего вознесения; помогайте мне в этом, Господь Бог, все святые. Аминь, Аминь, Аминь!.. Произносить до восхода солнца, повернувшись лицом на восток. Перед глазами не должно быть ни дерева, ни чего бы то ни было другого; больное место потирать кузнечным молотом") [18]. Уместно вспомнить в этой связи и моравскую легенду об ангеле, явившемся в кузницу и побившем дьявола кузнечным молотом [13. С. 143]. Показательно также упоминание Н.Ф. Познанским западноевропейского лечебного обряда "ношения больного ребенка в кузницу": "Кузнец кладет его на наковальню и делает вид, что выколачивает молотом болезнь, подымая и опуская молот над ребенком" [19].

По народным представлениям, особую силу кузнец приобретал прежде всего благодаря своей непосредственной связи с огнем, власти над огненной стихией³. Вообще концепт "огонь" оказывается необычайно важным для сюжетного развития чешских заговорных текстов. На семантическом уровне здесь можно выделить два основных смысловых компонента: 1) огонь как враждебная человеку стихия, порождающая болезни, 2) радикальное средство очищения и уничтожения зла⁴, что проявляется, в частности, в формулах отсылки болезни на огонь: "Žehnám tě nátko, nátko, nátkice⁵, odstup od tohoto těla. Jsi-li z lidí, jdi na luka; jsi-li z větru, jdi do lesa, jsi-li z ouřku, jdi do ohně..." ("Заговариваю тебя, натка, натка, натица, отступи от этого тела. Если ты (пришла) от людей, уходи в луга, если ты (пришла) с ветра, уходи в лес, если ты (появилась) от сглаза, уходи в огонь") [20]. Противоположность этих двух смыслов – лишь видимость: *similia similibus curantur* (подобное излечивается подобным), а потому каждое из двух значений можно считать как следствием, так и причиной другого. Вообще место отсылки болезни в чешских заговорах часто совпадает с локусом ее предполагаемого возникновения, и в этом отношении пример употребления словоформ лексемы "огонь" – лишь частный случай проявления данной общей тенденции: "Šla Panenka Maria po louce, potkala střile střilouce. Kam jdete? Vrat' se! Jste-li z větru, jděte do větru, jste-li z ohně, jděte do ohně, jste-li z vody, jděte do vody" ("Шла Дева Мария по

³ Мотив отождествления кузнеца с древним богом-змееборцем во многом может объясняться связью в архаическом сознании концептов "огонь" и "змея", выявляемой во многих традициях.

⁴ Это очищающее свойство огненной стихии наглядно проявляется и в заговорных ритуалах при сожжении исполнителем заговора предметов (соли, веревок и нитей, кусочков хлеба и т.д.), на которые наговаривался текст.

⁵ *Nátka, nádcha* от *pad(e)chnuti* 'вдохнуть' – болезнь, которую, согласно народным представлениям, человек "вдыхает" в себя.

лугу, встретились ей стрелы-стрелицы. Куда идете? Воротитесь! Если (пришли) с ветра, уходите на ветер, если (пришли) из огня, уходите в огонь, если (пришли) из воды, уходите в воду!" [21]. Отметим, что и само слово "oheň" ('огонь') в чешских заговорах может определяться прилагательным *kovářský* ("кузнечный"): "Jsi-li ty, červ nebo červice v tomto těle, zmiz a ztrat' se, tak jako zmizí a zničí se kovářský oheň a uhlíček" ("Если ты есть в этом теле, червь или червица, исчезни и пропади, как исчезает и пропадает кузнечный огонь и уголек") [2. S. 254].

Именно связь с огнем наделяла кузнеца тайным, сакральным знанием⁶, которое он, живя замкнуто и уединенно, хранил в себе. Эту "выделенность уединенностью"⁷ кузнеца, его обособленное существование также можно считать релевантным признаком данной мифологемы в чешской фольклорной традиции: по архаическим верованиям вообще, "все... не принадлежащие ближайшему сообществу люди являются представителями "иного" мира и наделяются сверхъестественными способностями" [23]⁸.

Итак, мифологема кузнеца в чешской фольклорной традиции репрезентируется как: кузнец-змееборец; кузнец-целитель; кузнец-демиург – исцелить (животное или человека) значило его восстановить, как бы сотворить заново⁹, восстановить его связи с миром, космозировать нарушенный миропорядок. Аналогией к чешским представлениям о кузнеце-целителе может выступать восприятие восточными славянами христианских святых Кузьмы и Демьяна как кузнецов и врачей одновременно [26, 27], в белорусских и русских заговорах: "На мори, на кияни ляжиць белъ камень латырь, на тым белым камни латыри стоиць золотая кузня. У той кузнии Кузьма-Дземьян, Купалный Иван; меець жа сабе Кузьма-Дземьян, Купалный Иван дванатцаць молойцов, дванатцаць молотов. Кузьма-Дземьян, Купалный Иван! бейця, побивайця лихую чемерь..." [28]; "На сером каменю стоиць трицетъ три кузнеца, дёржат трицетъ три молота и бьют, отколачивают банья нечесишша, банья грезнешишша, банья нечистишша у раба Божья" [29]. Среди персонажей чешских заговоров нет кузнецов, совершающих магические действия. Таким образом, те архаические представления о кузнеце, которые в восточнославянской традиции сохранились в самих заговорных текстах, чешской заговорной традицией передаются лишь в обрядовой, акциональной части заговора и в ритуальных функциях кузнеца.

Связанный со сферой тайного и сакрального (огонь, магия металлов), в уединении сохраняющий полученные знания, но всегда помогающий при необходимости, кузнец воспринимался и как посредник-медиатор между миром людей и огненной стихией, связь с которой и наделяла его высшим, сакральным знанием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hadač V. Starodávna kouzla strělecká // Český Lid. 1928. № 28. S. 364.
2. Zibrt Č. Kouzla a čáry staročeské // Český Lid. 1930. № 30.
3. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1996. С. 92.
4. "Встану я благославясь..." (лечебные и любовные заговоры, записанные в части Архангельской области) / Под ред. Ю.И. Смирнова, В.Н. Ильинской. М. 1992. С. 7.

⁶ Ср. алхимическое представление об огне как о стихии, действующей в центре всего сущего, всех вещей [22], а потому и связывающей все со всем, дающей высшее знание. М. Элиаде писал, что именно "власть над огнем, а особенно магия металлов создали кузнецам повсюду репутацию опасных колдунов вообще" [6. С. 178].

⁷ Выражение Т.В. Цивьян [10. С. 351].

⁸ Ср. также следующую ремарку: "Колдуны и чародеи... должны запретить себе то, что составляет большую часть так называемой обычной, ординарной жизни – для того, чтобы предотвратить контакт сакрального с мирским, чтобы не иметь никаких профанических качеств, которые могли бы помешать им проникнуть в область сакрального" [24].

⁹ Ср. замечание К.-Г. Юнга: «В "Ригведе" творец мира Брахманаспати выступает как кузнец» [25].

5. Черных Е. Металл – человек – время. М., 1972. С. 183.
6. Элиаде М. Космос и история. М., 1987.
7. Иванов В.В. Кузнец // Мифы народов мира. 2-е изд. М., 1997. Т. 2. С. 21–22.
8. Петрухин В.Я. Кузнец // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 234.
9. Топоров В.Н. Петербург и петербургский текст русской литературы (введение в тему) // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Тарту, 1984 (= Труды по знаковым системам. Вып. XVIII).
10. Цивьян Т.В. Из восточнославянского пастушеского текста: Пастух в русской сказке // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., 1995.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 2. С. 270, 279.
12. Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 159–161.
13. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу (опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов). М., 1995. Т. I.
14. Langová A. Kováři v lidovém podání na Velvarsku // Český Lid. 1902. № 11.
15. Mikolášek-Skalský V. Zařikávání z Písecka // Český Lid. 1903. № 12. S. 175.
16. Soukup J. Památky, obyčeje a pověry kovářské // Český Lid. 1902. № 11. S. 11.
17. Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Символический "язык вещей" в традиционной народной культуре // Славяноведение. 1994. № 2. С. 4.
18. Trnka F. Lidová zažehnavání ze Žďárska na Moravě // Český Lid. 1910. № 19. S. 79.
19. Познанский Н.Ф. Заговоры (опыт исследования происхождения и развития заговорных формул). М., 1995. С. 143.
20. Hajný A. Paběrky lidového léčení z okolí Nymburka // Český Lid. 1931. № 31. S. 106.
21. Franěk B. Zařikávání nemocí z Rakovnicka // Český Lid. 1903. № 12. S. 432.
22. Башиляр Г. Психоанализ огня. М., 1993. С. 118.
23. Виноградова Л.Н. Человек/нечеловек в народных представлениях // Человек в контексте культуры. Славянский мир. М., 1995. С. 17.
24. Rony J.-A. La Magie. Paris, 1963. P. 8–9.
25. Jung C.G. Symbols of Transformation (Collected Works, 5). London, 1956. P. 358.
26. Агапкина Т.А. Кузьма и Демьян // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 235.
27. Макашина Т.С. Святые Косма и Демиан в русском фольклоре // Живая старина. 1994. № 3. С. 18–21.
28. Романов Е.Р. Белорусский сборник. Витебск, 1891. Вып. 5. С. 190.
29. Мансикка В. Заговоры Шенкурского уезда // Живая старина. 1912. Вып. 1. С. 128.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Славяноведение, № 6

Bibliografia językoznawstwa slawistycznego za rok 1992 / Pod redakcją Zofii Rudnik-Karwatowej. Warszawa, 1995. 555 S.

Библиография по славянскому языкознанию за 1992 год / Под ред. С. Рудник-Карватовой

Bibliografia językoznawstwa slawistycznego za rok 1993 (z uzupełnieniami za rok 1992) / Pod redakcją Zofii Rudnik-Karwatowej. Warszawa, 1996. 354 S.

Библиография по славянскому языкознанию за 1993 год (с дополнениями за 1992 г.) / Под ред. С. Рудник-Карватовой

Bibliografia językoznawstwa slawistycznego za rok 1994 (z uzupełnieniami za lata 1992–1993) / Pod redakcją Zofii Rudnik-Karwatowej. Warszawa, 1997. 824 S.

Библиография по славянскому языкознанию за 1994 год (с дополнениями за 1992–1993 гг.) / Под ред. С. Рудник-Карватовой

Рецензируемые три годовых выпуска изданной в Польше библиографии по славянскому языкознанию представляют собой одновременно и начало новой библиографической серии и продолжение авторитетной традиции, насчитывающей более 90 лет. Ее истоки восходят к краковскому ежегоднику "Roczniku Slawistycznemu", который с 1908 г. стал публиковать раздел "Przegląd bibliograficzny językoznawstwa slawistycznego". Как пишет в предисловии к рецензируемой библиографии проф. Э. Жетельска-Фелешко, тот первый "Przegląd" представил 245 первоисточников, при этом аннотации были настолько подробны и критичны, что напоминали небольшие рецензии. Со временем "Przegląd bibliograficzny" вырос из раздела "Rocznika Slawistycznego" в самостоятельную, отдельно публикуемую вторую часть ежегодника. Сейчас он стал изданием, независимым от "Rocznika". В выпуске за 1994 г. 7147 позиций, при этом библиография не является исчерпывающе полной и не задумывалась таковой.

Традиция, которую продолжает рассматриваемая библиография, занимает особое место в славистике: это библиография работ по всем славянским языкам, написанных на славянских и неславянских языках. По ши-

роте охвата материала это издание не знает равных. В большинстве славянских стран самые полные лингвостлавистические библиографии охватывают работы, посвященные "своему" языку, при этом иногда без ограничений, связанных с языками и географией изданий (таковы, например, ежегодные библиографии "Slovenistika", публикуемые с 1978 г. в люблянском журнале "Język in slovstvo"), иногда – с ограничениями (таковы, в частности, два выпуска "Беларускага мовазнаўства", изданные в 1980 и 1993 гг.: здесь учтены работы за два десятилетия о белорусском языке, написанные только на белорусском, русском и украинском языках и изданные только в СССР). Библиографии, подготовленные в Киеве и Москве, не ограничены одним языком, но ограничены географически: библиография "Слов'янська філологія на Україні (1968–1976)" (Київ, 1978) и библиографические ежегодники "Філологічні науки на Україні" (Київ, 1979; 1980; 1981) систематизировали библиографию по всем славянским и неславянским языкам, но только в украинских изданиях; аналогичный подход, но, конечно, *mutatis mutandis*, в московских библиографиях "Славянское языкознание: Указатель литературы, изданной в СССР" (1963,

1973, 1980–1981, 1985, 1988): это данные о работах по всем славянским языкам, но изданные только в одном государстве. Зарубежные издания могли попасть в библиографию в том случае, если в СССР на них была опубликована рецензия. Библиографическим источником по зарубежной славистике служил ежемесячный бюллетень "Иностранная литература по общественным наукам: Языкознание", выходивший с 1953 г. В ИНИОН АН СССР, однако ограниченной той литературой, которая поступала в библиотеки СССР.

Рассматриваемое варшавское издание объединяет лингвистическую славистику вне границ. Это, разумеется, польская библиография, но она носит всеславянский характер, а по составу метаязыков и географии издание выходит далеко за пределы Славии. Страна, которая издает такой универсальный славистический ежегодник, заявляет о себе как о лидере славяноведения. Впрочем, и по составу сотрудников рассматриваемая библиография также выходит на международный уровень: в реализации проекта участвовал интернациональный коллектив библиографов-корреспондентов, что требовало от инициаторов и редакторов значительных организационных усилий. Но в этом и состоит кадровая предпосылка столь ценной публикации. Жаль только, что организационные усилия не распространились до берегов США и Великобритании.

Рецензируемую библиографию составляют десять главных разделов: 1) общий раздел; 2) старославянский язык; 3) болгаро-македонская группа (с подразделами: болгарский язык и македонский язык); 4) сербско-хорватская группа (без подразделов по языкам); 5) словенский язык; 6) чешско-словацкая группа (с подразделами: чешский язык и словацкий язык); 7) лужицкая группа (без подразделов по языкам); 8) лехитская группа (с подразделами: полабский язык и польский язык); 9) восточнославянская группа, с четырьмя подразделами по хронологии и по языкам: древнерусский (*język staroruski*), русский (*język rosyjski*), белорусский и украинский; давно дифференцированные польские лингвоэтнонимы *ruski* и *rosyjski* удерживают от восприятия слова *staroruski* как 'древневеликорусский', предполагая таким образом этнополитически корректное понимание термина *język staroruski* как 'общевосточнославянский'; 10) раздел, который в библиографии за 1992 г. называется "Славянское влияние на другие языки", а в последующих выпусках – "Славянско-неславянский раздел" с двумя

симметричными диахронически ориентированными подразделами ("Влияние славянских языков на неславянские" и "Влияние неславянских языков на славянские") и завершающим синхроническим: "Контрастивные исследования".

Библиография в рамках отдельных языков расположена по общему для всего издания плану, в котором соединены разнонаправленные оппозиции: библиографии систематизированы в зависимости, во-первых, от уровневой принадлежности изучаемых явлений; во-вторых, от лингвистических подходов или дисциплин (история языка, диалектология, социо-, психо- и этнолингвистика). Примат синхронического подхода сказался в том, что библиографии по отдельным языкам открываются не историей и диалектологией, а разделами о современных литературных языках.

Понятно, что распределение библиографий по логически пересекающимся рубрикам допускает множество неоднозначных решений. Поэтому можно не раз удивиться, встречая, допустим, статью этимолога не в истории языка, а в лексикологии или этнолингвистике. Однако такого рода неожиданности уравниваются отсылками в конце тематических подразделов на номера публикаций, содержательно связанных с данной рубрикой, а также авторским указателем. Неоднородность принципов рубрикации и содержательная разноплановость библиографического материала, как бы выходящего из терминологических берегов рубрик, не только неизбежны, но и поучительны: так в самом строении библиографии отображается многомерная структура языка и полнота лингвистической рефлексии.

По-видимому, наибольшие трудности были связаны с формированием первого раздела библиографии. Структура раздела, принятая в выпуске за 1992 г., в двух последующих существенно усложняется: число рубрик удваивается; отчасти изменяются принципы или практика распределения библиографий по рубрикам. Так, в выпуске за 1992 г. лексикологический подраздел общей части включает, помимо любых трехязычных словарей, двуязычные словари тех славянских языков, которые принадлежат разным подгруппам, как, например, "Русско-польский разговорник-словарь для бизнесменов и туристов" (№ 530). Однако аналогичные словари – вроде "Беларуско-польскага размоўніка" (№ 2145), "Французска-беларуска-рускага слоўніка" (№ 2135) или "Англо-українсько-російського словника усталених виразів" (№ 2166) – оказыва-

лись помещенными также и в начале восточно-славянского раздела. В последующих двух выпусках, с выделением в общем лексикологическом подразделе рубрики "Дву- и многоязычные словари", библиография всех межславянских переводных словарей группируется в одном определенном месте.

Некоторые рубрики общей части, в особенности "Проблемы современных языков" и "Varia", оказываются "остатком" самого пестрого содержания, с трудом поддающегося классификации. Однако здесь встречаются и явно "заблудившиеся" первоисточники. В частности, книга "Доломоносковский период русского литературного языка" (Uppsala; Stockholm, 1992), хотя и имеет подзаголовок "Материалы конференции...", определенно относится не к "Varia", но к истории литературного русского языка. К сожалению, содержание этого объемного сборника (361 С.) не раскрыто, хотя здесь представлены большие статьи таких авторов, как А.А. Алексеев, У. Биргегорд, Л. Дурович, Д. Фрейданк, Е. Гюнтер, Г. Хюттел-Фолтер, Г. Кейперт, В. Лехфелдт, А. Сьюберг, Б.А. Успенский, Д. Ворт, В.М. Живов. Судя по всему, книга попала в библиографию благодаря рецензиям (причем дважды – в выпуске 1993 и 1994 г.), но с описанием ей не повезло.

Все описания выполнены de visu. Библиография ряда первоисточников сопровождается краткой аннотацией, однако, как отмечает в предисловии редактор издания С. Рудник-Карватова, их количество существенно ограничивалось лимитом печатной площади. После каждой аннотации указан ее автор – таковая степень личной ответственности участников международного проекта за свою работу.

Международный уровень варшавской библиографии сказался в продуманном сочетании языкового разнообразия первоисточников и определенной, в том числе языковой, унификации строевых компонентов описаний. Точный адрес каждой работы фиксирован ее номером (при сквозной нумерации в каждом годовом выпуске библиографии). После номера следуют фамилия и имя (или инициалы) автора или название книги (если ее авторы не указаны на титульном листе). При этом, если в оригинале фамилия и имя автора записаны алфавитом на латинской основе, то в библиографии, перед названием соответствующей работы, они приводятся в оригинальном написании: если же в оригинале фамилия дается кириллическим, греческим или еврейским письмом, то перед названием работы она

транслитерирована по польскому стандарту. На основе этих записей построен авторский указатель к библиографии. Однако при этом в каждом описании, после названия работы (на языке и в графике оригинала), фамилия автора (редактора или переводчика) приводится в том виде, в котором она дана в первоисточнике. После указания места издания, издательства, года и страниц дается сокращенное обозначение языка (языков) публикации. Затем может следовать аннотация (на языке ее составителя, иногда не совпадающем с метаязыком оригинала). Некоторые "синтаксические" маркеры в описаниях являются универсальными (на латинской или английской основе: [In:], s.n., etc., Cf. и др.).

Возможно, в будущем окажется целесообразной большая унификация библиографических описаний. В России, Украине и Белоруссии достаточно обычны "имперсональные" описания: если фамилия редактора сборника статей не указана на титульном листе, то такая книга будет описана "по заглавию" (поэтому в наших библиографических сводах итоговые алфавитные индексы – это указатели "имен и заглавий"). В западной и в том числе польской традициях описание книги начинается фамилией составителя или редактора; из-за таких различий возможны как пропуски в библиографии, так и дублирование некоторых описаний. В частности, в рецензируемой библиографии дважды описан "Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: речевой и графический портрет советской тюрьмы" (Авторы-составители Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов / М., 1992); в выпуске за 1993 г. (под № 5041) на фамилию первого автора, и в выпуске за 1994 г. (под № 5664) – на *Словарь*. Такие повторы способны уменьшить надежность суждений о количестве публикаций.

Современные технологии позволяют находить новые ценные ракурсы презентации данных. В частности, в выпусках за 1993 и 1994 гг., кроме "Указателя авторов", имеется "Index innych osób" – указатель имен собственных, содержащихся в названиях источников или в их аннотациях. Этот указатель, во-первых, компенсирует отсутствие в разделах "Язык автора" систематизации библиографии по алфавиту фамилий изучаемых авторов (обычной для наших справочников) – в рецензируемом своде позиции в указанных разделах даны по алфавиту фамилий исследователей; во-вторых, будучи сводом релевантных упоминаний, "Index innych osób", позволяет увидеть приоритетные в славистике имена и традиции в

приоритетах. Приведу первые семь имен вырисовывающегося "хит-парада" (в скобках указано количество соответствующих библиографических позиций: 1-я цифра называет число позиций в выпуске за 1993, 2-я – за 1994 г.): Миклошич (10 + 61), Скарына (5 + 30), Св. Кирилл-Константин (23 + 10), Св. Мефодий (20 + 12), Срезневский (1 + 28), Пушкин (12 + 12), Чехов (11 + 8). Понятно, насколько для истории славистики будут ценны такого рода "индексы изучаемости", полученные за более продолжительное время (которое сгладит "пики славы", связанные с юбилеями и некрологами).

Таким образом, рецензируемая библиография представляет собой многоаспектный и исключительно репрезентативный источник информации. Это и "хроника текущих событий", и справочник "кто есть кто" в славянском языкознании, и потенциально ранжированный список значимых персоналий, и компактный тематический дайджест. Его особая надежность обусловлена

документальной и концентрированной природой библиографии. Международная библиография славянских языков, объединяя в единое целое массы разрозненных фактов, напоминает сразу и статистику переписей, и лингвистический атлас. Впрочем, библиографическая мозаика надежнее, достовернее статистики и выразительнее атласа, потому что библиография, хотя и ведет счет отдельным фактам, не столько их суммирует, сколько определяет в общей панораме место каждой публикации, сохраняя ее главные опознавательные знаки – имя и заглавие. При современном переизбытке информации ее библиографическая компрессия приобретает все большую ценность – не только как возможность библиографического поиска и бесчисленных частных справок, но и в своей совокупности – как концентрированная база объективных данных о написанном за год. Это делает варшавскую международную библиографию надежной летописью современного славянского языкознания.

© 1999 г. *Н.Б. Мечковская*

Международная конференция "Славяне и их соседи"

24–26 мая 1999 г. в Институте славяноведения РАН прошла очередная Международная конференция "Славяне и их соседи" (XVIII чтение памяти В.Д. Королюка), организованная Отделом истории средних веков. Она была посвящена межславянским взаимоотношениям и связям в период средневековья и раннего Нового времени. На конференции были представлены доклады исследователей из Санкт-Петербурга, Воронежа, Астрахани, Брянска, в работе форума также приняли участие ученые из Австрии, Венгрии, Польши, Белоруссии, Украины.

Присутствующие почтили минутой молчания память ушедшего из жизни известного слависта и неизменного организатора и участника всех предыдущих конференций "Славяне и их соседи" Л.В. Заборовского. При его активнейшем участии стали издаваться сборники тезисов данных конференций, а также их материалы, переросшие в ежегодники "Славяне и их соседи".

Было зачитано письмо дирекции Института славяноведения к И.К. Королюку с благодарностью за передачу в Отдел истории средних веков личной библиотеки В.Д. Королюка.

Во вступительном слове академик *Г.Г. Литаврин* отметил специфику данной конференции, обратив внимание на то, что она посвящена не столько связям славян с другими народами, сколько политическим и историко-культурным взаимоотношениям внутри славянской общности.

В докладе *В.В. Седова* "Этнокультурная дифференциация славян в период великого переселения народов" были выявлены основные особенности и специфика складывания в результате славянской миграции нескольких диалектно-племенных групп, каж-

дая из которых создала свою особую культуру. В заключение был сделан вывод не только о возможности сопоставления славянских культур, сложившихся в эпоху Великого переселения народов, с диалектами праславянского языка, но и о необходимости их изучения в едином комплексе.

В выступлении *Г.Г. Литаврина* "Межславянские отношения на Балканах в VII–IX вв." подчеркивалось отсутствие в источниках данных о взаимоотношениях балканских славян в указанный период, что, по предположению докладчика, свидетельствует об относительно спокойном и мирном характере взаимодействия, не сопровождавшегося ни интеграцией, ни созданием союзов и крупных объединений, ни значительными столкновениями. *Г.Г. Литаврин* проанализировал основные тенденции в развитии межславянских отношений на Балканском полуострове, разделив его на четыре региона: сербо-хорватский на северо-западе, район между Дунаем и Балканским хребтом, территория Северной Фракии и Македонии, регион, охватывающий Грецию и Пелопоннес. Все они различаются внутренними и внешними условиями, что оказывало существенное влияние на характер взаимоотношений славян в каждом из них. *Г.Г. Литаврин* отметил, что детальное изучение складывания и функционирования в каждом из этих регионов славиний и архонтий дает многое для понимания механизма создания раннегосударственных славянских объединений. Особо была подчеркнута необходимость вести подобные исследования, используя результаты археологических и лингвистических разработок.

Живой интерес аудитории вызвало выступление *Ю.В. Ивановой* по вопросу о

славяно-албанских взаимоотношениях в средние века и ранее Новое время, в котором освещались основные факторы мирного сосуществования славяно-албанского смешанного населения на территории к северу, северо-западу, северо-востоку от Албанских Альп. Среди них особо подчеркивалась общность хозяйствования, преобладание не этнического, а областнически-земского сознания, использование двух языков, одинаковое обыденное сознание и т.д. Автор обратила внимание аудитории на то, что конфликтные ситуации в этом регионе возникли в результате оформления национальных государств и борьбы между правящими элитами.

А.А. Турилов рассмотрел изменения и специфику книжно-литературных взаимоотношений между славянами на протяжении средневековья и раннего Нового времени. Характер связей между болгарами и сербами, а также южных славян с восточными существенно различался. Если в первом случае взаимодействия были достаточно активными и равноправными, то во втором случае можно говорить о неофициальных или полуофициальных церковно-культурных связях лишь до рубежа XV–XVI вв. Центром этих культурных контактов выступал в первую очередь Афон. Таким образом, русско-южнославянские связи осуществлялись, в отличие от сербо-болгарских, вначале в рамках "византийского содружества", и лишь после фактического исчезновения этого объединяющего фактора начинают складываться непосредственные связи: распространяется практика архиерейских и монастырских посольств за "милостыней" в Россию и православные земли Речи Посполитой, Молдавия приобретает значение контактной зоны.

Й. Райнхарт (Вена) представил доклад на тему "Межславянские переводы в период позднего средневековья и раннего Нового времени (до конца XVI в.)". Было отмечено, что, несмотря на частые литературные контакты, говорить о переводах в средневековой славянской литературе не представляется возможным. Как таковые они появляются лишь начиная с конца XVI в. Выделяются три основные группы переводов: с чешского языка на хорватский (на глаголице), с чешского языка на польский и с польского – на (старо)белорусский. В большинстве своем эти тексты имеют религиозную или богословскую тематику, и их оригиналы чаще всего являются переводами с латыни. Й. Райнхарт подробно остановился на лингвистических особенностях этих переводов. При неизменности основных трех

групп переводов появляются и новые направления (например, хорватский перевод Библии со словенских оригиналов, украинский перевод польской Библии Мартина Чеховича 1577 г. и др.). Докладчик особо подчеркнул существование переводов из иноконфессиональной среды.

Проблемы литературных взаимоотношений были также отражены в докладах *А.М. Пентковского* "Западные влияния в южнославянских чинопоследованиях исповеди", *С.А. Давыдовой* "Особенности появления некоторых церковно-аскетических памятников на Руси в домонгольский период", *Т.Е. Строчковой* «Произведения славянского книжника IX – начала X в. Климента Охридского в рукописных "Златоустах" традиционного состава», *Е.В. Беляковой* о памятнике канонического права мазурской Кормчей как источнике по истории межславянских культурных связей, *Д.И. Польшанского* о "канцелярской литературе" и культурной общности православного славянства в 30-е годы XIV в., *Л.В. Гориной* "Сведения о болгарском пресвитере Григории (X в.) в Русском Хронографе".

Е.Е. Левкиевская выступила с докладом на тему "Славянская мифология: проблемы диалектного членения. 2. Мифологический персонаж и его функция", в котором рассматривались методологические проблемы реконструирования общеславянской мифологии.

На утреннем заседании второго дня конференции основная часть выступлений была посвящена проблемам политических взаимоотношений внутри славянской общности и связей славян с другими народами. Были заслушаны доклады *И.О. Князького* «Киевская Русь и "низовские" болгары в 985 г.», *А.М. Кузнецовой* – об отношениях поморских и полабских славян, *Д.Ю. Аранова* "Политика Российской империи по отношению к славянским и неславянским группам дворянства на территории бывшей Речи Посполитой", *А.С. Королева* "Моравский фактор во внешней политике Киевской Руси в X в.". История политических и культурных взаимоотношений славян и венгров стала предметом исследования в докладах *М.К. Юрасова* "Первые славяне Паннонии" и *Р. Гжесика* (Познань) о появлении и распространении культа св. Сворада. В выступлении *О.А. Акимовой* были проанализированы историко-культурные факторы формирования и развития идеи славянской общности в далматинской и хорватской литературе эпохи позднего средневековья и Нового времени. В сообщении "Болгары и прообразы болгарских субэтносов в

Османской империи" *И.Ф. Макарова* рассмотрела влияние религии на становление болгарской нации, особо остановившись на специфике этнокультурного развития болгар-мусульман (помаков) и болгар-католиков (павликиан) в XVII–XIX вв. Автор приходит к выводу, что до середины XIX в. роль религии в болгарском обществе была не только объединяющей, но и этнодезинтегрирующей.

Б.Н. Флоря выступил с докладом «Образ "ляха" в массовом сознании белорусского и украинского общества первой половины XVII в.». Возможность детального рассмотрения этой темы обусловлена существованием адекватного источника – записей, сделанных дьяками пограничных приказных городов, в которых зафиксированы рассказы простых людей и их отношение к "ляхам". Согласно этому источнику, "лях" – это человек, занимающий высокое социальное положение в обществе, обладающий определенной властью. "Ляхам" противопоставлялись "русские люди", занимающие подчиненное положение, которых "ляхи" заставляют принять "ляшскую веру" (католичество) и работать на себя. На территории Литвы в качестве "ляхов" воспринимали магнатов и шляхтичей, католиков вообще. Такое понимание образа "ляха" определяло и представления о простых людях, проживающих на территории этнической Польши, как о союзниках в борьбе с "ляхами". Основными факторами формирования подобного образа "ляха" были, во-первых, общение с польскими магнатами, осуществлявшими административную власть на украинских землях с 20-х годов XVII в., а во-вторых, представления об отношениях "русских людей" и "ляхов", сложившиеся в среде львовского православного мещанства, подвергавшегося угнетению со стороны немецко-польского патрициата. Эти представления в результате миграции основных деятелей Львовского братства на восток проникли в среду казачества.

Историографическая проблематика нашла отражение в выступлении *Л.П. Лаптевой* "История средневековой Чехии в русской историографии XIX в." и докладе *Т.А. Жалилова* «Концепции славянского единства в "Древностях" Л. Нидерле».

Тема влияния польской идеологии на украинское национальное сознание была рассмотрена в докладе *М.В. Лескикнен* "Польский сарматизм и его украинская адаптация: мифологемы национального сознания на этапе формирования". Были рассмотрены основные элементы и

структуры украинского национального сознания на этапе его генезиса в сопоставлении с соответствующими категориями польской сарматской идеологии: исторические корни и этногенетический миф, образ Родины и его связь с идеалом государства и вероисповедания, а также представления об идеальном человеке ("сармате"). Было подчеркнуто, что участие в процессе формирования польского национального сознания украинской шляхты сопровождалось ее разделением на группу, принявшую католицизм и унию и таким образом в меньшей степени сохранившую традиционно-культурное своеобразие православия, и на группу православного украинского дворянства, которое, восприняв основные идеи польского сарматского этногенетического мифа и сарматского дворянского этоса, по своему изменило их структуру и основные элементы национальной идеологии.

Многообразие взаимоотношений внутри общности западных славян и их отношений с восточными нашло отражение в сообщениях *В.А. Сосно* (Минск) "Попытки соединения польского шляхетского движения с белорусским крестьянством в 30–40-х годах XIX в.", *К.Т. Медведевой* "Чешско-моравские отношения в период Первой сословной конфедерации", *А. Бжезиньской* (Будапешт) "Польско-московские отношения в зеркале династической политики последних Ягеллонов", *В.К. Ковалева* "Взаимоотношения с иноязычными славянами во внешней политике Пшемысла II".

На конференции также прозвучали доклады, затрагивающие проблемы возникновения и утверждения императорского титула и имперской идеи в России времени Ивана Грозного и Петра I (доклады *С.М. Салей* (Гродно) и *О.Г. Агеевой*).

Проблемы славянских миграций и, как следствие, складывания специфических этнокультурных сообществ были проанализированы в выступлениях *В.И. Палиенко* (Киев) "История миграции и расселения поляков на Украине", *А.А. Желтова* "Древние этнокультурные пласты в народных традициях Русского Севера (в связи с заселением территории)" и *Е.А. Васильевой* "Славянская миграция в Нижнее Поволжье конца XVII – начала XVIII в. и этнокультурные контакты в регионе (по данным топонимии)". Важность и необходимость использования археологического материала для реконструкции славянских взаимоотношений были продемонстрированы в докладах *В.И. Кулакова* "Клад в Стегнах и гибель Трусо" и *Е.А. Шинакова*

«"Служебная организация" и "Сновская тысяча": проблемы, результаты и задачи».

В заключительном слове *Г.Г. Литаврин* подвел итоги конференции, подчеркнув, что широта и разнообразие тематики докладов позволила привлечь большое количество

участников и, что особенно важно, молодых исследователей. Было решено, что темой следующей конференции "Славяне и их соседи" будет "Славяне между Римом и Константинополем".

© 1999 г. *Н.В. Чвырь*

Славяноведение, № 6

Конференция: "Славянская идея: историография и источники"

Под таким названием 27 мая 1999 г. в Институте славяноведения РАН (ИС) состоялась очередная конференция по проблемам славянской идеологии в рамках Дней славянской письменности и культуры. Было прочитано десять докладов. Во вступительном слове *М.Ю. Досталь* (ИС) подвела некоторые итоги изучения данной проблематики: проведено шесть конференций, издано четыре сборника, два сборника подготовлены к печати, многие материалы прошлогодней конференции опубликованы в журнале "Славяноведение" и т.д.

Конференцию открыл доклад *М.Ю. Досталь* "Теория официальной народности в отечественной историографии", в котором были рассмотрены немногие работы дореволюционных и современных ученых, специально изучавших разные аспекты этой проблемы. Среди них С.В. Рождественский, А.Н. Пыпин, М.А. Полиевктов, В.А. Дьяков, М.Ю. Досталь, А.Ю. Бахтурин, В. Хотенков и В. Чернота, Е.В. Олесюк и др. Докладчица проанализировала подход названных авторов к решению вопросов об определении сути доктрины, о хронологических рамках ее функционирования и месте в общественно-политическом спектре тогдашней России, о предшественниках, творцах и последователях, об отношении к доктрине современников, в том числе славянофилов и панславистов.

Е.П. Аксенова (ИС) посвятила свой доклад историографии украиноведения в России в XIX в. Она выделила и охарактеризовала три основные этапа украиноведческих исследований русских и украинских историков на территории Российской империи: 20–40-е годы, конец 50-х – 70-е

годы и 80–90-е годы, отражавшие особенности развития здесь украинского национального движения.

Последним среди докладов по отечественной историографии славянской идеологии был прочитан доклад *В.Н. Грекова* (Московский Гуманитарный университет им. Е.Р. Дашковой) на тему «"Восточный вопрос" в публицистике славянофилов и почвенников», который был построен в русле представлений современной культурологии.

Следующий блок докладов был посвящен проблемам славянской идеологии в освещении современной чешской историографии. *З.С. Ненашева* (МГУ) рассказала о пересмотре роли *slovanství* в общественной жизни Чехии в новейших трудах чешских историков. В работах Я. Кржена и других подчеркивается самодостаточность и особая роль Чешских земель в составе Австро-Венгрии и всегдашняя приверженность чехов ценностям западноевропейской цивилизации. Соответственно, и в вопросе отношений с немцами (богемскими, австрийскими и германскими) историки отходят от представлений о традиционном национальном соперничестве в сторону большей толерантности и общедемократических ценностей.

Тему, поднятую *З.С. Ненашевой*, продолжила *О.В. Павленко* (РГГУ), рассмотрев проблемы *slovanství* в чешской историографии XX в. Автор выделила несколько этапов изучения славянской идеологии в Чехии: с конца прошлого века до 1939 г., 1940–1950-е годы, 1960-е годы, 1970–1980-е годы, 1990-е годы, отметив, что в эти периоды в зависимости от политической конъюнктуры менялось соотношение

преобладания работ, абсолютизированных *slovanství* в чешской общественной жизни или, наоборот, подчеркивавших чешскую национальную самодостаточность. В 1990-е годы в бывшем Институте истории Восточной Европы состоялась дискуссия о роли славянской идеологии и русофильства в Чехии, в которой первую позицию защищали Шестак, Штяцны и другие, вторую – Гостичка, Ганзел, Вавра и др. Преобладание получила точка зрения последних, отрицавших влияние русофильства на чешское общество. На первый план вышло изучение чешско-немецких связей – доказывалось, в частности, что чешский народ всегда ориентировался только на Центральную и Западную Европу.

Л.П. Лантева (МГУ) представила в своем докладе суммированное представление чешских историков 1960–1970-х годов (Шимечек, Жачек, Кутнар и др.) о зарождении, развитии и крахе идеологии австрославизма в Чешских землях.

Освещению проблем славянской идеологии южнославянскими учеными был посвящен третий блок докладов. *И.В. Чуркина* (ИС) проанализировала освещение мировоззрения славонского епископа Иосипа Юрая Штросмайера (1815–1905) в хорватском сборнике статей, посвященном 180-летию со дня его рождения. Автор подчеркнула некоторую односторонность хорватских ученых в оценке деятельности этого известного поборника славянской взаимности и идей югославизма. Они представили его исключительно как хорватского патриота и мецената, яростного противника сербов. Утверждалось, что если бы реализовались идеи объединения югославын вокруг Загреба, а не Белграда, выраженные в свое время Штросмайером, Югославия никогда не распалась бы и органично вошла бы в европейское сообщество.

И.И. Лециловская (ИС) охарактеризовала в своем докладе юбилейное издание, выпущенное к 150-летию хорватского национального возрождения в Загребе в 1985 г. Это движение авторы сборника рассматривали во временном диапазоне с конца XVIII в. по 1848 г. Докладчик отметила, что подходы авторов статей к периодизации иллиризма, стремление выделить на ранних этапах чисто хорватскую направленность этого движения во многом расходились с позиций российских ученых.

И.Г. Воробьева (Тверской государственный университет) обратила внимание слушателей на новейшие хорватские издания источников по проблемам славянской идеологии. В частности, с 1998 г. Матица хорватская издает в Сплите журнал "Testomonia Croatica", в котором собраны документальные свидетельства очевидцев, фотографии, перепечатки старых публикаций документов и т.д. о трагических событиях периода мировых войн и о военных конфликтах на Балканах. Документы печатаются, как правило, без комментариев, но в самом их подборе автор отмечает тенденциозность и резкую антисербскую направленность, стремление доказать всегдашнюю ориентацию хорватов на западную культуру.

В докладе *А.Н. Горяинова* (ИС) был дан обзор книги болгарского историка Эмилии Лазаревой "Славянское движение в Болгарии. Обзор славянских обществ в Болгарии с 70-х годов XIX в. до современности" (София, 1997). Речь шла о четырех малоизвестных в России болгарских обществах, сыгравших заметную роль в общественной жизни Болгарии. Самое влиятельное из них было основано 4 декабря 1899 г. и отмечает в этом году свой столетний юбилей. Рупором общества был журнал "Славянский глас" (1902–1936). С 1993 г. Славянское общество в Болгарии возобновило свою работу, первым результатом которой и стала названная книга.

По докладом развернулась оживленная дискуссия, в ходе которой было отмечено, что в большинстве славянских стран после "бархатных революций" 1989 г. обнаруживается тенденция на свертывание исследований по славянской идеологии и почти полное игнорирование ее как фактора, оказывавшего определенное влияние на общественно-политическую жизнь славянских стран в XIX–XX вв. Обсуждалась и тематика будущей конференции. Предлагались два варианта: "Славянская идея в русской философии XIX–XX вв." и "Утопия и реальность в славянской общественной мысли". Большинство участников конференции высказалось в пользу последней темы.

© 1999 г. М.Ю. Досталь

Круглый стол "Славянские поэты – ровесники А.С. Пушкина"

В рамках Дней славянской письменности и культуры и празднования 200-летия со дня рождения А.С. Пушкина 25 мая 1999 г. в Институте славяноведения РАН был проведен круглый стол "Славянские поэты – ровесники А.С. Пушкина. К 200-летию Фр.Л. Челаковского", организованный Центром по исследованию истории славянских литератур до 1945 г. В нем приняли участие сотрудники Центра из других подразделений Института.

Открыла заседание круглого стола руководитель Центра, д-р филол. наук Л.Н. Будагова, которая в своем докладе ввела проблематику обсуждения в контекст исследовательской работы коллектива (история славянских литератур, литературные связи, поэтика художественных направлений и стилей), а также в контекст научных мероприятий Дней славянской письменности и культуры как прежних лет, так и состоявшихся в год пушкинского юбилея. Напомнив основные вехи жизни и творчества Фр.Л. Челаковского, одного из крупнейших деятелей чешского национального Возрождения, она подчеркнула плодотворность сопоставлений творчества поэтов пушкинской поры, живших за пределами России, с творчеством русского классика. Эти сопоставления позволяют подтвердить и скорректировать тезис о неравномерности развития славянских литератур, а также выявить связывающие черты. Показав общий интерес двух поэтов к фольклору, она обозначила сходство и отличие его функций в русской и чешской литературах. В первом случае народные песни и сказки, которыми увлекался и вдохновлялся Пушкин, вносили в достаточно развитую литературу свежую струю, противостояли засилью французского языка в русском культуротворческом слое (Пушкин видел в этом одну из причин, "замедливших ход нашей словесности"), способствовали преодолению книжных канонов. Во втором случае славянский фольклор, который собирал и в духе которого писал свои произведения Челаковский, служил основой и импульсом развития возрождающейся – после столетий чужеземного гнета – национальной литературы.

С.В. Никольский в докладе "Фр.Л. Челаковский – фольклорист и поэт" охарактеризовал Фр.Л. Челаковского как яркого представителя раннего этапа славянского национального Возрождения, когда выступали культурные деятели широко профиля и в одном лице зачастую совмещался ученый-филолог, создатель словарей и грамматик, фольклорист-собирающий и издатель народного творчества и поэт. В литературной программе и творчестве Челаковского наиболее последовательное выражение получила ориентация на народную поэзию как на источник национально-самобытного искусства. Было показано, что поэтические сборники Челаковского "Отголоски русских песен" и "Отголоски чешских песен" внесли в литературу целый новый, незнакомый ей ранее мир образов и художественных форм. Челаковский смело расширил шкалу поэтических жанров и обогатил арсенал поэтики, стихотворных размеров и т.д. Традиции Челаковского наследовали и развивали К.Я. Эрбен, К. Гавличек-Боровский и многие поэты второй половины XIX в. Была подчеркнута огромная роль Челаковского в развитии чешско-славянских, в том числе чешско-русских, литературных связей. Докладчик специально отметил значение огромного эпистолярного наследия Челаковского для изучения эпохи чешского и – шире – славянского национального Возрождения.

В докладе "Фр.Л. Челаковский и его словарь славянских паремий" В.В. Усачева подчеркнула оригинальность поэтического таланта Челаковского, который заключался прежде всего в том, что, будучи восторженным поклонником славянского фольклора, он переносил на чешскую почву народные песни других славян, показывал их родство и тем самым знакомил народы между собой. Его своеобразное творчество отразило глубокое и всестороннее знание русского и славянского фольклора. Был отмечен значительный вклад Челаковского в славянскую лексикографию. Между тем многие из написанных им словарей ("Полтавский словарь", "Верхне- и нижнелужицкий словарь", "Этимологический словарь славянских языков") остались в

рукописи, опубликовано было лишь "Дополнение к Словарю чешского языка Юнгмана" (1851). Знакомство со всеми славянскими языками, постоянный интерес к народной словесности, знание не только фольклора, но и этнографии пробудили у Челаковского стремление к изучению малых фольклорных жанров. Чешский поэт пытался постичь душу народа через пословицы и поговорки, фразеологизмы, крылатые выражения, в которых в своеобразной форме отражается мировидение человека, его философия. Собранный Челаковским большая коллекция славянских пословиц и поговорок, пополнявшаяся им почти всю жизнь, составила компендиум славянских паремий, озаглавленный Челаковским в духе романтизма — "Мудрость славянских народов в пословицах" (1851—1852), который содержит 15 тыс. примеров. Интуиция ученого-компаративиста подсказала ему, что память таких коротких текстов, как пословицы и поговорки, чрезвычайно глубока, они передаются из поколения в поколение как часть общеязыкового запаса речений. Труд Челаковского, подчеркнула В.В. Усачева, можно назвать первым паремиологическим словарем, в который включен не только сравнительный материал из всех славянских, но и других индоевропейских языков.

Театральным интересам Фр.Л. Челаковского был посвящен доклад Л.Н. Титовой. Его деятельность, связанная с театральной жизнью Чехии 20—30-х годов XIX в., известна менее, чем в иных сферах. Было рассказано о студенческих годах поэта, когда он играл в любительской труппе своего родного города Страконице, одновременно обособывая в прошениях на имя городских властей важность постановок на чешском языке, а также свое понимание значения театра в культурной жизни Чехии. Безоговорочно принимая концепцию Й. Юнгмана, уделявшего немалое внимание отечественной драматургии и ратовавшего за создание "большой" национальной трагедии, за художественное совершенство чешских драматических произведений, чистый, правильный чешский язык, Челаковский вслед за ним высоко оценивал пьесы Ф. Туринского и Й. Линды, в то же время высказывая ряд критических замечаний в адрес Я.Н. Штепанека и В.Кл. Клицперы, комедии и исторические драмы которых, с его точки зрения, не обладали достаточной художественной зрелостью и самостоятельностью; особого осуждения Челаковского вызывала их низкая языковая культура. Л.Н. Титова осветила

взгляды Челаковского на пути развития отечественной драматургии и музыкального театрального искусства, активно защищавшиеся им в печати и в личной переписке. В заключение было сказано о его переводах и драматургии.

В докладе В.В. Мочаловой "Хрестоматия по польской литературе Фр.Л. Челаковского" освещались принципы подбора текстов для хрестоматии по польскому языку и литературе (1850), опубликованной Челаковским в последний период его жизни. Известно, что в это время им был подготовлен и издан целый ряд подобного рода компендиумов (в том числе хрестоматия по русской литературе), ориентированных на педагогические и исследовательские задачи. Характерные приращения деятеля чешского национального Возрождения проявились в самом замысле и составе этой хрестоматии самым ярким образом, подчеркнула В.В. Мочалова. Прежде всего Челаковский стремился этим трудом способствовать взаимному познанию славянских народов, сближению их культур. Возрожденческий пафос обусловил внимательное и совокупное рассмотрение языкового, фольклорного и литературного материала, акцентирование исторической тематики. Примечательно, что ранние этапы литературного развития отражены более полно по сравнению с эпохой барокко, макароническую прозу и поэзию которой Челаковский оценивает сугубо отрицательно как утраченную национальную самобытность. Хронологически близкий ему романтический период развития польской литературы он представляет весьма избирательно, помещая в хрестоматии, например, лишь историческую прозу З. Красиньского и опуская его лучшее поэтическое произведение, как и творчество Ю. Словацкого, Ц. Норвида. Таким образом, подчеркнула В.В. Мочалова, сборник текстов для хрестоматии по польскому языку и литературе не только представлял польскую письменность и литературу чешскому читателю середины XIX в., но и носил выраженный славянофильский, просветительский и дидактический характер, соответствуя идеям Челаковского о необходимости славянского взаимодействия, желательном облике национальной литературы, первостепенной значимости исторической и народной компоненты в культуре.

Л.С. Кишкин в докладе "Пушкин в переводах чешских и других его современников" рассмотрел чешские переводы периода 1830—1850-х годов из Пушкина. Многие из них были сделаны Челаковским (стихотворения "Делибаш", "Зимний вечер",

"Утопленник", "Гусар" и др.). Далее докладчик осветил появившиеся в 1830-е годы чешские переводы "Цыган" и "Бориса Годунова", осуществленные Я.С. Томи-чеком. В 1840-е годы Пушкина переводили также поэты Я.П. Коубек, К.Г. Боровский, ряд других чешских литераторов. Большое внимание было уделено в докладе переводам

В.Ч. Бендла, который впервые познакомился с произведениями Пушкина через переводы Челаковского. Благодаря Бендлу в 1850-е годы чешские читатели узнали все основные поэмы русского классика и многие его лирические стихотворения.

© 1999 г. *Н.С. Осипова*

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1999 ГОДУ

Выступление Президента Республики Польша Александра Квасьневского на XII Международном съезде славистов	№ 1
---	-----

СТАТЬИ

Аксенова Е.П., Горяинов А.Н. Русская научная эмиграция 1920–1930-х годов: по переписке М.Г. Попруженко и А.В. Флоровского	№ 4
Аксенова Е.П. Академик А.Н. Пыпин и вопросы украинского национального возрождения	№ 5
Арапов Д.Ю. Исследователи "Записки" Ибн Фадлана в России (К 60-летию издания "Путешествия Ибн Фадлана на Волгу).....	№ 3
Беляев Л.А. Об источниках иконографии "Гроба Господня" в новгородской пластике XIII–XV веков.....	№ 2
Борисенок Е.Ю. Украинизация 1920–1930-х годов в СССР в освещении современной украинской историографии.....	№ 5
Будагова Л.Н. Восприятие творчества А.С. Пушкина чешским поэтическим авангардом	№ 3
Валева Е.Л. Политические процессы в Болгарии 1944–1948 годов	№ 4
Гордеев М.Ю. Новые данные к биографии Симеона Полоцкого: завещание матери просветителя.....	№ 2
Дини Пьетро У. Заметки об истоках балтийской лингвистики	№ 5
Досталь М.Ю. Всеславянский аспект теории официальной народности.....	№ 5
Ефимова В.С. О некоторых проблемах морфемного членения в старославянском языке (к постановке вопроса).....	№ 2
Зинквичюс З. Древнейшие литовские тексты до Мартинаса Мажвидаса.....	№ 5
Зубачевский В.А. Геополитические планы Германии, Польши, Советской России в период польско-советской войны 1920 года.....	№ 4
Зудин Ю.Ф. Болгария: трудный путь в "большую Европу"	№ 3
Игумен Иннокентий (Павлов). Slavia Orthodoxa в XVIII – начале XIX века и церковно-учительские труды св. Софрония Врачанского.....	№ 2
Келли К. Быт и самобытность: русские консерваторы и культ домашности, 1800–1860-е годы	№ 5
Кишкин Л.С. А.С. Пушкин и словацкая литература.....	№ 3
Круглый стол "Драма: слово и действие".....	№ 6
Куолис Д. Понятие "литовец" и "Литва" в литовской письменности XVI–XVII веков	№ 5
Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л. Между Востоком и Западом Европы: Культура народов Великого княжества Литовского	№ 5
Лабынцев Ю.А. Древнелитовская кирилловская письменная традиция и "Катехизис" М. Мажвидаса.....	№ 5
Лаптева Л.П. Чешский ученый XIX века Франтишек Палацкий и его связи с русской наукой	№ 3
Липатов А.В. Меценатство в Польско-Литовском государстве: высокая культура как	

сфера взаимосвязей и преемственности эпох (К постановке проблемы).....	№ 1
Л и т а в р и н Г.Г. Варяги и византийка	№ 2
М а й о р о в а О.Н. Роль и место Польши в современной Европе (дискуссии в польском обществе)	№ 3
М а р ь и н а В.В. 1944–1945 г.: ждали ли русских в Восточной Европе?.....	№ 1
М а р ь и н а В.В. Словацкое национальное восстание 1944 года в послевоенной историографии 1945–1998 годов	№ 6
М а т у л а В. Вместо оды – элегия (Об отношении Л. Штура к А.С. Пушкину)	№ 1
М е л ь н и к о в а Е.А. Скандинавские личные имена в новгородских берестяных грамотах	№ 2
М о ч а л о в а В.В. Категория "чужого" в культуре романтизма (К 200-летию со дня рождения Адама Мицкевича. 1798–1998)	№ 3
М о ш к о в а Л.В. Гимнографические произведения Климента Охридского (структурно-содержательные особенности)	№ 1
М о ш к о в а Л.В., Турилов А.А. Новый памятник древнейшей славянской гимнографии (канон Климента Орхидского на Успение Богородицы).....	№ 2
Н о в о п а ш и н Ю.С. Новая региональная идентичность центральноевропейских стран как научная проблема	№ 3
Н о в о п а ш и н Ю.С. Восточноевропейские революции 1989 года: проблемы изучения	№ 4
П е т р у х и н В.Я. Гостомysl: к истории книжного персонажа	№ 2
Революции 1989 года в странах Центрально-Восточной Европы: взгляд через десятилетие	№ 6
С и н ь о р и н и С. Образ Рима и Италии в произведении Григория Скибинского (XVII–XVIII вв.)	№ 2
Из словаря "Славянские древности"	№ 6
С л у ч С.З. Советско-германские отношения в ходе польской кампании и вопрос о вступлении СССР во вторую мировую войну	№ 6
С м о л е н ч у к А.Ф. Белорусская историография второй половины XIX – начала XX века и становление национальной идеологии	№ 5
С т а н к о в Н.Н. Отто Бауэр: восемь месяцев на Балльхаузплац.....	№ 1
С т ы к а л и н А.С. Творчество А.С. Пушкина в контексте восприятия русской литературной классики в Венгрии (XIX – первая половина XX века).....	№ 3
Т о п о р о в В.Н. Мартинас Мажвидас в контексте его времени (К 450-летию со дня выхода в свет первой литовской книги).....	№ 5
"Утопия и утопическое" – материалы круглого стола	№ 1
Ф л о р я Б.Н. Князь, Новгород, и веса и мерила на Новгородском торгу.....	№ 2
Ф р е й д з о н В.И. О хорватской историографии 1950–1980-х годов по национальной идеологии до возникновения Югославии	№ 5
Ц ы м б у р с к и й В.Л. Праславянское *ostrovъ: к пересмотру этимологии.....	№ 4
К юбилею В.Л. Янина	№ 2

СООБЩЕНИЯ

А л е к с е е в а Е.В. Русские интеллектуалы в научной жизни Белграда (1919–1941 годы).....	№ 4
В а с и л ь е в М.А. Канун крещения Руси: "проводы–похороны" киевских кумиров Перуна и Волоса	№ 2
Б л ю м о в а Д., Б л ю м о в И. "Крестный путь" чехов за Нобелевской премией по литературе	№ 3
Б о л о т и н а Н.В. Балканский кризис и русско-турецкая война 1877–1878 годов в московских "Листках"	№ 4
В е л ь м е з о в а Е.В. "Кузнечные заговоры" и текст кузнеца в чешской фольклорной традиции	№ 6

К а з а к о в а И.О. Некоторые наблюдения над ономастикой в югославских народных песнях XVII–XVIII веков.....	№ 2
К о с и к В.И. Украинский вопрос и проблема "балканизации" России в среде русских эмигрантов в 1930-е годы: В связи с выходом в свет сборника документов "Чему свидетели мы были"	№ 4
К о с и к В.И. Забытая страница (из послевоенной истории Русской Церкви в Югославии).....	№ 5
Л о м а д ж и с т р о Б. Понятия "языка" и "правоверия" в понимании Матфея Карамана.....	№ 2
М е д в е д е в а К.Т. Венский мир и предпосылки создания сословной Конфедерации 1608 года.....	№ 2
М е д в е д е в а О.В. Деятельность российского консула в Сливене Г.В. Ващенко (1830–1833 годы).....	№ 4
М у р т у з а л и е в С.И. Константин Иречек и Болгария.....	№ 3
С т р е л ь ц о в а Я.Р. Проблема интеграции российской диаспоры в ближнем зарубежье.....	№ 4
С т ы к а л и н А.С. Русский славянофил середины XIX века о зарубежных славянах (Путевые заметки В.А. Панова).....	№ 1
Ш о с т а к о в и ч Б.С. Дело о неизвестном иркутском корреспонденте "Московских ведомостей"	№ 3

ПУБЛИКАЦИИ

Д о с т а л ь М.Ю. Письма русских ученых-эмигрантов Н.П. Кондакова и Г.В. Флоровского Иржи Поливке	№ 4
--	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А н д р и я к а И.А. Словацкая литература. От истоков до конца XIX века.....	№ 1
Б р о д ж и Б е р к о ф ф Дж. А.С. Мыльников. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, провогипотезы XVI – начала XVIII в.....	№ 2
Б у л а н и н Д.М. С.И. Николаев. Литературная культура Петровской эпохи.....	№ 1
В а с и л ь е в а Н.В. Й. Баев. Военнополитическите конфликты след втората световна война и България.....	№ 1
Д о с т а л ь М.Ю. Г.В. Рокина. Ян Коллар и Россия: История идеи славянской взаимности в российском обществе первой половины XIX в.....	№ 5
З е н ч у к В.И. Славистика.....	№ 4
К а р е е в а Е. М. Todorova. Imagining the Balkans	№ 5
К и ш к и н Л.С. П. Савицкий. Дороги	№ 4
К л о п о в а М.Э. Cz. Partacz. Od Badeniego do Potockiego. Stosunki polsko-ukrainiskie w Galicji w latach 1888–1908	№ 5
Л а б ы н ц е в Ю.А. Русь–Литва–Беларусь: Проблемы национального самосознания в историографии и культурологии	№ 1
Л е о н и д о в В. Л. Флейшман, Ю. Абызов, Б. Равдин. Русская печать в Риге	№ 4
М а р ь и н а В. K novověkým sociálním dějinám Českých zemí.....	№ 4
М е ч к о в с к а я Н.Б. Bibliografia językoznawstwa slawistycznego za rok 1992–1994.....	№ 6
М о л ч а н о в А.А. Л.А. Беляев. Древние монастыри Москвы (конец XIII – начало XV в.) по данным археологии	№ 2
М у с и е н к о С.Ф. История литератур западных и южных славян.....	№ 1
С о ф р о н о в а Л.А. М. Плеханова. Сюжеты и символы Московского царства.....	№ 2
Т у р и л о в А.А. Л.В. Заборовский. Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х–80-х гг. XVII в.	

Документы. Исследования	№ 2
У с и е н к о Е. Т. Jadah. The Serbs. History, Myth and the Destruction of Yugoslavia	№ 5
У с и к о в а Р. П. Видоевски. Дијалектите на македонскиот јазик.....	№ 5
Ф е д о р ч у к А. М. Фрейденберг. Очерки истории балканского еврейства. Я – историк	№ 2
Ф р е й д з о н В. И. M. Sestak, M. Teichman, L. Havlikova, L. Hladky, J. Pelikan. Dejiny jihoslovanských zemi	№ 4
Ш в е д о в а Н. В. J. Dohnal. Povidková tvorba Leonida Nikolajeviče Andrejeva.....	№ 1
Ш в е д о в а Н. В. Русский символизм в интерпретации Э. Малити	№ 4

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А н д р е е в В., Д о р о ч е н к о в А. Державинские чтения в Санкт-Петербургском университете.....	№ 1
Д о с т а л ь М. Ю. Конференция "Слаянская идея: историография и источники"	№ 6
М о ч а л о в а В. В. Международная научная конференция "Адам Мицкевич – традиция и новаторство".....	№ 3
Н о с о в Б. В. Международная научная конференция "Станислав Август и его эпоха: 200-летие кончины последнего короля Речи Посполитой"	№ 5
О с и п о в а Н. С. Круглый стол "Славянские поэты – ровесники А. С. Пушкина"	№ 6
С м о л ь н и н о в а М. Г. Конференция "А. С. Пушкин и мир славянской культуры. К 200-летию со дня рождения поэта"	№ 4
Ч в ы р ь Н. В. Международная конференция "Славяне и их соседи".....	№ 6

PERSONALIA

К ю билею А. Г. Широковой.....	№ 2
В е н д и н а Т. Памяти Божидара Видоевского (1920–1998).....	№ 1
В о л к о в В. К. Памяти профессора Михаила Бачварова (1929–1997).....	№ 5
Лев Валентинович Заборовский (1930–1998).....	№ 2
Виталий Иванович Злыднев (1919–1999).....	№ 4
О р е л В. Э. Леонид Александрович Гиндин.....	№ 1
Ш е р л а и м о в а С. Памяти Владимира Мацуры	№ 5
Памяти Мирослава Янакиева	№ 2
Новые издания Института славяноведения РАН.....	№ 1–6

- В 1996–1999 гг. в Институте славяноведения РАН вышли следующие издания:
- * Болгария и Россия. Сб. трудов Б.Н. Билунова. М., 1996.
  - * Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996.
  - * *Виноградов В.Н., Ерещенко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996.
  - * *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903. М., 1996.
  - * *Дмитриев М.В., Флоря Б.Н., Яковенко С.Г.* Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в. Ч. I: Брестская уния 1596 г. Исторические причины. М., 1996.
  - * Дьяков Владимир Анатольевич (1919–1995). М., 1996.
  - * Концепт движения в языке и культуре. М., 1996.
  - Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур. Информационный бюллетень. Вып. 28–29. М., 1996.
  - * *Николаева Т.М.* Просодия Балкан. Слово – высказывание – текст. М., 1996.
  - * Обзоры Научного центра славяно-германских исследований. I. М., 1996.
  - * Очерки истории культуры славян. М., 1996.
  - * Поэзия западных и южных славян и их соседей. Развитие поэтических жанров и образов. М., 1996.
  - * "Путь романтический совершил..." Сб. статей памяти Б.Ф. Стахеева. М., 1996.
  - * Русская эмиграция в Югославии. М., 1996.
  - * Славянские матицы XIX в. М., 1996. Ч. 1–2.
  - * Славянские языки в зеркале неславянского окружения. Тезисы международной конференции. 20–22 февраля 1996 г. М., 1996.
  - * *Титова Л.Н.* Образы и знаки в чешской культуре XVIII–XIX вв. М., 1996.
  - * *Улуян А.А.* Деятели болгарского национально-освободительного движения XVIII–XIX вв. Библиографический словарь. М., 1996. Т. I–II.
  - * Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997.
  - * Балканские исследования. Вып. 17: Церковь в истории славянских народов. М., 1997.
  - * *Венелин Ю.И.* Грамматика нынешнего болгарского языка. М., 1997.
  - Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. I: 1944–1948. М.; Новосибирск, 1997.
  - * История литератур западных и южных славян. М., 1997. Т. I–II.
  - * Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. М., 1997.
  - * Македония. Путь к самостоятельности. Документы. М., 1997.
  - * Материалы "Особой папки" Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923–1944 гг. М., 1997.
  - * Натура и культура. М., 1997.
  - * *Николаева Т.М.* "Слово о полку Игореве". Поэтика и лингвистика текста. "Слово о полку Игореве" и пушкинские тексты. М., 1997.
  - * *Никольский С.В.* История образа Швейка. Новое о Ярославе Гашеке и его герое. М., 1997.
  - * Политический ландшафт стран Восточной Европы. М., 1997.
  - * Славянский вопрос: Вехи истории. М., 1997.
  - * Славянские соединительные союзы. М., 1997.
  - * *Фрейдзон В.И.* Далмация в хорватском национальном возрождении XIX в. К истории югославизма и его неудачи. М., 1997.
  - * *Аншаков Ю.П.* Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856 гг.). М., 1998.
  - * *Волокитина Т.В.* "Холодная война" и социал-демократия в Восточной Европе. 1944–1948 гг. М., 1998.
  - * *Заборовский Л.В.* Католики, православные, униаты. Проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х – 80-х гг. XVII в. Документы. Исследования. М., 1998. Ч. I.
  - * *Мургулия М.П., Шушарин В.П.* Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII веках. М., 1998.

- * Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 1998. Ч. 1.
- * Славянская идея: история и современность. М., 1998.
- * Славянские литературные языки эпохи национального возрождения. М., 1998.
- * Слово и культура. Памяти Н.И. Толстого. М., 1998. Т. II.
- * Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. Документы российских архивов. М., 1998.
- * Февраль 1948 г. Москва и Прага. Взгляд через полвека. М., 1998.
- * Центральная Европа в новое и новейшее время. М., 1998.
- * *Шемякин А.Л.* Идеология Николая Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998.
- * XVIII век: славянские и балканские народы и Россия. М., 1998.
- * Ю.И. Венелин в Болгарском возрождении. М., 1998.
- * Власть и интеллигенция. Культурная политика в странах Центральной и Восточной Европы. 1920–1950-е годы. М., 1999. Вып. 3.
- * *Дмитриев М.В., Заборовский Л.В., Турилов А.А., Флоря Б.Н.* Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – первой половине XVII в. Ч. II: Брестская уния 1596 г. Исторические последствия события. М., 1999.
- * Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999.
- * Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой. М., 1999.

Книги, отмеченные звездочкой. Вы можете приобрести по адресу: 117334, Москва, Ленинский пр-т, 32А, корп. В, Институт славяноведения и балканистики РАН, комн. 920. Тел. (095)938-54-66, Гурьева Маргарита Васильевна. Только за наличный расчет.

ВАСИЛЬЕВ М.А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира / Отв. ред. А.А. Турилов. – М.: Индрик, 1999. – 328 С.

Монография является первым в историографии комплексным исследованием проблем, связанным с функциями, обликом, временем и путями проникновения в восточнославянское язычество иранских (сармато-аланских) по своему происхождению богов Хорса и Семаргла, а также "первой религиозной (языческой) реформой" (980–988) великого князя Владимира Святославича. В Приложениях рассматриваются вопросы о соотношении *словен* и *антов* раннесредневековых письменных памятников и о новгородской *Перыни* как гипотетическом месторасположении капища Перуна в годы языческого реформирования Владимира. Книга написана на основе обширного круга источников (письменных, лингвистических, фольклорных, изобразительных и иных), принадлежащих к различным лингво-культурным и религиозным традициям (славянской, иранской, индийской и др.).

VASILYEV M.A. *Eastslav Paganism on the Eve of Rus'Christening: Religious and mythological interaction with the iranian world. Pagan reform of grand duke Vladinir*. – Moscow, "Indrik", 1999. – 328 P.

The monograph is devoted to the problems of functions, aspects, times and ways of penetration into eastslav paganism of the gods *Chors* and *Semargl* (iranian, sarmat-alanian by origin) and to the "first (pagan) reform" (980–988) of grand duke Vladimir. The author is also analysing in the ethnohistorical aspect the issue of correlation of *slovene* and *anti* of Early Middle Ages sources and also the issue of Novgorod *Peryn'* as hypothetic location of god Perun idol in the times of the pagan reform.

CONTENTS

ARTICLES

The 1989 Revolution in the East European Countries: a View Through a Decade	3
<i>Sluch S.Z.</i> (Moscow). Soviet-German Relations During the Polish Campaign and the Question of the USSR Entering the II WW	32
<i>Maryina V.V.</i> (Moscow). The 1944 Slovakian National Uprising in the Post-War Historiography ...	44
Round Table "Drama: Word and Action"	60
From the Dictionary "Slavonic Antiquites"	90

COMMUNICATIONS

<i>Velmezova E.V.</i> (Moscow). "Blacksmith Charms" and the Blacksmith Text in the Czech Folklore Tradition	104
--	-----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Mechkoivskaja N.B.</i> Bibliografia językoznawstwa slawistycznego za rok 1992–1994.....	109
--	-----

SCHOLARLY LIFE

<i>Chvyr N.V.</i> The International Conference "Slavs and Their Neighbours"	113
<i>Dostal M.Yu.</i> The Conference "Slavonic Idea: Historiography and Sources"	116
<i>Osipova N.S.</i> Round Table "The Slavic Poets of A. Pushkin's Age"	118
Index of the articles and texts published in the magazine in 1999	121
The New Publications of the Institute for Slavic Studies of RAS	125

Технический редактор *В.М. Пахомова*

Сдано в набор 11.08.99

Подписано в печать 12.10.99

Формат бумаги 70×100 1/16

Офсетная печать.

Усл. печ. л. 10,4

Усл. кр.-отг. 6,2 тыс.

Уч.-изд. л. 12,0

Бум. л. 4,0

Тираж 584 экз. Зак. 3034

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20

Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

E-mail: vasilyev@FL09.tower.ras.ru

Индекс 70891

Славяноведение, 1999, № 6

ISSN 0132-1366